ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею

М. Н. Ясинскаго.

КІЕВЪ.

Типографія **Т. Г. Мейнандеръ**, Николаевская, № 17.

1900.

Содержаніе.

Кн. XIV, вып. I.

Отдѣлъ I.

Стран.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1888/9 г.—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества, читанный въ годичномъ публичномъ засѣданіи 27 октября 1899 г. секретаремъ Общества *М. Н. Ясинскимъ* . . . . 3—22

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества за ноябрь и декабрь 1899 г. . . . . 23—39

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ—*С. Т. Голубева* 23

Къ вопросу о польскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1831 г.—*О. И. Левицкаго* 24

Новое сочиненіе о гайдамачествѣ—*В. Б. Антоновича* . 27

Изъ исторіи городовъ и купечества въ средніе вѣка на Западѣ и въ Россіи.—*В. А. Удинцева* . . . 30

Мѣсто А. С. Хомякова въ русской исторіографіи.—*В. З. Завитневича* 32

Мнѣнія хорватскаго ученаго о „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“ Пушкина.—*А. І. Степовича* . . . 35

Отдѣлъ II.

Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.—*М. Н. Ясинскаго* . . . . . 3—50

Приложеніе: Уставъ Короннаго трибунала и дополнительныя къ нему статьи въ русскомъ переводѣ XVI в. . . . . 51—72

Заглавный листъ, а равно подробное оглавленіе всей XIV кн. „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ будутъ приложены къ послѣднему (третьему) выпуску означенной книги, который выйдетъ около 1-го ноября 1900 года.

Отдѣлъ I.

ЛѢТОПИСЬ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА НЕСТОРА Л.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1898–9 г.

(Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1898 г. по 27 октября 1899 г., читанный въ годичномъ публичномъ засѣданіи Общества секретаремъ его М. Н. Ясинскимъ).

По порученію Совѣта Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, состоящаго при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра, имѣю честь представить нынѣ, въ день чествованія памяти преподобнаго Нестора-лѣтописца, Вашему, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, благосклонному вниманію отчетъ о состояніи и дѣятельности нашего Общества за *27-ой годъ* его существованія, а именно съ 27 октября 1898 г. по 27 октября 1899 г.

Настоящій краткій отчетъ содержитъ въ себѣ лишь важнѣйшія свѣдѣнія: во 1-хъ, о личномъ составѣ Общества, во 2-хъ, о состояніи его библіотеки и денежныхъ средствъ и, въ 3-хъ, о научной дѣятельности Общества въ истекшемъ отчетномъ году.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества Нестора-лѣтописца, его Совѣта и бюро.

Къ 27 октября 1898 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 148 членовъ, а именно 20 почетныхъ, 127 дѣйствительныхъ и 1 члена-корреспондента.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества.

1) Общество наше лишилось двухъ почетныхъ своихъ членовъ въ лицѣ академика *А. Ѳ. Бычкова и В. Н. Юргевича* и четырехъ дѣйствительныхъ: *П. А. Лашкарева, Н. А. Лавровскаго, кн. А. В. Дабижи и Н. П. Чернева.*

Покойный *Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ*, родившійся въ 1818 г., а скончавшійся 2 апрѣля настоящаго года, состоялъ почетнымъ членомъ нашего Общества съ 29 января 1878 г., т. е. свыше 21 года. Многолѣтняя плодотворная жизнь и многосторонняя государственная служба и ученая дѣятельность этого мужа науки, болѣе или менѣе извѣстныя всѣмъ интересующимся отечественною исторіей, требуютъ, конечно, болѣе подробнаго очерка, чѣмъ это можемъ сдѣлать мы въ настоящей краткой поминкѣ. Надѣемся, однако, что кто-либо изъ болѣе компетентныхъ членовъ нашего Общества представитъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій этого послѣдняго обстоятельный докладъ о трудахъ А. Ѳ. Бычкова; съ своей же стороны отмѣтимъ здѣсь лишь въ общихъ чертахъ главнѣйшіе моменты въ государственной и ученой дѣятельности почившаго почетнаго члена нашего Общества.

По окончаніи въ 1840 г. Московскаго университета, гдѣ онъ былъ между прочимъ ученикомъ М. И. Погодина, А. Ѳ. Бычковъ поступилъ на службу въ Археографическую Коммиссію, въ которой уже съ 1854 г. онъ несъ обязанности главнаго редактора лѣтописей и съ которой, въ качествѣ дѣятельнаго ея члена, а нерѣдко и руководителя, не разставался до своей смерти. Параллельно со службой въ Археографической Коммиссіи А. Ѳ. Бычковъ несъ таковую же и въ Императорской Публичной библіотекѣ, куда поступилъ еще въ 1844 г. на должность завѣдывающаго отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ. Съ этой библіотекой, директоромъ которой онъ сдѣлался въ 1882 г., А. Ѳ. Бычковъ не разставался также до послѣднихъ дней своей жизни. Кромѣ Археограф. Коммиссіи и Императорской Публичной библіотеки, онъ состоялъ нѣкоторое

время на службѣ еще и во II Отдѣл. Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи, гдѣ участвовалъ въ различныхъ кодификаціонныхъ работахъ, а именно трудился надъ просмотромъ перевода 3-й части „Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ“ и былъ членомъ коммиссіи для составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части въ Имперіи (въ 1862—1864 гг.). Наконецъ, съ 1866 г. Бычковъ состоялъ академикомъ по Отдѣленію рус. яз. и словесности, съ того же 1866 г. предсѣдателемъ коммиссіи для разбора и описанія архива Св. Синода, съ 1882 г. помощникомъ предсѣдателя Имп. Русск. Историч. Общества, а въ 1890 г., когда праздновался 50-лѣтній юбилей государственной службы А. Ѳ. Бычкова, онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ во всѣхъ прежнихъ должностяхъ.

Ученая дѣятельность А. Ѳ. Бычкова выразилась въ составленіи ряда библіографическихъ работъ, важнѣйшая изъ которыхъ „Описаніе церковно-славянск. и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Имп. Публичной библіотеки“ (Спб. 1882 г.), а главнымъ образомъ въ редактированіи, собраніи и изданіи важныхъ историч. памятниковъ; такъ, А. Ѳ. Бычковъ редактировалъ шесть томовъ „Полнаго собранія Русск. лѣтописей“ и сверхъ того—лѣтопись Лаврентьевскую, 2-ю и 3-ю Новгородскія, издалъ 5 томовъ „Дворцовыхъ разрядовъ“ (за 1612—1701 гг.) и „Походные журналы Петра Великаго съ 1695 по 1725 г.“ и, наконецъ, въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалъ для первыхъ томовъ „Писемъ и бумагъ имп. Петра Великаго“, а затѣмъ редактировалъ означенные томы.

Скончавшійся 24 ноября прошлаго года на 80-мъ году жизни вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей *Владиславъ Норбертовичъ Юргевичъ* былъ избранъ почетнымъ членомъ нашего Общества 26 ноября 1889 г., по случаю 50-лѣтняго юбилея Одесскаго Общества исторіи и древностей. Покойный Юргевичъ родился въ Вильнѣ въ 1819 г. и высшее образованіе получилъ въ Гл. педагогическомъ институтѣ, по окончаніи котораго въ 1841 г. былъ

отправленъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Профессорская дѣятельность покойнаго Владислава Норбертовича началась въ 1844 г. въ Харьковѣ, потомъ продолжалась въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ и закончилась въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1887 г.; во всѣхъ означенныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ читалъ обыкновенно лекціи по римской словесности. Одновременно съ переходомъ своимъ въ Одессу Юргевичъ сдѣлался членомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, съ которымъ не разставался въ теченіе сорока лѣтъ. Въ Обществѣ этомъ онъ несъ обязанности секретаря съ 1875 г. и вице-президента съ 1883 г. по день кончины. Всѣ ученые труды покойнаго Юргевича, кромѣ его диссертаціи, посвящены были изученію памятниковъ древности юга Россіи—Новороссіи и Крыма

Въ ночь съ 27 на 28-ое августа скончался на 66-мъ году жизни профессоръ Кіевской Духовной академіи и университета св. Владиміра *Петръ Александровичъ Лашкаревъ*. Въ лицѣ его наше Общество понесло едва ли не самую крупную потерю изъ всѣхъ, постигшихъ его въ отчетномъ году, такъ какъ Петръ Александровичъ былъ не только весьма полезнымъ участникомъ въ трудахъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, но и однимъ изъ немногихъ членовъ-учредителей этого Общества. Подробная характеристика личности усопшаго и оцѣнка его трудовъ будетъ представлена, вѣроятно, въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій кѣмъ-либо изъ нашихъ сочленовъ. Здѣсь же замѣтимъ только, что многолѣтняя преподавательская и учено-литературная дѣятельность покойнаго Петра Александровича посвящена была каноническому праву и церковной археологіи, въ области которыхъ, въ особенности же въ области мѣстной церковной археологіи Петръ Александровичъ справедливо пользовался репутаціей большого знатока. Труды Петра Александровича, посвященные церковнымъ древностямъ, были собраны имъ и изданы ко времени послѣдняго Археологич. съѣзда отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Церковно - Археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты “(К., 1898 г.). Добавимъ къ

этому, что покойный принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ XI-го Археологич. съѣзда, закончившагося лишь за нѣсколько дней до смерти П. Ал., и особенно много потрудился во время подготовительныхъ работъ къ означенному съѣзду: 1), ѣздилъ по порученію Предварит. Комитета въ Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ для осмотра и описанія церковныхъ древностей этихъ городовъ и 2), завѣдывалъ вмѣстѣ съ проф. Титовымъ устройствомъ отдѣла церковныхъ древностей на археологической выставкѣ XI Археол. съѣзда.

Скончавшійся 18 сентября текущаго года *Николай Алексѣевичъ Лавровскій* состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Нестора-лѣтописца съ 8 января 1877 г. Покойный Николай Алексѣевичъ родился въ 1827 г. и образованіе получилъ въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи института онъ вскорѣ сдѣлался тамъ же профессоромъ. Затѣмъ Н. А. Лавровскій послѣдовательно былъ профессоромъ Харьковскаго университета, гдѣ и получилъ степень магистра и доктора русской словесности, директоромъ Нѣжинскаго историко-филологич. института, профессоромъ и ректоромъ Варшавскаго университета. Въ 1890 г. Лавровскій назначенъ былъ попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, на каковомъ посту оставался до самой смерти. Какъ профессоръ, Н. А. Лавровскій былъ отличнымъ университетскимъ преподавателемъ и прекраснымъ лекторомъ; какъ ректоръ и потомъ попечитель, онъ пользовался репутаціей осторожнаго и просвѣщеннаго администратора. Ученые труды покойнаго Лавровскаго посвящены преимущественно исторіи литературы (о литературной дѣятельности Крылова, о Ломоносовѣ, о сочиненіяхъ имп. Екатерины II и др.) и просвѣщенія на Руси („О древне-рус. училищахъ“). Изъ филологическихъ трудовъ покойнаго назовемъ работу, важную не только для филологовъ, но и для историковъ права: „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“ (магист. дессертація, 1853 г.).

Остальные два скончавшихся въ отчетномъ году члена нашего Общества: кн. *Александръ Васильевичъ Дабижа* и *Ни-*

колай Павловичъ Черневъ поступили въ число членовъ сравнительно недавно (первый въ 1896 г., а второй въ 1892 г.) и непосредственнаго участія въ трудахъ Общества не принимали. Оба они, однако, несмотря на злой недугъ (чахотку), не только интересовались историч. наукой, но и трудились въ той или другой ея области. Такъ, покойный Н. П. Черневъ работалъ въ области археологіи и въ частности нумизматики, по которой онъ оставилъ нѣсколько трудовъ, а кн. Дабижа, служившій по вѣдомству Мин. Иностр. дѣлъ, занимался изученіемъ исторіи Южной Россіи и былъ авторомъ нѣсколькихъ замѣтокъ и статей по исторіи Лѣвобережья и Петровской эпохи.

2) Понеся утрату въ лицѣ шести, только что помянутыхъ нами членовъ, личный составъ Историческаго Общества пополнился всего лишь 3 новыми членами, а именно въ теченіе отчетнаго года были избраны въ дѣйствительные члены: *Михаилъ Васильевичъ Суринъ, Ѳедоръ Михайловичъ Уманецъ* и *Вас. Вас. Волкъ-Карачевскій.*

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года, т. е. къ настоящему дню, Общество Нестора-лѣтописца состоитъ изъ 145 членовъ: 18 почетныхъ, 126 дѣйствительныхъ и 1 члена-корреспондента. Изъ этого общаго количества членовъ 73, а именно 8 почетныхъ, 64 дѣйствительныхъ и 1 членъ-корреспондентъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ Кіевѣ, 63 состоятъ иногородными членами и остальные 9 членовъ (2 почетныхъ и 7 дѣйствительныхъ) проживаютъ за границей.

Главное руководство научною дѣятельностью Общества и завѣдываніе его дѣлами, по нынѣ дѣйствующему уставу 1893 г., принадлежитъ Совѣту, въ составъ котораго, кромѣ должностныхъ лицъ (предсѣдателя, его товарища, секретаря и казначея) и непремѣнныхъ членовъ совѣта, т. е. членовъ-учредителей Общества, входятъ 8 лицъ, избираемыхъ изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Совѣтъ Общества въ истекшемъ отчетномъ году состоялъ изъ тѣхъ

же 14-ти лицъ, которыя были членами Совѣта и въ предыдущій годъ, а именно, сверхъ 4-хъ должностныхъ лицъ Общества, изъ двухъ членовъ-учредителей: В. С. Иконникова и П. А. Лашкарева, и 8-ми членовъ по избранію общаго собранія: М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Н. П. Дашкевича, И. В. Лучицкаго, Т. Д. Флоринскаго, П. В. Голубовскаго, И. М. Каманина, А. І. Степовича и В. И. Щербины. Лишь къ концу отчетнаго года произошла небольшая перемѣна въ указанномъ составѣ Совѣта вслѣдствіе смерти П. А. Лашкарева. Такимъ образомъ, въ настоящее время Совѣтъ состоитъ изъ остальныхъ 13-ти переименованныхъ выше лицъ.

Редакціонный Комитетъ, который по 27 § Устава занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, предложенныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшаетъ вопросъ о помѣщеніи ихъ въ „Чтеніяхъ“ Общества, состоялъ въ истекшемъ году изъ тѣхъ же 7-ми лицъ, которыя входили въ составъ Комитета и въ прошломъ году, а именно: изъ 4-хъ должностныхъ лицъ (предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря и казначея) и 3-хъ членовъ Совѣта: М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Н. П. Дашкевича и В. С. Иконникова [1]).

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣд. должностныхъ лицъ, избранныхъ общимъ собраніемъ 5 октября 1896 г.: предсѣдателя поч. чл. В. Б. Антоновича, товарища предсѣдателя поч. чл. А. М. Лазаревскаго, секретаря дѣйств. чл. М. Н. Ясинскаго, казначея поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго и библіотекаря дѣйств. чл. И. М. Каманина (онъ же помощникъ секретаря). 17-го октября с. г., за истеченіемъ срока, на который были избраны всѣ вышеозначенныя должностныя лица, произведены были въ общемъ собраніи новые выборы на слѣдующее трехлѣтіе, при чемъ въ предсѣдатели Общества единогласно избранъ былъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ, а на прочія должности избранными оказались вновь тѣ же самыя лица, которыя несли соотвѣтственныя обязанности въ предыдущее трехлѣтіе.

---

[1]) Совѣтъ и Редакц. Комит. имѣли въ истекшемъ году по 1 засѣданію.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

Въ библіотекѣ Общества къ 27-го октября 1898 года имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ—1973 названія въ 4490 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ 11
2) фотографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей 2
3) отдѣльныхъ документовъ . . . . . 2 связки
и 4) рукописныхъ сочиненій текущаго столѣтія въ формѣ книгъ 7

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 101 названіе въ 204 томахъ и брошюрахъ; что же касается отдѣла рукописей, то новыхъ поступленій туда не было.

Такимъ образомъ, къ настоящему дню библіотека Общества состоитъ изъ: 1), 2074 названій въ 4694 томахъ и брошюрахъ и 2), изъ перечисленныхъ выше предметовъ, входящихъ въ составъ рукописнаго отдѣла библіотеки.

Представленныя сейчасъ данныя показываютъ, что и въ истекающемъ отчетномъ году библіотека Общества продолжала возрастать довольно быстро, особенно если принять во вниманіе, что она и въ этомъ году, какъ и во всѣ предыдущіе годы, пополнялась лишь путемъ обмѣна изданій нашего Общества на изданія другихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а также путемъ пожертвованій книгами со стороны различныхъ лицъ и учрежденій.

Что касается денежныхъ средствъ Общества Нестора-лѣтописца, то они въ отчетномъ году, какъ и раньше, составлялись изъ членскихъ 5-ти рублевыхъ взносовъ, которые вообще поступаютъ неаккуратно, изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества, и, главнымъ образомъ, изъ

ежегодно отпускаемой изъ Государственнаго Казначейства субсидіи въ 800 руб., каковая является съ 1890 г. самою основною и неизмѣнною статьею доходовъ нашего Общества. Къ этимъ обычнымъ статьямъ поступленій слѣдуетъ присоединить еще одну, которая въ доходахъ отчетнаго года, какъ и въ доходахъ предыдущихъ двухъ лѣтъ, играетъ немаловажную роль,—это 10% сбора съ публичныхъ платныхъ лекцій, читаемыхъ отъ имени Общества Нестора-лѣтописца членами его.

Суммы Общества находились въ отчетномъ году, съ 27-го октября 1898 г. по 27 октября 1899 г., въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27 октября 1898 г. оставалось въ кассѣ Общества. . . . . 2278 р. 71 к.
2. Въ теченіе отчетнаго года поступило вновь. . . . . 1467 р. 57 к.
   (менѣе прошлогодняго на 121 р. 52 к.)

и въ томъ числѣ:

1. Правительственной субсидіи . . . 800 р.
2. Членскихъ взносовъ . . . . . 165 р.
   (менѣе прошлогодняго на 188 р.)
3. 10% сбора съ публичныхъ лекцій 353 р.
   (болѣе прошлогодняго на 91 р.)
4. Дохода съ % бумагъ и % по текущему счету. . . . . 97 р. 44 к.
   (болѣе прошлогодняго на 33 р. 22 к.)
5. Отъ продажи изданій Общества. . 52 р. 13 к.
   (болѣе прошлогодняго на 17 р. 44 коп.).

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, которыми касса Общества располагала въ отчетномъ году, составляетъ . . . . . *3746 р. 28 к.*

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1. На изданіе Историч. записки и въ счетъ расходовъ по напечатанію XIII кн. „Чтеній“. 533 р. 20 к.
2. На устройство засѣданій . . . . . 45 р. 50 к.
3. На прислугу . . . . . 40 р. —
4. На канцелярскіе и мелкіе расходы . . . 66 р. 24 к.

Всего же израсходовано. . . . *684 р. 94 к.*

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27 октября 1899 г.) въ кассѣ Общества остается въ наличности *3061 р. 34 к.*

Такая по своей величинѣ небывалая еще въ отчетахъ Общества сумма остатка не можетъ, впрочемъ, считаться вполнѣ свободною наличностью, такъ какъ изъ нея предстоитъ издержать въ самомъ непродолжительномъ времени около 700 рублей на покрытіе произведенныхъ уже, но пока не оплоченныхъ расходовъ по изданію заканчивающейся печатаніемъ XIII кн. „Чтеній“. Но если даже принять во вниманіе означенную цифру неоплоченныхъ расходовъ истекающаго года, то и тогда слѣдуетъ признать, что этотъ годъ въ финансовомъ отношеніи завершается весьма удачно, что́ даетъ возможность Обществу не только не прерывать, но еще усилить свою издательскую дѣятельность въ предстоящемъ году.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ о дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ частныхъ или очередныхъ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ, а равно въ изданіи исторической записки Общества; въ 3-хъ, въ чтеніи членами Общества отъ имени этого послѣдняго публичныхъ платныхъ лекцій по различнымъ историческимъ и вспомогательнымъ къ нимъ наукамъ и, въ 4-хъ, наконецъ, въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI-го Археологическаго съѣзда, а также въ дѣятельномъ участіи многихъ членовъ Общества въ занятіяхъ означеннаго съѣзда, бывшаго въ августѣ настоящаго года.

Остановимся хотя вкратцѣ на каждой изъ перечисленныхъ формъ, въ которыхъ выразилась дѣятельность нашего Общества.

1. Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году по настоящій день включительно было 11, изъ нихъ 8—частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты членовъ, 2—административныхъ для выбора должностныхъ лицъ Общества и разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ и 1 (сегодняшнее)— торжественное годичное.

Въ засѣданіяхъ, посвященныхъ рефератамъ, доложено было 18 научныхъ сообщеній (не считая сегодняшней рѣчи проф. Н. П. Дашкевича), многіе изъ которыхъ вызвали оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими членами Общества. Изъ означенныхъ 18-ти сообщеній

а) къ археологіи относился рефератъ д. чл. *Н. А. Оболонскаго:* „О скелетѣ и предметахъ, найденныхъ при раскопкѣ кургановъ въ Херсонской губ.“;

б) древней русской исторіи посвящены были 2 доклада: поч. чл. *В. Б. Антоновича:* „О мѣстонахожденіи лѣтописнаго г. Шумска“, и поч. чл. *Н. П. Дашкевича:* „Послѣднія мнѣнія о происхожденіи Болоховскихъ князей“;

в) къ исторіи Южной Руси XVI и XVII вв. относились 2 реферата: д. чл. *М. Н. Ясинскаго:* „Трибуналъ, или главный судъ, въ Луцкѣ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.“, и д. чл. *И. М. Каманина:* „Новыя данныя о борьбѣ казачества съ Польшею въ эпоху Богдана Хмельницкаго“;

г) къ новѣйшей исторіи Юго-Западнаго края относилось сообщеніе д. чл. *О. И. Левицкаго:*„ Эпизодъ изъ исторіи польскаго мятежа 1831 г.“;

д) изслѣдованію древнихъ памятниковъ письменности и обозрѣнію историческихъ и историко-географич. матеріаловъ были посвящены слѣд. 7 сообщеній: д. чл. *М. Н. Сперанскаго:* „Къ исторіи славянскаго перевода Евангелія“; д. чл. *С. Т. Голубева:* „Новое неизвѣстное полемич. сочиненіе 1633 г.“; д. чл. *А. И. Соболевскаго:* „О неизвѣстныхъ произведеніяхъ Варлаама Ясинскаго, ректора Кіевскаго братства“; д. чл. *Н. В. Молчанов-*

скаго: „Бумаги Шведскаго государственнаго архива по исторіи Южной Руси“; поч. чл. *В. Б. Антоновича:* „Объ описаніи архидіакономъ Павломъ Алепинскимъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ 1653 г.“; д. чл. *Ю. А. Кулаковскаго:* „Европейская Сарматія по Птоломею“, и д. чл. *В. А. Кордта*: „Исторія картографіи Сибири“;

е) къ исторіи литературы южныхъ славянъ относился рефератъ д. чл. *А. І. Степовича:* „Къ вопросу о размѣрѣ стихотвореній сербскихъ поэтовъ Дубровницкаго періода“;

ж) къ всеобщей исторіи, а именно къ исторіи Востока, относился докладъ д. чл. *А. Н. Грена:* „Сассанидская эпоха въ Персіи по даннымъ Ибнъ-Кутейбы“;

и з) наконецъ, обзору дѣятельности послѣдняго Арх. съѣзда и оцѣнкѣ трудовъ отдѣльныхъ ученыхъ посвящены были рефератъ д. чл. *И. М. Каманина:* „Вопросы археографіи на XI Арх. съѣздѣ“, и два сообщенія д. чл. *А. А. Дмитріевскаго* объ ученыхъ трудахъ проф. А. С. Павлова и проф. Н. Ѳ. Красносельцева.

2. Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ въ издаваемыхъ имъ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“. Въ декабрѣ прошлаго года было приступлено къ изданію XIII книги „Чтеній“, которая нынѣ заканчивается печатаніемъ и выйдетъ въ свѣтъ въ будущемъ мѣсяцѣ. Въ книгу эту, кромѣ свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества и отчета о его состояніи и дѣятельности за прошлый годъ, вошелъ рядъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ, доставленныхъ слѣд. членами: С. С. Гамченкомъ (Древній поселокъ и могильникъ въ урочищѣ „Стуга“), Ю. А. Кулаковскимъ (Аланы по свѣд. классич. и визант. писателей), М. Н. Сперанскимъ (Южно-русскіе тексты апокрифическаго евангелія Ѳомы), А. М. Лободой (Народность въ русской музыкальной драмѣ сто лѣтъ назадъ), Н. Н. Оглоблинымъ (Кіевское дѣло 1828 г. о „преважныхъ политическихъ тайнахъ“), М. Н. Ясинскимъ (Матеріалы для исторіи Луцкаго Трибунала) и А. М. Лазаревскимъ (Малороссійскія переписныя книги 1666 г.).

Кромѣ того, въ апрѣлѣ настоящаго года была закончена печатаніемъ и выпущена изъ типографіи, въ видѣ отдѣльнаго изданія, Историческая записка по случаю 25-лѣтія нашего Общества, съ приложеніемъ къ ней рѣчи, читанной п. чл. Н. П. Дашкевичемъ въ торжественномъ засѣданіи 14 января 1898 г. Означенная историческая записка, содержащая въ себѣ не только исторію Общества, но также полный перечень всѣхъ живыхъ и умершихъ членовъ и сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладовъ, была своевременно роздана и разослана всѣмъ членамъ. Сверхъ того, оттиски названной историч. записки будутъ, согласно рѣшенію Совѣта и Редакціоннаго Комитета Общества, приложены къ XIII кн. „Чтеній“, имѣющей выйти, какъ о томъ уже упоминалось, въ непродолжительномъ времени.

3. Сверхъ указанныхъ обычныхъ формъ дѣятельности Общества—чтенія и обсужденія представляемыхъ членами рефератовъ и изданія этихъ послѣднихъ, а равно историческихъ матеріаловъ, научная дѣятельность Общества Нестора-лѣтописца выражалась также въ чтеніи публичныхъ платныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ исторической науки. Какъ извѣстно, первый опытъ лекцій подобнаго рода былъ сдѣланъ еще въ 1896 г. Опытъ этого, а равно и слѣдующаго года, когда читались публичныя лекціи на отдѣльныя темы изъ области русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы и пр., былъ настолько удаченъ, что побудилъ Общество Нестора, по иниціативѣ нѣкоторыхъ его членовъ, организовать въ осеннемъ симестрѣ прошлаго учебнаго года рядъ на этотъ разъ уже общихъ, или систематическихъ, курсовъ по различнымъ историческимъ и родственнымъ имъ наукамъ.

Съ разрѣшенія начальства, даннаго на основаніи 3 § устава нашего Общества, предоставляющаго этому послѣднему право открывать платныя публичныя чтенія по утвержденнымъ Совѣтомъ Общества программамъ, 4 октября прошлаго года началось чтеніе публичныхъ лекцій, общее завѣдываніе которыми принялъ на себя членъ Совѣта Общества и

поч. чл. его И. В. Лучицкій. Лекціи эти читались 9-ю членами Общества (профессорами Фортинскимъ, Лучицкимъ, Голубовскимъ, Флоринскимъ, Дашкевичемъ, Владиміровымъ, Сикорскимъ и приватъ-доцентами Клячинымъ и Желѣзновымъ) по слѣд. 11-ти предметамъ: 1) по исторіи Греціи, 2) исторіи среднихъ вѣковъ, 3) исторіи новаго времени, 4) русской исторіи, 5) исторіи славянъ, 6) исторіи всеобщей литературы, 7) исторіи русской литературы, 8) по психологіи, 9) по исторіи соціалогическихъ теорій и 10—11) по политической экономіи и статистикѣ.

Успѣхъ этихъ курсовъ, которые продолжались также и въ весеннемъ семестрѣ, превзошелъ всякія ожиданія. Наглядною иллюстраціей этого успѣха могутъ служить слѣд. цифровыя данныя за одинъ лишь осенній семестръ: а) на всѣ объявленные курсы подписалось около 250 лицъ и, кромѣ того, на отдѣльные курсы записывалось отъ 5 до 92 чл., слѣдовательно лекціи нѣкоторыхъ лекторовъ привлекали въ аудиторію около 400 чл.; б) валового дохода отъ лекцій въ осеннемъ семестрѣ получено около 3100 руб. Данныя эти не только рельефно свидѣтельствуютъ о томъ большомъ вниманіи и сочувствіи, съ какими публика относилась къ систематическимъ курсамъ, открытымъ Обществомъ Нестора, но также доказываютъ, что у интеллигентной части мѣстнаго общества существуетъ большой запросъ именно на лекціи подобнаго рода, т. е. знакомящія по возможности съ полнымъ содержаніемъ той или другой науки. Въ виду этого было бы весьма желательно, чтобы столь успѣшно начатыя публичныя лекціи,—и именно въ той формѣ, въ какой онѣ существовали въ отчетномъ году,—не прекращались, а продолжались также и въ наступающемъ году.

4. Нашъ отчетъ о научной дѣятельности Общества Нестора былъ бы весьма неполонъ, если бы мы не остановились болѣе или менѣе подробно еще на одной формѣ этой дѣятельности, притомъ такой, которая занимаетъ среди другихъ едва ли не самое видное мѣсто и по числу работниковъ, и по массѣ затраченныхъ ими труда и энергіи, и, наконецъ, по

достигнутымъ результатамъ. Мы имѣемъ въ виду участіе Общества Нестора-лѣтописца, въ лицѣ многихъ своихъ членовъ, въ подготовительныхъ работахъ по устройству XI-го Археологическаго съѣзда и въ занятіяхъ самаго съѣзда. Остановиться на этой сторонѣ дѣятельности нашего Общества необходимо не только для полноты отчета, но также и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить.

Дѣятельность Общества Нестора-лѣтописца по устройству съѣзда началась, какъ о томъ упоминалось уже въ прошлогоднемъ нашемъ отчетѣ, въ іюнѣ 1897 г., когда Московское Археологическое Общество, во главѣ съ предсѣдателемъ его граф. П. С. Уваровой, обратилось въ Историческое Общество Нестора-лѣтописца *„съ покорнѣйшею просьбою стать во главѣ дѣла Предварительнаго Комитета будущаго съѣзда, сформировать вышеупомянутый Комитетъ и не отказать Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ помощи и содѣйствіи въ дальнѣйшемъ дѣлѣ устройства съѣзда въ Кіевѣ“* [1]).

Наше Общество, какъ извѣстно, съ полною готовностью откликнулось на этотъ призывъ и прежде всего организовало Кіевское отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству съѣзда. Въ составъ этого отдѣленія, во главѣ котораго стояло бюро изъ должностныхъ лицъ Общества Нестора-лѣтописца, за все время его существованія входило 36 лицъ и въ томъ числѣ 30 членовъ нашего Общества, являвшихся представителями какъ этого послѣдняго, такъ равно и др. мѣстныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій.

Нѣтъ никакой надобности слѣдить здѣсь подробно, шагъ за шагомъ, за дѣятельностью Кіевскаго Предварительнаго Комитета, бывшаго и по составу своихъ членовъ и по составу бюро филіальнымъ отдѣленіемъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца: интересующіеся этимъ могутъ ознакомиться со всѣми подробностями по достаточно полнымъ протоколамъ

[1]) Отношеніе Московскаго Археологическаго Общества отъ 13 іюня за № 1037.

означеннаго Комитета, которые своевременно публиковались во всеобщее свѣдѣніе [1]). Кромѣ того, въ прошлогоднемъ отчетѣ нашемъ перечислены всѣ главнѣйшія формы дѣятельности Кіевскаго Предварит. Комитета за время двухлѣтняго его существованія. Сюда относятся: обсужденіе въ засѣданіяхъ Комитета подготовительныхъ работъ и другихъ мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ съѣзда; сношенія въ тѣхъ же видахъ съ отдѣльными лицами, учеными обществами и учрежденіями Юго-Западнаго края; составленіе и разсылка программы для собиранія свѣдѣній о древностяхъ; археологическія раскопки и описаніе предметовъ церк. древности, архивовъ и пр. и пр. [2]). Упомянемъ только, въ дополненіе къ сказанному раньше и въ друг. мѣстѣ, болѣе подробно лишь объ одномъ изъ результатовъ трудовъ Кіевскаго Комитета. Мы имѣемъ въ виду устройство къ съѣзду археологической выставки и составленіе обстоятельныхъ каталоговъ отдѣльныхъ ея частей. Выставка эта, на которую было обращено особенное вниманіе Кіевскаго Предварительнаго Комитета и организація которой потребовала много труда и энергіи со стороны нѣкоторыхъ членовъ Комитета, состояла, какъ извѣстно, изъ слѣдующихъ отдѣловъ: выставки первобытныхъ древностей, иконографической выставки, выставки рукописей и старопечатныхъ книгъ и, наконецъ, выставки картъ и плановъ. Безъ всякаго сомнѣнія, археологическая выставка, устроенная Кіевскимъ Предварит. Комитетомъ, въ полномъ ея составѣ, представляла собою едва ли не самое поучительное и интересное изъ всего, что́ было на минувшемъ съѣздѣ.

Нашъ краткій и бѣглый перечень того, что́ было сдѣлано ко времени съѣзда Кіевскимъ Предварительн. Комитетомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Историч. Обществомъ Нестора-лѣтописца, будетъ неполонъ, если мы не присоединимъ къ

---

[1]) Протоколы эти, кромѣ послѣдняго, печатались въ Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ за 1898—1899 гг. и раздавались членамъ и всѣмъ желающимъ.

[2]) См. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора въ $189^{7}/_{8}$ г., помѣщенный въ XIII кн. „Чтеній“.

этому перечню и того, что́ было сдѣлано, хотя и не отъ имени означеннаго Комитета и Общества Нестора, но все же членами этого послѣдняго и пріурочено также ко времени съѣзда. Сюда относятся: 1) изданная Ю. А. Кулаковскимъ карта Европейской Сарматіи по Птоломею; 2) изданные Кіевскою Археографическою Коммиссіей: „Палеографическій изборникъ“, составленный И. М. Каманинымъ, и „Матеріалы по исторіи русской картографіи“, собранные В. А. Кордтомъ, и 3) изданный П. А. Лашкаревымъ сборникъ его трудовъ по церковной археологіи подъ заглавіемъ „Церковно-археологич. очерки, изслѣд. и рефераты“.

Таковы въ общихъ чертахъ разнообразные труды членовъ Общества Нестора-лѣтописца на поприщѣ подготовительныхъ работъ по устройству съѣзда, труды, которые даютъ право сказать, что Общество Нестора-лѣтописца не оставило втуне обращенной къ нему упомянутой выше просьбы Московскаго Археологич. Общества, а постаралось исполнить ее по мѣрѣ силъ и возможности и тѣмъ всячески содѣйствовало успѣху предстоявшаго съѣзда.

Но подготовительными работами не ограничилось участіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ трудахъ минувшаго съѣзда. Оно въ лицѣ многихъ своихъ членовъ принимало весьма дѣятельное участіе въ занятіяхъ самаго съѣзда. Участіе это выразилось въ представленіи вниманію съѣзда многихъ рефератовъ, въ обсужденіи докладовъ, представленныхъ другими участниками съѣзда, и, наконецъ, въ ознакомленіи пріѣзжихъ членовъ съ мѣстными древностями и въ объясненіи этихъ послѣднихъ.

Насколько непосредственное участіе членовъ Общества Нестора-лѣтописца въ занятіяхъ съѣзда было крупно, это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. На съѣздѣ, на который явилось свыше 500 чел., было, какъ извѣстно, доложено 135 рефератовъ. Изъ этого числа рефератовъ, которое, замѣтимъ мимоходомъ, значительно превышало число таковыхъ на Рижскомъ съѣздѣ, 49 было доложено членами нашего Общества, что́ составляетъ свыше 36% всѣхъ докладовъ.

Если даже изъ числа рефератовъ, прочитанныхъ членами Общества Нестора-лѣтописца, исключить рефераты иногородныхъ нашихъ сочленовъ, то степень участія мѣстныхъ (кіевскихъ) членовъ нашего Общества выразится все же солидною цифрою, составляющею почти 25 % всѣхъ докладовъ, бывшихъ на минувшемъ съѣздѣ. Кромѣ того, многіе изъ нашихъ сочленовъ и въ томъ числѣ тѣ, которые сами не выступали съ рефератами, принимали весьма дѣятельное участіе въ обсужденіи докладовъ, представленныхъ другими, и такимъ образомъ увеличивали мѣру участія Общества Нестора въ занятіяхъ съѣзда.

Какъ бы то ни было, но изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что Общество Нестора-лѣтописца въ лицѣ своихъ членовъ принимало самое дѣятельное участіе въ трудахъ съѣзда и въ значительной степени содѣйствовало его оживленію.

Такова была разнообразная дѣятельность Общества Нестора въ истекшемъ году,—дѣятельность, направленная не только на объединеніе мѣстныхъ изслѣдователей на поприщѣ разработки различныхъ вопросовъ исторіи вообще и отечественной въ частности, но и на распространеніе историческихъ знаній среди публики. Скажемъ даже болѣе: черезъ расширеніе дѣятельности Общества вслѣдствіе чтенія публичныхъ лекцій и веденія подготовительныхъ по устройству Археологическаго съѣзда работъ Общество невольно принуждено было сократить свою обычную и постоянную дѣятельность,—не будь тѣхъ и другихъ, Общество наше несомнѣнно имѣло бы больше засѣданій, а въ этихъ послѣднихъ было бы доложено больше рефератовъ. Мы не хотимъ, однако, этимъ сказать, что сожалѣемъ о таковомъ расширеніи дѣятельности Общества Нестора. Напротивъ, намъ кажется, что всякое подобнаго рода расширеніе обычной дѣятельности Общества не только отрадно, но и всегда было весьма желательно. Но выходя изъ тѣсныхъ рамокъ научнаго общенія между своими сочленами на арену дѣятельности, такъ сказать, публи-

чной, всякое Общество, а значитъ и наше, имѣетъ право претендовать на правильную оцѣнку дѣятельности подобнаго рода, на справедливое отношеніе къ его трудамъ въ этой области. Относительно устраиваемыхъ имъ публичныхъ лекцій Общество можетъ себя чувствовать вполнѣ удовлетвореннымъ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ къ нимъ отнеслись всѣ стремящіеся къ знанію и просвѣщенію. То же почти можно сказать и объ участіи его въ трудахъ минувшаго съѣзда: бывавшіе на засѣданіяхъ этого съѣзда въ качествѣ его членовъ или публики хорошо, вѣроятно, помнятъ, какой интересъ, какой живой обмѣнъ мыслей и мнѣній вызывали многіе изъ рефератовъ членовъ нашего Общества. Нѣкоторые, однако, находятъ, что Кіевскій съѣздъ, въ организаціи котораго Общество Нестора-лѣтописца принимало, какъ о томъ было уже упомянуто, столь дѣятельное участіе, не оправдалъ тѣхъ большихъ надеждъ, какія на него возлагались. Говорятъ при этомъ и даже печатно, что съѣздъ не только не былъ „выдающимся“, но даже „прошелъ довольно вяло“, и объясняютъ указанное явленіе совокупностью различныхъ причинъ: числомъ участниковъ въ съѣздѣ, непредставленіемъ нѣкоторыми изъ нихъ докладовъ, отсутствіемъ на съѣздѣ нѣкоторыхъ обычныхъ или ожидавшихся членовъ etc. Здѣсь не мѣсто опровергать однѣ или доказывать преувеличеніе другихъ изъ приведенныхъ причинъ. Скажемъ только, что, по мнѣнію многихъ безпристрастныхъ наблюдателей, минувшій съѣздъ былъ въ общемъ не лучше и не хуже многихъ другихъ подобныхъ съѣздовъ, включая сюда и два предпослѣдніе съѣзда (Виленскій и Рижскій), и что, на нашъ взглядъ едва ли Кіевскій съѣздъ не оправдалъ какихъ-либо изъ надеждъ, которыя *можно было* на него возлагать.

Если, однако, отмѣчаемый нѣкоторыми фактъ недостаточной успѣшности и даже вялости минувшаго съѣзда справедливъ, то причины его кроются отнюдь не въ тѣхъ или другихъ временныхъ и случайныхъ обстоятельствахъ, которыя приводятъ—совершенно неосновательно или тенденціозно—въ объясненіе этого факта. Едва ли нужно доказывать,

что тѣ или другія временныя и случайныя обстоятельства всегда и всюду имѣютъ мѣсто и, по общему правилу, не играютъ важной или рѣшающей роли. Едва ли также мы ошибемся, если скажемъ, что, разъ уже необходимо отыскивать причины неполнаго или недостаточнаго успѣха того или другого съѣзда, то ихъ надо искать не въ какихъ-либо случайныхъ и во всякомъ случаѣ стороннихъ обстоятельствахъ, а гораздо глубже, быть можетъ, въ самой организаціи нашихъ археологическихъ съѣздовъ, нуждающейся въ измѣненіяхъ.

Такъ или иначе, но въ предупрежденіе и опроверженіе всякаго рода прямыхъ или косвенныхъ обвиненій и нареканій по адресу Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, принимавшаго участіе въ организаціи и трудахъ XI Археологическаго съѣзда, мы вынуждены еще разъ подчеркнуть тѣ обстоятельства, которыя были упомянуты выше, а именно, что Общество это въ лицѣ своихъ членовъ, составлявшихъ Предварительный Комитетъ, вынесло на своихъ плечахъ главную тяготу предварительныхъ работъ (этимъ мы нисколько не умаляемъ большихъ и энергическихъ трудовъ на томъ же поприщѣ г. предсѣдателя Московскаго Археологич. Общества, графини П. С. Уваровой), а въ лицѣ тѣхъ своихъ сочленовъ, которые представили на съѣздъ доклады или же принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи рефератовъ другихъ лицъ, исполнило почти третью долю всѣхъ работъ полутысячнаго съѣзда. Словомъ, Общество Нестора-лѣтописца съ своей стороны сдѣлало все или почти все, что́ могло, для успѣха съѣзда.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за ноябрь и декабрь 1899 г.

I. Засѣданіе 14-го ноября 1899 г.

а) Д. ч. **С. Т. Голубевъ** прочелъ сообщеніе: *„Историко-топографическое изслѣдованіе о древнемъ Кіевѣ“*.

Въ № 12 „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1873 годъ покойный прот. П. Г. Лебединцевъ напечаталъ неизвѣстный дотолѣ документъ 1616 года подъ заглавіемъ: „Претензіи на поземельныя владѣнія, заявленныя королевскимъ люстраторамъ“. Въ этомъ документѣ упоминается о существованіи въ то время на Старомъ-Городѣ въ Кіевѣ церкви св. Никиты. Это извѣстіе, какъ документальное, не подверглось ни малѣйшему сомнѣнію. Явились даже попытки опредѣлить мѣсто, гдѣ въ нагорномъ Кіевѣ находилась означенная церковь, при чемъ указывались различныя мѣстности. Референтъ заявилъ, что попытки эти должны быть оставлены по той простой причинѣ, что церкви съ означеннымъ наименованіемъ въ Старомъ-Городѣ (въ Кіевѣ) не существовало или, выражаясь точнѣе, о существованіи такой церкви мы не имѣемъ достовѣрнаго извѣстія, такъ какъ упоминаніе о ней въ протестаціи 1616 года есть ошибка писца, исказившаго настоящее названіе церкви. Референту извѣстна копія означенной протестаціи (въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ), гдѣ къ словамъ:

„церковь св. Никиты“, прибавлено: „Десятиннаго“. Это навело его на мысль, не идетъ ли рѣчь въ протестаціи 1616 г. о церкви Николы Десятиннаго, хорошо извѣстной по многимъ, дошедшимъ до насъ, документамъ. Такъ какъ въ этой протестаціи церковь св. Николы значится находившеюся въ вѣдѣніи свящ. Филиппа Одоніе, то референтъ документально прослѣдилъ, какими церквами въ разсматриваемое время владѣлъ означенный священникъ. Получившійся результатъ и привелъ референта къ указанному выводу объ ошибкѣ писца, каковыя ошибки (что̀ показано на нѣсколькихъ примѣрахъ) были явленіемъ не рѣдкимъ [1]).

б) Д. чл. **О. И. Левицкій** представилъ докладъ: *„Къ вопросу о польскомъ возстаніи въ Юго-Западномъ краѣ въ 1831 г.“*.

Референтъ указалъ на нѣкоторую двойственность, замѣчаемую въ дѣйствіяхъ русскаго правительства по отношенію къ мятежу и въ выборѣ средствъ для борьбы съ нимъ. Лишь только возстаніе отозвалось въ Юго-Западномъ краѣ, здѣсь по всѣмъ уѣзднымъ и губернскимъ городамъ были учреждены особыя слѣдственныя коммиссіи о мятежникахъ, при чемъ помѣщиковъ, уличенныхъ или хотя бы заподозрѣнныхъ въ прямомъ или косвенномъ участіи въ мятежѣ, немедленно подвергали аресту, а имѣнія ихъ брали въ казну. На ряду съ этими мѣрами строгости, правительство видимо склонялось къ мысли—опереться на массу южно-русскаго крестьянства, ненавидѣвшаго своихъ помѣщиковъ-поляковъ, и лишь опасаясь открытымъ призывомъ къ народу поколебать крѣпостное право, оно прибѣгло къ народному содѣйствію не прямо, а черезъ посредство православнаго духовенства, которому конфиденціально предписывалось „посредствомъ прихожанъ“ имѣть неослабное наблюденіе за помѣщиками и другою шляхтою и доносить властямъ о малѣйшемъ проявленіи ихъ сочувствія къ мятежу. Духовенство съ живѣйшею готовностью откликнулось на этотъ призывъ

---

[1]) *См. „Труды Кіевской Дух. Акад.“ 1899. № 12.*

и, при усердномъ содѣйствіи крестьянъ, оказало правительству цѣнную услугу въ подавленіи мятежа. Такая политика, оказывавшаяся въ нашемъ краѣ особенно полезною, находила полное сочувствіе въ мѣстномъ главнокомандующемъ первою арміею графѣ Сакенѣ, который 19 мая 1831 года разослалъ для публикаціи по церквямъ Юго-Западнаго края печатное „Объявленіе о дѣйствіяхъ противу мятежниковъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской". Въ этомъ своего рода манифестѣ гр. Сакенъ, предостерегая простыхъ людей отъ совращенія въ повстаніе и отъ излишняго довѣрія къ заманчивымъ обѣщаніямъ со стороны повстанцевъ, открыто призывалъ крестьянъ къ содѣйствію въ подавленіи мятежа, предписывалъ имъ „захватывать и представлять начальству" возмутителей, не опасаясь ихъ мести, и рѣшительно обѣщалъ крестьянамъ, что они „никогда уже не будутъ принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстаютъ противъ законной власти". Но этой политикѣ неожиданно былъ положенъ конецъ указомъ Правит. Сенату отъ 4 іюня 1831 года, напечатаннымъ отдѣльными листками на русскомъ и польскомъ языкахъ и разосланнымъ для „распубликованія" въ западно-русскихъ губерніяхъ. Въ этомъ указѣ объявлялось полное прощеніе всѣмъ помѣщикамъ, участвовавшимъ въ мятежѣ „даже съ поднятіемъ оружія", если они изъявятъ властямъ раскаяніе и дадутъ подписки въ непоколебимой впредь вѣрности, при чемъ повелѣвалось немедленно возвращать такимъ раскаявшимся помѣщикамъ конфискованныя у нихъ имѣнія. Мѣра эта, безъ сомнѣнія, значительно содѣйствовала успокоенію края, но она поставила въ крайне тяжелое положеніе многочисленныхъ крестьянъ (и многихъ изъ сельскаго духовенства), которые, исполняя прежніе призывы, усердно содѣйствовали правительству въ подавленіи мятежа, а теперь подверглись повсемѣстно жестокой мести со стороны возвращенныхъ въ свои имѣнія помѣщиковъ, ихъ посессоровъ и управителей.

Въ закрытой части настоящаго засѣданія, по предложенію г. предсѣдателя Н. П. Дашкевича, членами Общества была выражена В. Б. Антоновичу благодарность за труды по предсѣдательству въ предшествовавшее трехлѣтіе, сопряженные съ подготовительными работами къ XI-му русскому (а кіевскому II-му) Археологическому съѣзду.

Затѣмъ а) Слушали: Постановленіе Редакціоннаго комитета 1) объ изданіи на будущее время, согласно представленному проекту г. Предсѣдателя, каждой книги „Чтеній“ въ 3-хъ выпускахъ, размѣромъ каждый выпускъ въ 10—12 печатныхъ листовъ, съ отдѣльной нумераціей для каждаго отдѣла, но общей для цѣлой книги по каждому изъ отдѣловъ;

2) о печатаніи въ III-мъ отдѣлѣ, кромѣ историческихъ, также и матеріаловъ этнографическихъ, и

3) о введеніи въ составъ книгъ „Чтеній“, сверхъсуществующихъ, еще 2-хъ отдѣловъ: отдѣла библіографическаго и отдѣла извѣстій и замѣтокъ. Первый долженъ представлять собой болѣе или менѣе краткое систематическое обозрѣніе новыхъ книгъ по одному или двумъ изъ нижеслѣдующихъ отдѣловъ исторической науки: I, по археологіи первобытной и русской исторической; II, по церковной археологіи и исторіи искусствъ на русской почвѣ; III, по русской исторіи: а) періодъ до-татарскій; б) періодъ литовскій до конца XVI в.; в) новая исторія и г) областная историческая литература (куда входитъ и исторія Малороссіи); IV, по исторіи русскаго права; V, по исторіи русскаго языка и словесности; VI, по русской исторической археографіи, и VII, по исторической этнографіи. Къ отдѣлу извѣстій и замѣтокъ могутъ быть относимы небольшія по объему статьи и отдѣльные документы.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

б) Слушали: Отношеніе г. Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества граф. П. С. Уваровой, отъ 29 сентября за № 1799, доложенное въ засѣданіи Общества 10 октября, съ сообщеніемъ свѣдѣній о положеніи Козелецкаго храма, сооруженнаго на средства гр. Разумовскаго граф. Растрелли въ XVIII в., и съ просьбой

обсудить вопросы о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ старины и объ изданіи отдѣльнымъ томомъ описанія и снимковъ этихъ памятниковъ, уцѣлѣвшихъ доселѣ въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской.

Въ обсужденіи этихъ вопросовъ приняли участіе: В. Б. Антоновичъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, Ѳ. Я. Фортинскій, О. И. Левицкій, М. Н. Ясинскій, А. М. Лазаревскій, В. Г. Ляскоронскій, Е. А. Кивлицкій и нѣкоторые другіе.

Опредѣлили: Для детальнаго обсужденія предложенныхъ граф. П. С. Уваровой вопросовъ составить особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича изъ членовъ: Н. П. Василенка, И. М. Каманина, А. М. Лазаревскаго, О. И. Левицкаго, Вс. Г. Ляскоронскаго, Н. В. Молчановскаго и В. И. Щербины.

II. Засѣданіе 28-го ноября 1899 г.

а) Поч. чл. **И. В. Лучицкій** въ „*Некрологѣ Артюра Жири*“ (1848 — 1899 г.), очертивъ дѣятельность этого скончавшагося недавно крупнаго французскаго ученаго, охарактеризовалъ его честную, симпатичную личность и указалъ на участіе Жири въ текущихъ событіяхъ Франціи.

б) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ** подвергъ разбору *новое сочиненіе о гайдамачествѣ*, принадлежащее перу польскаго писателя г. Гавронскаго (пишущаго обыкновенно подъ псевдонимомъ Равиты), подъ заглавіемъ: „*Historja ruchow hajdamackich*“ (Львовъ. 1899 г., въ 2-хъ томахъ). Г. Гавронскій давно извѣстенъ, какъ авторъ историческихъ повѣстей, которыми онъ началъ свою литературную дѣятельность, напр. „Mazeppa“, „Na kresach“, посвященныхъ изображенію гайдамачества; характерной чертой этихъ произведеній является слабая художественность изображенія лицъ и событій, недостаточное знакомство съ исторіей, нежеланіе пользоваться актовымъ матеріаломъ и меньшій шовинизмъ въ отношеніи къ южно-русскому народу, сравнительно съ другими поль-

скими писателями. Съ 90-хъ годовъ онъ началъ заниматься историческими изслѣдованіями; между прочимъ ему принадлежатъ статьи: о землевладѣніи въ коренной Польшѣ, о бортномъ правѣ, о земледѣліи, о Ходоновскомъ и Садыкъ-пашѣ, о государственномъ устроѣствѣ Руси въ XI и XII вв. Этотъ послѣдній болѣе крупный трудъ оказался и болѣе слабымъ, обнаруживъ въ авторѣ совершенное отсутствіе научной подготовки. Тѣми же качествами отличается и разсматриваемое сочиненіе о гайдамачествѣ, на которое возлагались большія надежды въ виду малой разработанности вопроса и меньшей національной исключительности, чѣмъ у другихъ польскихъ писателей. Источниками для г. Гавронскаго-Равиты послужили, главнымъ образомъ, изданія Кіевской археографической коммиссіи. Надо замѣтить, что изданія эти онъ считаетъ тенденціозными и думаетъ, что коммиссія искусственно подтасовываетъ факты. Все это тѣмъ болѣе странно, что г. Гавронскій, родившійся въ Юго-Западномъ краѣ, воспитывавшійся въ одной изъ кіевскихъ гимназій и проживавшій здѣсь цѣлые десятки лѣтъ, имѣлъ возможность непосредственно ознакомиться съ дѣятельностью названной коммиссіи. Пользуясь, однако, изданіями послѣдней, онъ прибѣгаетъ къ довольно ненаучнымъ пріемамъ, къ произвольнымъ и голословнымъ утвержденіямъ, къ употребленію ни на чемъ неосновательныхъ эпитетовъ, къ казуистикѣ и проч. и дѣлаетъ иногда оригинальные и неожиданные выводы. Интересно отношеніе г. Гавронскаго къ поводамъ гайдамачины. Обыкновенно полагаютъ, что причинами возникновенія гайдамачины было тяжелое экономическое положеніе населенія, религіозныя преслѣдованія и т. п. Г. Гавронскій думаетъ совершенно иначе; по его мнѣнію, русскій народъ неспособенъ къ общественной жизни по своей природѣ, будучи сильно склоненъ къ бродяжничеству и разбойничеству; при этомъ авторъ исторіи гайдамацкихъ движеній опирается на старую теорію о дѣленіи всѣхъ народовъ на арійцевъ (представителей культуры) и туранцевъ (представителей антикультуры) и даетъ краткій очеркъ исторіи

казачества съ точки зрѣнія туранской теоріи. Далѣе, наукѣ прекрасно извѣстно ужасное положеніе крестьянъ въ Польшѣ. Г. же Гавронскій старается показать, что дѣло обстояло совершенно иначе, что такое же положеніе крестьянъ было вообще въ Европѣ, и рисуетъ картину счастливой жизни народа, повторяя при этомъ общія мѣста объ образцовой вѣротерпимости въ Польшѣ; всѣ же движенія онъ приписываетъ интригамъ и юридическому крючкотворству (дѣло Харька и Данила Кушнира). Нерѣдко г. Гавронскій говоритъ даже такія вещи, которыя не могутъ быть объяснены малой подготовкой; такъ, напр., онъ утверждаетъ, что насильственное введеніе уніи на Украинѣ началось лишь съ 1756 года.

Второй томъ изслѣдованія г. Гавронскаго посвященъ Колеивщинѣ (Уманской рѣзнѣ 1768 г.). При изложеніи событій 1768 г. авторъ оказался въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ источники, изданные археографической коммиссіей, были уже исчерпаны. Изъ этого затрудненія онъ не замедлилъ найти выходъ, изложивъ исторію Колеивщины по польскимъ мемуарамъ, сочиненіямъ гг. Скальковскаго („Наѣзды гайдамаковъ“) и Шульгина („Очеркъ Колеивщины“) и матеріаламъ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“. Пользуясь этими источниками, авторъ, однако, не скупится на бранные эпитеты для нихъ. При изложеніи событій на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ ложное освѣщеніе ихъ: они являются у него результатомъ интригъ и подстрекательствъ со стороны извѣстнаго игумена Мотронинскаго монастыря Мельхиседека Значко-Яворскаго и друг. современныхъ ему историческихъ дѣятелей. Говоря вообще, изслѣдованіе г. Гавронскаго не даетъ намъ ни одного новаго факта, но за то множество ложныхъ и голословныхъ утвержденій; не внесъ этотъ трудъ и никакихъ новыхъ разъясненій въ исторію гайдамачины, но, безъ сомнѣнія, онъ не затемнитъ ничего извѣстнаго въ наукѣ, такъ какъ ложность и голословность утвержденій г. Гавронскаго слишкомъ очевидны.

в) Д. чл. **В. А. Удинцевъ** сдѣлалъ докладъ по исторіи *„Городовъ и купечества въ средніе вѣка на Западѣ и въ Россіи“* [1]).

Весьма важнымъ моментомъ для исторіи права надо считать развитіе въ средніе вѣка городскихъ центровъ. Правда, долгое время города сохраняютъ характеръ укрѣпленій, мало чѣмъ отличаясь въ хозяйственномъ отношеніи отъ селъ и помѣстій. Даже весьма развитая внѣшняя торговля, обогащавшая нѣкоторые наиболѣе крупные города, въ общемъ мало затрогивала внутренній городской бытъ.

Лишь съ развитіемъ внутренняго обмѣна, съ превращеніемъ городовъ въ мѣновые центры сельскаго и помѣстнаго хозяйства, рѣшительно измѣняется физіономія города, натуральное и домашнее хозяйство городовъ превращается въ мѣновое и денежное.

Въ связи съ этимъ происходитъ развитіе посредничества, прикрѣпленіе развозной и разносной торговли къ городамъ, превращеніе купцовъ-номадовъ въ осѣдлыхъ горожанъ. Это прикрѣпленіе купцовъ было и причиной и въ то же время слѣдствіемъ развитія внутренняго обмѣна.

Поселившіеся въ городахъ купцы, благодаря своимъ богатствамъ и сильной союзной организаціи, заняли выдающееся положеніе, которое еще больше укрѣплялось королевскими привилегіями; послѣдними они и воспользовались въ борьбѣ за экономическую свободу. Отсюда—замкнутость и сепаратизмъ, благодаря которымъ купцы получили автономное управленія и судъ и выработали себѣ особые купеческіе обычаи (consuetudines mercatorum). Именно, въ купеческомъ судѣ зародилась идея спеціальнаго торговаго права, которой суждено было играть крупную роль въ исторіи права и развитіе которой завершается на нашихъ глазахъ.

Всѣ эти явленія—продуктъ особенныхъ историческихъ условій средне-вѣковаго Запада, неизвѣстныхъ Россіи. Мы не знали ни рѣзкаго противоположенія города селу, ни купцовъ другимъ сословіямъ, и—что́ самое главное—мы не зна-

[1]) Войдетъ въ составъ труда, который будетъ напечатанъ въ К. Унив. Изв. за 1900 г.

ли сепаратизма въ праворазвитіи. Самостоятельной причиной этого послѣдняго обстоятельства нужно считать и высокія качества важнѣйшаго памятника русскаго права—Псковской судной грамоты.

А. В. Розовъ, при обсужденіи этого доклада членами, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ не согласенъ съ тѣмъ, будто средневѣковые города возникли около замковъ—они остались отъ Римской имперіи. Варварскія Правды, конечно, рисуютъ примитивный хозяйственный бытъ, но вѣдь параллельно съ ними дѣйствовало римское право.

Докладчикъ въ своемъ отвѣтѣ г. Розову предлагаетъ пріурочивать возникновеніе городовъ къ военнымъ укрѣпленіямъ и соглашается на признаніе римскаго права для среднихъ вѣковъ лишь въ весьма несовершенныхъ передѣлкахъ, которыя имѣютъ въ виду именно примитивный оборотъ.

Ю. А. Кулаковскій указалъ на неясность, зачѣмъ понадобилось вновь возникать городамъ, когда Римская имперія передала ихъ готовыми: замѣчательно совпаденіе мѣстное и по названіямъ для цѣлыхъ линій городскихъ поселеній.

Докладчикъ отвѣтилъ, что рѣчь можетъ быть лишь о переходѣ отъ римской эпохи муниципальныхъ формъ. Экономическая же жизнь должна была зародиться вновь. Средневѣковые правовые памятники рисуютъ намъ картину натуральнаго хозяйства, непохожую на развитой денежный оборотъ временъ Римской имперіи.

Г. Предсѣдатель (Н. П. Дашкевичъ) и *Ѳ. Я. Фортинскій* прибавили, что отмѣченный г. Кулаковскимъ фактъ свидѣтельствуетъ лишь о совпаденіи географическомъ и о долговѣчности наименованій.

В. З. Завитневичъ не согласился съ положеніемъ, что внѣшняя торговля не вліяетъ на внутренній бытъ страны и указалъ на находки иноземныхъ монетъ въ различныхъ населенныхъ пунктахъ. Новгородская колоніальная дѣятельность также противорѣчитъ тому же положенію.

Докладчикъ не отрицаетъ накопленія богатства у от-

дѣльныхъ лицъ, въ крупныхъ городахъ, но эти случайные и единичные факты, не исключавшіе простоты общаго хозяйства, скользятъ по поверхности обще-городскаго уклада. Слѣдуетъ признать вліяніе новгородской колоніальной торговли на внутренній оборотъ, но вѣдь эта торговля не можетъ считаться внѣшней.

М. Н. Ясинскій указалъ, что ссылка на Skra XIII в. въ подтвержденіе неразвитости кредита не убѣдительна (приведенное докладчикомъ постановленіе Скры должно быть какъ-нибудь иначе истолковано), такъ какъ договоры съ нѣмцами (1195, 1229—30 гг.) знаютъ заемъ (въ частности продажу товара въ кредитъ, о чемъ говоритъ договоръ 1229 года), а равно и взысканіе по договору займа.

Докладчикъ полагаетъ, что указаніе на заемъ еще въ краткой Р. Правдѣ свидѣтельствуетъ о начинающемся развитіи оборота, но не опровергаетъ положенія о слабомъ кредитномъ хозяйствѣ, подтверждаемомъ большимъ количествомъ данныхъ.

III. Засѣданіе 12-го декабря 1899 г.

а) Д. чл. **В. З. Завитневичъ** въ своемъ сообщеніи указалъ на *„Мѣсто А. С. Хомякова въ русской исторіографіи“*.

Хомяковъ не былъ историкомъ въ обычномъ смыслѣ слова. И въ своихъ „Запискахъ по всеобщей исторіи“ (Собр. сочин., т. III и IV), и въ статьяхъ по русской исторіи (т. I) онъ преслѣдовалъ одну задачу: отысканіе *началъ*, проявляющихся во внѣшнихъ историческихъ событіяхъ и управляющихъ ихъ ходомъ. Полная оцѣнка научнаго метода Хомякова и его историческаго міровоззрѣнія займетъ въ печатаемомъ референтомъ трудѣ („Труды Кіевской Дух. Акад.“) цѣлый рядъ печатныхъ листовъ; цѣль же настоящаго доклада лишь кратко отмѣтить то мѣсто, какое занимаетъ Хомяковъ въ *русской исторіографіи* по преимуществу со стороны *методологической*.

Наша исторіографія, въ своемъ поступательномъ развитіи, завершилась въ 40-хъ годахъ такъ называемой *исто-*

рической школой, самыми крупными изъ первыхъ представителей которой были Соловьевъ и Кавелинъ. Хомяковъ былъ современникомъ этихъ ученыхъ и поэтому его мѣсто въ нашей исторической наукѣ нагляднѣе всего опредѣляется его отношеніемъ къ исторической школѣ. Отводя вмѣстѣ съ историческою школою должное мѣсто въ историческомъ процессѣ началамъ *закономѣрности* и *органическаго развитія*, Хомяковъ, во-первыхъ, протестовалъ противъ *сухаго схематизма*, противъ той *искусственной*, чисто *діалектической* послѣдовательности, съ какою представители этой школы проводили въ своихъ трудахъ принципъ органическаго развитія; во-вторыхъ, онъ осуждалъ *односторонность*, выражавшуюся въ пристрастіи къ исторіи *государственности*, и выдвигалъ на первый планъ исторію *соціальную*, исторію *религіи* и *быта* и всѣ тѣсно связанные съ нею, какъ онъ выражается, „живые вопросы“. Если теперь мы обратимся къ его научнымъ пріемамъ, то здѣсь встрѣтимся со слѣдующими его требованіями. Отъ истиннаго историка Хомяковъ требовалъ: *художественнаго чутья*, „учености“, т. е. кропотливаго, точнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія фактовъ, „безпристрастія“, „многообъемлющаго взгляда“, „способности сближать самые далекіе предметы и происшествія“ „терпѣнія въ разработкѣ самыхъ мелкихъ подробностей“ и т. д. Широко раздвигая вопросъ о *факторахъ* исторической жизни, онъ, сообразно съ этимъ, осуждалъ одностороннее пристрастіе къ „оффиціальнымъ столбцамъ исторической лѣтописи“ и требовалъ отъ историка занятій въ области географіи, этнографіи, археологіи, миѳологіи, лингвистики, словесности. Если теперь принять во вниманіе ту поправку, какую онъ вноситъ въ историческую школу, то придется признать, въ *методологическомъ* отношеніи въ области *теоретической*, что Хомяковъ былъ у насъ однимъ изъ завершителей того круга идей, которыя поставили русскую исторіографію на современную намъ высоту.

Историческіе труды Хомякова не лишены слабыхъ сторонъ. Кромѣ общихъ причинъ, свойственныхъ всѣмъ уче-

нымъ изслѣдователямъ, работающимъ въ данное время при данныхъ условіяхъ, недостатки историческихъ трудовъ Хомякова обусловливались къ тому же нѣкоторыми особенностями его дарованій и самымъ процессомъ его работъ. Какъ философъ, онъ обладалъ наклонностью къ періодическому мышленію и широкимъ обобщеніямъ; какъ поэтъ, онъ любилъ давать волю игрѣ воображенія, создавая художественныя картины, охватывавшія широкіе горизонты; обѣ эти наклонности у него брали верхъ надъ потребностью точнаго изслѣдованія мелкихъ конкретныхъ фактовъ. Это не значитъ, что онъ не цѣнилъ такого изслѣдованія: онъ его, такъ сказать, не любилъ. Душа его не лежала къ работѣ, которая, при затратѣ большаго труда, давала мало пищи для философской мысли и поэтическаго творчества. Извѣстно, что Хомяковъ, при феноменальной памяти, отличался огромною начитанностью. Усвояя матеріалъ изъ сотенъ прочитанныхъ книгъ, какъ первоисточниковъ, такъ и ученыхъ изслѣдованій, онъ, по свидѣтельству современниковъ, никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, полагаясь исключительно на свою память. Изученіе историческихъ памятниковъ и ученыхъ изслѣдованій у него обыкновенно сопровождалось работою собственной мысли. Много читалось, много думалось, неважное отбрасывалось, существенное кристаллизовалось и осѣдало въ видѣ положеній, которыя слагались въ одно цѣльное міровоззрѣніе. Добытыя при такихъ условіяхъ истины были не столько сухими логическими выводами изъ точно установленныхъ положеній, сколько картинами живой дѣйствительности, постигнутой чутьемъ художника и воспроизведенной его воображеніемъ. Потому-то Хомяковъ и придавалъ такое значеніе *художественному чутью*, которое будто бы „никогда не обманываетъ“. Въ дѣйствительности же чутье художника, въ примѣненіи къ области научнаго изслѣдованія, можетъ обманывать; обманывало оно иногда и Хомякова.

По поводу этого доклада между г. Предсѣдателемъ, поч. чл. В. С. Иконниковымъ и референтомъ произошелъ об-

мѣнъ мнѣній по вопросу о связи славянофильства съ романтизмомъ (а въ исторіографіи съ ученіемъ Гердера).

б) Д. чл. **А. І. Степовичъ** представилъ разборъ *„Мнѣнія хорватскаго ученаго о „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“ Пушкина“.*

Среди множества малоцѣнныхъ по содержанію либо трескучихъ по формѣ произведеній инославянской пушкинской литературы, вызванной недавнимъ юбилейнымъ чествованіемъ 100-лѣтней годовщины рожденія великаго поэта, хорошее впечатлѣніе производитъ докладъ извѣстнаго хорватскаго филолога Миливоя Шрепеля, читанный въ засѣданіи Историко-филологическаго разряда Югославянской Академіи Наукъ (въ Загребѣ). Этотъ докладъ, подъ заглавіемъ: „Puškin i hrvatska krzjszevnost“, представляется, по мнѣнію референта, довольно цѣннымъ библіографическимъ сообщеніемъ по вопросамъ: о вліяніи русскаго поэта на хорватскую литературу, о хорватскихъ переводахъ его произведеній и, наконецъ, о происхожденіи извѣстныхъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“. Докладъ, можетъ быть, не отличается исчерпывающею полнотою, зато цѣненъ общею основательностью указаній... Отмѣчено, напримѣръ, раннее знакомство извѣстнаго „иллира“ Станка Враза съ стихотвореніями Пушкина, изъ которыхъ онъ неоднократно бралъ эпиграфы для своихъ сочиненій, напримѣръ для сборника „Glasi iz dubrave žerovinske“ или баллады „Fredrik i Verunika“, на которой сказалось замѣтное вліяніе поэмы: „Бахчисарайскій фонтанъ“, отразившейся и на поэзіи другого крупнаго „иллирскаго“ поэта Деметера, въ особенности на его поэмѣ „Grobničko polje“. Произведенія третьяго „иллира“ Боговича также обнаруживаютъ на себѣ вліяніе хорошаго знакомства съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“, „Дубровскимъ“ и проч. сочиненіями Пушкина. Въ сообщеніи Шрепеля есть нѣсколько новыхъ данныхъ и относительно хорватскихъ переводовъ изъ этого поэта, напримѣръ, хотя бы о переводѣ „Пиковой Дамы“ (Pik-Dame), помѣщенномъ въ изданіи Ст. Враза „Kolo“ за 1842 г., о Брясковичевомъ переводѣ „Мѣднаго Всадника“

(Mjedni konjik), о Маретичевомъ переводѣ „Полтавы“, о Великановичевомъ—„Бориса Годунова“ и т. п..

Нѣкоторые неясные вопросы въ отношеніи состава и источниковъ пушкинскихъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“ и могутъ быть объяснены, по мнѣнію Шрепеля, только при предположеніи знакомства со стороны Пушкина съ извѣстнымъ произведеніемъ сербскаго поэта С. Милутиновича „Сербіянка“; такъ, неизвѣстныя по происхожденію пѣсни можно считать перепѣвами изъ „Сербіянки“, въ подтвержденіе чего г. Шрепелемъ приводится нѣсколько правдоподобныхъ доводовъ въ видѣ близкаго сходства въ содержаніи и даже въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ; для пѣсни о Георгіи Черномъ приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ второй книги „Сербіянки“, а для пѣсни о Микошѣ—изъ первой и третьей.

Разбирая тѣ изъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“, которыя переведены Пушкинымъ непосредственно изъ Вукова сборника (Соловей, Сестра и братья), Шрепель находитъ этотъ переводъ въ общемъ прекраснымъ („krasno preveo“); впрочемъ, одно мѣсто въ первой пѣсни нашъ поэтъ неправильно переписалъ, почему и его переводъ этого мѣста отступилъ отъ точнаго смысла народной пѣсни. Именно, первая печаль молодца у Вука обозначена такъ:

„Прва ми је туга на срдашцу моше-
Кто ме ни је мајка оженила млада“.

Пушкинъ по ошибкѣ переписалъ второй стихъ такъ: „Што мене је мајка оженила млада“, и потому его переводъ: „Какъ ужъ первая забота—рано молодца женили“, въ этомъ случаѣ не совпадаетъ съ подлинникомъ, имѣющимъ обратный смыслъ; въ остальномъ все удачно.

По поводу этого доклада нѣкоторыя замѣчанія и дополненія сдѣлалъ г. Предсѣдатель (Н. П. Дашкевичъ).

Въ закрытой затѣмъ части засѣданія слушали: Протоколъ засѣданія коммиссіи, избранной въ засѣданіи Обще-

ства Нестора 14-го ноября для обсужденія возбужденныхъ г. Предсѣдателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества граф. П. С. Уваровой вопросовъ объ охранѣ памятниковъ старины и описаніи ихъ, съ цѣлью изданія важнѣйшихъ изъ нихъ.

По обсужденіи членами постановленій коммиссіи, въ которомъ принимали участіе: г. Предсѣдатель, В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, М. В. Суринъ, Ѳ. Я. Фортынскій, В. Н. Щербина и М. Н. Ясинскій, о п р е д ѣ л и л и: 1) соображенія коммиссіи по вопросу о выработкѣ дополнительныхъ статей „Устава“ относительно правъ Общества въ дѣлѣ охраненія памятниковъ старины передать на заключеніе Совѣта Общества;

2) просить Императорское Московское Археологическое Общество объ изданіи сборника существующихъ узаконеній и распоряженій правительства объ охранѣ памятниковъ старины и, если среди этихъ узаконеній нѣтъ постановленія объ охранѣ ближайшими историческими и археологическими обществами означенныхъ памятниковъ, то и о ходатайствѣ въ установленномъ порядкѣ относительно изданія такого постановленія;

3) просить членовъ Общества Нестора-лѣтописца сообщить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія о всякаго рода памятникахъ до конца XVIII в. и указать лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за такими свѣдѣніями;

4) поручить нижепоименованнымъ членамъ Общества работу по составленію списковъ памятниковъ старины:

по *Кіевской* губ.—И. М. Каманину и В. И. Щербинѣ;

„ *Подольской*—И. В. Молчановскому и о. Е. І. Сѣцинскому;

„ *Волынской*—В. Б. Антоновичу и О. И. Левицкому;

„ *Черниговской*—Н. П. Василенку, А. М. Лазаревскому и Ѳ. М. Уманцу;

„ *Полтавской*—Н. П. Василенку, О. И. Левицкому, Вс. Г. Ляскоронскому и А. В. Стороженку;

5) рекомендовать желательность снаряженія особой экспедиціи для систематическаго описанія и снятія снимковъ съ памятниковъ старины, и

6) выразивъ членамъ коммиссіи благодарность за исполненный трудъ, разослать гг. членамъ Общества циркуляръ о содержаніи этого опредѣленія и увѣдомить объ изложенномъ Московское Археологическое Общество.

Въ этомъ же засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Елисавета Ивановна Де-Витте*, *Григорій Васильевичъ Демченко* и *Орестъ Авксентьевичъ Фотинскій*.

IV. Засѣданіе 28-го декабря 1899 г.

Настоящее засѣданіе было назначено экстренно въ виду поздняго полученія отношенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 12 декабря за № 2025, съ просьбой о присылкѣ депутатовъ отъ Историч. Общества Нестора-лѣтописца въ Предварительный Комитетъ въ Москвѣ по устройству XII-го Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ въ августѣ 1902 г., для участія въ засѣданіяхъ этого Комитета, назначенныхъ на 4—6-е января 1900 года.

По выслушаніи вышеозначеннаго отношенія, о п р е д ѣ л и л и: уполномочить быть представителями Общества въ Комитетѣ слѣд. 2-хъ членовъ, находящихся въ Москвѣ: *А. И. Соболевскаго* и *С. Г. Голубева*, а, кромѣ того, также и *В. А. Кордта*, если только послѣдній будетъ имѣть возможность отправиться въ Москву.

С л у ш а л и: Вопросы и запросы, предложенные членами *И. М. Каманинымъ*, *Г. Г. Павлуцкимъ* и *М. П. Истоминымъ* для обсужденія на XII-мъ Археологическомъ съѣздѣ.

О п р е д ѣ л и л и: Сообщить ихъ А. И. Соболевскому для передачи по назначенію.

С л у ш а л и: Предложеніе г. Предсѣдателя, не пожелаетъ ли кто изъ гг. членовъ прочесть рѣчь въ торжественномъ собраніи Общества 27 октября 1900 г.

О п р е д ѣ л и л и: Въ виду согласія д. чл. *Г. Г. Павлуцкаго* прочесть рѣчь на тему: „*О связи искусства съ куль-*

турой“, просить его объ изготовленіи означенной рѣчи къ указанному времени.

Слушали: Предложеніе г. Предсѣдателя объ измѣненіи виньетки на книжкахъ „Чтеній“.

Опредѣлили: Просить Г.г. Павлуцкаго составить новый проектъ виньетки 1), съ изображеніями: преп. Нестора, на основаніи миніатюры, имѣющейся въ одной изъ древнихъ рукописей, и св. кн. Владиміра, на основаніи древнихъ монетъ, и 2), съ орнаментикой въ византійскомъ стилѣ.

Отдѣлъ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Луцкій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI в.[1])

„Bez sprawiedliwości, która się *w porządnych sądziech* zamyka, jako dom bez fundamentu, żadne państwo i żadna rzeczpospolita stać nie może"...

(Изъ инструкціи кор. *Стефана Баторія*, 1577 г.).

„Trybunał zawiera w sobie nawiększe argumentum wolności naszey, ponieważ te są proprietates wolnego narodu, samym sobie pisać prawa, y sam siebie sądzić"... [2]).

(Изъ инструкціи *Волынской шляхты*, 1645 г.).

I.

„Челобитчики непрестанно его царскому Величеству докучали о своихъ обидахъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не давая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно бъ, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ

---

[1]) Настоящая статья, основанная главнымъ образомъ на найденныхъ нами и напечатанныхъ въ XIII кн. „Чтеній" документахъ, предназначалась для XI археологич. съѣзда въ Кіевѣ, но, за отъѣздомъ нашимъ за границу, не могла быть доложена на съѣздѣ, а была прочитана въ засѣданіи Историч. Общества Нестора-лѣтописца 3 октября 1899 г.

[2]) Первый изъ эпиграфовъ взятъ изъ инструкціи королевскому послу, командированному на повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сей

множество, а кому бьютъ челомъ одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бы и такихъ трудовъ не было, возможноль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть"... Такъ говорилъ Петръ В. въ своемъ указѣ 1718 г., предписывая подданнымъ подавать челобитныя въ установленные суды и устраняя себя отъ непосредственнаго участія въ отправленіи правосудія [1]).

Порядки, неудобство которыхъ такъ картинно изобразилъ Петръ В. въ приведенныхъ только что словахъ, присущи были не только нашему отечеству, но и прочимъ европейскимъ государствамъ, такъ какъ всюду, по общему правилу, монархъ не только считался, но и былъ фактически высшимъ судьею въ своемъ государствѣ. Подобно Петру В., и другіе европейскіе монархи справедливо тяготились судебными функціями, завѣщанными имъ отъ древнихъ и среднихъ вѣковъ, и, подъ бременемъ этого наслѣдія, приходили раньше или позже къ сознанію необходимости реформировать старый порядокъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, если непосредственное участіе монарха въ отправленіи суда было вполнѣ нормальнымъ, возможнымъ и даже, пожалуй, неизбѣжнымъ и необходимымъ въ древніе и средніе вѣка, то съ расширеніемъ предѣловъ государствъ, съ возрастаніемъ ихъ населенія, съ установленіемъ достаточно полнаго законодательства, а, главное, съ усложненіемъ государственныхъ функцій, это участіе сдѣлалось мало-помалу какимъ-то анахронизмомъ, чѣмъ-то не только совершенно излишнимъ, но даже просто невозможнымъ для главы государства и крайне вреднымъ для его подданныхъ. Излишнимъ—потому, что съ установленіемъ достаточно пол-

момъ 1578 г. (см. Pawiński: Źródła dziejowe, t. IV, p. 252), а второй изъ инструкціи Волынской шляхты посламъ, отправленнымъ на сеймъ въ 1645 г. (см. Арх. Ю.-З. Россіи, ч. II, т. I, стр. 293).

[1]) Пол. Соб. Зак. № 3261, указъ 22 декабря 1718 г. Почти двумя столѣтіями раньше нѣчто подобное приведеннымъ словамъ Петра В. сказалъ Сигизмундъ I, король польскій и вел. князь литовскій. См. ниже стр. 8.

наго законодательства дѣятельность судьи стала исключительно подзаконною, т. е. сводились лишь къ простому примѣненію общаго правила закона къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ; невозможнымъ и, наконецъ, вреднымъ—потому, что даже при самой напряженной дѣятельности глава государства не могъ справиться съ массой поступавшихъ къ нему, какъ къ верховному судьѣ, судебныхъ дѣлъ, отъ чего неизбѣжно эти послѣднія залеживались, а, слѣдоват., страдали и самое правосудіе и интересы тяжущихся.

Вотъ почему въ новые вѣка всюду государи или по собственному почину, или, что́ иногда также бывало, по иниціативѣ и при дѣятельномъ содѣйствіи своихъ подданныхъ стараются, какъ въ своихъ личныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ правосудія, устранить себя отъ непосредственнаго участія въ судѣ, т. е. стремятся отдѣлить судебную дѣятельность отъ верховной власти, и достигаютъ этой цѣли въ однихъ государствахъ раньше, въ другихъ позже. Обыкновенно указанная цѣль достигается не сразу, а постепенно, нерѣдко цѣною усилій нѣсколькихъ поколѣній [1]), и притомъ лишь послѣ надлежащей судебной реформы. Такимъ образомъ, освобожденіе верховной власти отъ судебныхъ функцій и связанная съ нимъ судебная реформа являются весьма важнымъ событіемъ въ жизни всякаго народа, настолько важнымъ, что по справедливости составляютъ настоящую эру въ его исторіи.

Къ числу государствъ, въ которыхъ вопросъ о реформѣ средневѣковаго судоустройства, въ духѣ и потребностяхъ

---

[1]) У насъ, напр., въ Россіи, для достиженія этой цѣли потребовалось около 150 лѣтъ, если считать началомъ этого періода цитированный выше указъ Петра В, а концомъ судебные уставы императора Александра II, которые окончательно освободили особу Государя отъ непосредственнаго участія въ судебныхъ разбирательствахъ. Во Франціи, гдѣ еще въ XIV в. парламентъ нерѣдко убѣждалъ короля не участвовать лично въ судѣ надъ нѣкоторыми обвиняемыми и гдѣ уже въ первой половинѣ XVII в. стали чрезвычайно рѣдкими случаи подобнаго участія, устране-

новаго времени, былъ поставленъ на очередь довольно рано, а именно еще въ первой половинѣ XVI в., принадлежитъ Польша, историческія судьбы которой, какъ извѣстно, тѣсно связаны съ судьбами Литовско-Русскаго государства вообще и Юго-Западнаго края въ частности.

II.

Въ Польшѣ съ конца XV в. судебныя дѣла, поступавшія непосредственно или по апелляціи отъ низшихъ судебныхъ инстанцій на окончательное рѣшеніе верховной власти, разсматривались королемъ или во время засѣданій сейма (сеймовые суды), или внѣ сейма, въ такъ называемыхъ асессорскихъ или задворныхъ королевскихъ судахъ.

Обѣ указанныя формы королевскихъ судовъ—и суды сеймовые и суды задворные, или асессорскіе, являвшіеся высшею судебною инстанціей, привлекали къ себѣ такую массу дѣлъ, поступавшихъ туда и по закону и по традиціи [1]), что короли уже со временъ Сигизмунда I, несмотря на все свое желаніе и самую напряженную дѣятельность, не имѣли рѣшительно никакой возможности справиться съ ними. Приходилось все чаще и чаще прибѣгать къ такъ назыв. *лимитаціи* (limitacya) судовъ, какъ сеймовыхъ, на которыхъ короли имѣли обыкновеніе рѣшать всѣ важнѣйшія дѣла, такъ и задворныхъ, т. е. къ отсрочкѣ или переносу дѣлъ съ одного сейма на другой, съ одной сессіи задворнаго суда на послѣдующую. Эти лимитаціи скоро сдѣлались хроническимъ явленіемъ [2]). Поэтому неудивительно, что огромное количество дѣлъ, поступавшихъ въ королевскіе суды, оставалось безъ всякаго движенія, удручая ко-

---

ніе короля отъ непосредственнаго участія въ отправленіи судебныхъ функцій было санкціонировано закономъ лишь въ концѣ XVIII в. и т. д.

[1]) См. ниже, стр. 8.

[2]) Такъ, напр., въ теченіе 1577 г. было объявлено не менѣе трехъ лимитацій судовъ надворныхъ. См. Os. Balzer: Geneza Trybunału koronnego, p. 306.

роля и его сенатъ своею массой, вызывая неудовольствіе тяжущихся, безконечно ожидавшихъ развязки начатыхъ дѣлъ, и справедливыя нареканія и жалобы, идущія отовсюду, на отсутствіе надлежащаго правосудія.

Тяжелое положеніе польскихъ королей въ роли высшаго судьи усложнялось еще тѣмъ, что всякій изъ нихъ, начиная съ короля Александра [1]), былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ княземъ Литовско-Русскаго государства и, какъ таковой, долженъ былъ принимать къ своему разсмотрѣнію всѣ дѣла, поступавшія на усмотрѣніе верховной власти отъ подданныхъ этого другого государства. А такихъ дѣлъ было весьма не мало. По Литовскому Статуту, господарь, или вел. князь, являлся, во 1-хъ, непосредственнымъ судьею (т. е. въ первой и окончат. инстанціи) по цѣлому ряду важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, а во 2-хъ, судьею по всѣмъ дѣламъ, поступавшимъ по апелляціи изъ низшихъ судовъ, т. е. земскихъ, гродскихъ, подкоморскихъ, коммиссарскихъ и мѣстскихъ [2]).

Добавимъ ко всему изложенному, что по общимъ воззрѣніямъ того времени глава государства считался не только естественнымъ, но и самымъ нелицепріятнымъ судьею, а по шляхетскимъ понятіемъ, одинаково господствовавшимъ въ XVI в. въ Польшѣ и Литвѣ, судиться у самого короля считалось особенною честью. Поэтому практика, несомнѣнно, расширяла кругъ допускаемыхъ закономъ случаевъ непосредственнаго обращенія къ суду королей. Въ свою очередь эти послѣдніе были еще настолько проникнуты традиціоннымъ взглядомъ на отправленіе правосудія, какъ на главнѣйшую свою миссію, что не противились или противились очень

---

[1]) Точнѣе съ 1501 года, когда Александръ Казиміровичъ, сдѣлавшійся вел. княземъ Литовскимъ еще въ 1492 г., былъ избранъ также на польскій престолъ въ качествѣ преемника своего брата Яна Альбрехта. Съ тѣхъ поръ Польша и Литва, какъ извѣстно, находились подъ верховнымъ управленіемъ одного государя.

[2]) Лит. Стат. 1566 г.: р. I, арт. 4, 9; III, 39; IV, 18, 21, 40. 41, 45, 67 и др.; см. также р. IV, арт. 61 и др.

слабо установившейся практикѣ. Все сейчасъ сказанное подтверждается и прекрасно иллюстрируется слѣд. характернымъ отвѣтомъ Сигизмунда I, даннымъ имъ литовскимъ раднымъ панамъ и шляхтѣ въ 1538 г.: „господаръ его мл.... жадныхъ принудъ подданнымъ тамошнимъ (т. е. вел. кн. Литовскаго) у бранью позвовъ своихъ не дѣлаетъ, а *великое набѣганье и докуки отъ нихъ маеть, которые сами до его милости у кривдахъ своихъ утекаютъ, яко зъ высокихъ преложоныхъ домовъ, такъ и отъ шляхты посполитого чоловѣка, просячи, абы его милость въ тыхъ кривдахъ ихъ справедливость имъ рачилъ учинити.* Господаръ его мл. тымъ за прозбами ихъ листы свои позовные кажеть давати и справедливость имъ зъ розсудку своего рачитъ дѣлати.... *бо не была бы речъ слушная, жебы его королевская милость на докуки подданныхъ своихъ не рачилъ литости мѣти и справедливости имъ мѣлъ у себе боронити....*“ [1]).

Какъ ни сильна, однако, была указанная только что традиція, какъ ни трудно было отрѣшиться отъ усвоеннаго вѣками взгляда на короля, какъ на высшаго судью, обремененіе королевскихъ судовъ массой дѣлъ было столь велико, а жалобы на медленность правосудія сдѣлались столь часты и настойчивы, что необходимость реформы этихъ судовъ, хотя бы въ смыслѣ нѣкотораго ограниченія или сокращенія королевской юрисдикціи, мало-по-малу стала очевидною для всѣхъ. Съ этихъ именно поръ, т. е примѣрно со второй половины царствованія Сигизмунда I, реформа королевскихъ судовъ, какъ дѣло необходимое и неизбѣжное, сдѣлалась предметомъ горячаго обсужденія цѣлаго ряда сеймовъ. Дѣло это, однако, оказалось весьма труднымъ.

Первый проектъ реформы королевскихъ судовъ въ Польшѣ возникъ и обсуждался еще на сеймѣ 1543 г. [2]). Но ни этотъ проектъ, ни послѣдующіе не были приняты. Тѣмъ временемъ количество дѣлъ, остававшихся безъ движенія мно-

[1]) Ак. Южн. и Зап. Рос. I, № 101.

[2]) Balzer, op. cit., p. 111 sq.

гіе годы, до того возросло, что, за невозможностью осуществить реформу, пришлось прибѣгнуть къ экстренной, хотя въ то же время чисто палліативной мѣрѣ: на Петроковскомъ сеймѣ 1563 г. рѣшено было установить во всѣхъ земляхъ, или воеводствахъ, особые временные суды и возложить на нихъ разсмотрѣніе всѣхъ залежавшихся въ королевскихъ судахъ дѣлъ; съ окончаніемъ этой миссіи, дѣятельность означенныхъ временныхъ судовъ, на рѣшенія которыхъ апелляція не допускалась, должна была прекратиться [1]).

Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за дѣятельностью всѣхъ послѣдующихъ сеймовъ, обсуждавшихъ горячо, но долго безрезультатно проекты судебной реформы [2]). Достаточно лишь сказать, что со времени сейма 1543 г. потребовалось нѣсколько десятилѣтій, пока поставленная на очередь реформа, наконецъ, осуществилась. Случилось это уже въ царствованіе Стефана Баторія, который по своимъ личнымъ взглядамъ на власть, быть можетъ, менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ былъ склоненъ отказаться отъ королевскихъ судебныхъ правъ, хотя въ то же время по свойственному ему политическому такту не только не мѣшалъ осуществленію назрѣвшей реформы, но въ значительной степени содѣйствовалъ ей [3]).

---

[1]) Vol. leg. II, 625—635 (Ordinatio et constitutio novorum judiciorum).

[2]) Интересующіеся этимъ найдутъ подробныя свѣдѣнія въ обстоятельномъ трудѣ проф. Бальцера, цит. выше: „Geneza trybunału koronnego“.

[3]) По вопросу о томъ, кому главнымъ образомъ принадлежитъ честь судебной реформы въ Польшѣ, въ польской литературѣ существуютъ мнѣнія двоякаго рода. Такъ, извѣстный историкъ М. Бобржинскій, согласно съ весьма распространеннымъ воззрѣніемъ, утверждаетъ, что судебная реформа 1578 г. была совершена по иниціативѣ Стефана Баторія и Замойскаго (Dzieje Polski, 3 wyd. t. II, p. 147). Напротивъ, О. Бальцеръ въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о происхожденіи Короннаго трибунала приходитъ къ заключенію, что, хотя нельзя отрицать нѣкоторыхъ заслугъ Баторія въ дѣлѣ реформы, она тѣмъ не менѣе не только была поставлена на очередь, но и осуществлена, главнымъ образомъ благодаря шляхтѣ, которой поэтому и принадлежитъ главнѣйшая честь и заслуга въ проведеніи реформы (Geneza Tryb. Kor., 329—330).

Сущность принятой Варшавскимъ сеймомъ 1578 г. судебной реформы, съ основными положеніями которой намъ необходимо ознакомиться въ интересахъ дальнѣйшаго нашего изложенія, заключается въ слѣдующемъ [1]).

Король не освобождается вполнѣ отъ судебныхъ функцій (противъ полнаго освобожденія отъ этихъ функцій былъ прежде всего самъ Стефанъ Баторій), а потому существовавшіе раньше королевскіе суды (сеймовые и асессорскіе) не упраздняются, а остаются попрежнему (сеймовые подъ предсѣдательствомъ короля, а асессорскіе подъ предсѣдательствомъ короннаго или литовскаго канцлера), но компетенція ихъ значительно сокращается, а именно ограничивается лишь: 1) дѣлами объ имуществахъ и доходахъ короля и государственной казны, 2) наиболѣе важными уголовными дѣлами [2]) и 3) дѣлами мѣстскими, т. е. поступающими по апелляціи изъ мѣстскихъ, или городскихъ, судовъ. Для окончательнаго же разрѣшенія всѣхъ остальныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ и въ частности всѣхъ дѣлъ шляхты и духовенства, поступающихъ по апелляціи изъ земскихъ, гродскихъ, подкоморскихъ и коммиссарскихъ судовъ, учреждается особый постоянный высшій или главный судъ—Judicium ordinarium generale Tribunalis Regni, или короче—Коронный Трибуналъ. Этотъ высшій или главный судъ—единый для всей Короны, т. е. какъ для Великой, такъ и для Малой Польши, — засѣдаетъ во всемъ своемъ составѣ попеременно въ двухъ городахъ: въ Петроковѣ для рѣшенія дѣлъ великопольскихъ и въ Люблинѣ для рѣшенія дѣлъ малопольскихъ. Въ составъ Трибунала входятъ 27 судей, называемыхъ депутатами и избираемыхъ на воеводскихъ сеймикахъ изъ мѣстной шляхты, по одному отъ каждаго вое-

---

[1]) См. Vol. leg. II, 962—968, гдѣ изложена ординація, или уставъ, Короннаго трибунала.

[2]) Въ текстѣ означ. устава дѣла эти названы „causae mere criminales“; ниже пояснено, что всѣ уголовныя дѣла, входящія въ кругъ такъ наз. старостинскихъ артикуловъ, подлежатъ, однако, вѣдѣнію трибунала. Vol. leg. II, 965. По уставу Литовск. трибунала всѣ уголовн. дѣла подсу-

водства (и лишь отъ нѣкоторыхъ воеводствъ по два), срокомъ на 1 годъ. Кромѣ того, въ составъ Короннаго трибунала во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ разсматривались дѣла духовныхъ лицъ, входило еще шесть депутатовъ, избираемыхъ изъ среды духовенства. Въ такихъ случаяхъ судъ производили всѣ означенные духовные депутаты совмѣстно съ шестью депутатами свѣтскими. Рѣшенія Короннаго трибунала постановляются или единогласно, или, при отсутствіи единогласія, по большинству голосовъ; рѣшенія эти не только считаются окончательными, но пользуются силою и значеніемъ королевскихъ декретовъ, состоявшихся на сеймѣ.

Таковы въ краткихъ чертахъ основныя положенія принятой Варшавскимъ вальнымъ сеймомъ судебной реформы, санкціонированныя 3 марта 1578 г. вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими конституціями того же сейма.

Правда, реформу эту отнюдь нельзя назвать радикальной на томъ основаніи, что она не освободила окончательно короля отъ судебныхъ функцій; но если принять во вниманіе условія времени и мѣста, то болѣе рѣшительной реформы нельзя было и ожидать. Можно было бы указать также на нѣкоторые, иногда довольно существенные, недостатки въ отдѣльныхъ деталяхъ реформы, которые и открылись впослѣдствіи, уже на практикѣ. Все это, однако, нисколько не умаляетъ весьма важнаго значенія судебной реформы 1578 г. Въ самомъ дѣлѣ, съ установленіемъ Трибунала, во 1-хъ весьма уменьшилось количество дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе короля, отчего выиграло прежде всего правосудіе въ смыслѣ скорости суда; во 2-хъ, польское судоустройство получило болѣе или менѣе стройную организацію, и въ 3-хъ, наконецъ, упорядочилось самое судопроизводство.

Судебная реформа 1578 года ограничилась на первыхъ порахъ одною Короной и не коснулась пока Литовско-Рус-

---

дны этому послѣднему, кромѣ „таковыхъ кривавыхъ—кому бы шло заразомъ о горло, о почтивость“, т. е. преступленій, влекущ хъ за собою потерю жизни или шляхетской чести. См. „Способъ правъ трибунальскихъ“, стр. 8.

скаго вел. княжества, гдѣ уже существовали въ это время тѣ же низшіе суды, что́ и въ Польшѣ (гродскіе, земскіе, подкоморскіе и пр.), гдѣ, какъ и тамъ, страдало правосудіе вслѣдствіе отсутствія особаго апелляціоннаго суда и обремененія господаря, или вел. князя, чрезмѣрной массой судебныхъ дѣлъ и гдѣ, наконецъ, также жаждали реформы королевскихъ судовъ. Впрочемъ, вопросъ о судебной реформѣ для Литвы былъ поставленъ на очередь уже на томъ же вальномъ Варшавскомъ сеймѣ 1578 г., а именно уже тогда было рѣшено, что, въ видахъ реформированія процессуальныхъ порядковъ и исправленія Статута, литовская шляхта соберется на воеводскіе сеймики въ маѣ 1578 г., послѣ которыхъ долженъ состояться общій съѣздъ въ Новгородѣ-Литовскомъ (Новогрудкѣ)[1]. Дѣло, однако, затянулось по различнымъ причинамъ настолько, что лишь въ мартѣ 1581 г. явилась возможность издать, по просьбѣ литовскихъ радныхъ пановъ и шляхты, такъ называемый „Способъ правъ трибунальскихъ“ или „Трибуналъ обывателямъ вел. княж. Литовского“[2]. Въ силу этого законодательнаго акта и особаго постановленія Варшавскаго сейма 1581 года Литва, подобно Польшѣ, получила высшій судъ, извѣстный подъ именемъ Главнаго Литовскаго трибунала и организованный по образцу трибунала Короннаго[3].

Такъ возникли по однимъ и тѣмъ же мотивамъ и почти одновременно Коронный и Главный Литовскій трибуналы, и таковы были тѣ, въ существенныхъ чертахъ одинаковыя для обоихъ центральныхъ судилищъ, основныя положенія, которыя опредѣляли ихъ организацію и дѣятельность.

---

[1]) Vol. leg. II, 969.

[2]) Онъ напечатанъ въ 25-й кн. Временника Моск. Общ. исторіи и древностей (въ 1857 г.) преимущественно по изданію, вышедшему изъ виленской типографіи Мамоничей въ 1586 г.

[3]) См. Vol. leg. II, 1020 и указанный „Трибуналъ обывателямъ вел. княж. Литовского“.

III.

Оба названныя очень важныя учрежденія, игравшія весьма крупную роль въ жизни Польскаго и Литовскаго государствъ, къ сожалѣнію, не дождались еще полной и всесторонней исторіи. Правда, о Коронномъ трибуналѣ имѣется въ польской литературѣ упомянутая выше спеціальная монографія проф. Бальцера (Geneza trybunału koronnego. Warszawa, 1886 г.), но въ обстоятельномъ трудѣ этомъ изслѣдована лишь часть вопроса, а именно вопросъ о возникновеніи означеннаго трибунала. Что же касается другого трибунала—Литовскаго, то онъ еще ожидаетъ своего изслѣдователя, чему, впрочемъ, нельзя удивляться, такъ какъ правовая исторія Западно-Русскаго государства еще и доселѣ весьма слабо разработана. Какъ бы то ни было, но Коронный трибуналъ и Главный Литовскій—учрежденія, которыя болѣе или менѣе, хотя бы въ общихъ чертахъ, хорошо извѣстны всѣмъ знакомымъ съ исторіей Польши, Литвы и Западной Руси.

Оказывается однако, что въ соединенныхъ личною и парламентскою уніей Польшѣ и Литвѣ существовало не два трибунала, какъ о томъ обыкновенно говорится, а три. Этимъ третьимъ трибуналомъ былъ трибуналъ Луцкій, игравшій такую же роль для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, какую трибуналъ Коронный игралъ для Великой и Малой Польши, а Литовскій—для Западно-Русскаго государства въ тѣхъ уменьшенныхъ его предѣлахъ, какіе оно получило послѣ знаменитой Люблинской уніи. Но о Луцкомъ трибуналѣ, насколько намъ извѣстно, не имѣется ровно никакихъ не только свѣдѣній, но даже и упоминаній въ русской литературѣ. Въ виду того, что означенныя воеводства, обнимавшія значительную часть нынѣшняго Юго-Западнаго края, входили со временъ Люблинской уніи въ составъ Польши, можно было бы, казалось, ожидать, что по крайней мѣрѣ въ польской литературѣ находятся какія-либо свѣдѣнія о названномъ трибуналѣ. Приходится, однако, отмѣтить, что, кромѣ весьма краткаго упоминанія объ установле-

ніи въ 1578 г. въ Луцкѣ особаго высшаго суда, или трибунала,—упоминанія, имѣющагося въ указанномъ трудѣ проф. Бальцера [1]), никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ трибуналѣ не встрѣчается также и въ современной польской исторической литературѣ.

Правда, кто имѣлъ случай и терпѣніе внимательно просматривать убористыя страницы многотомнаго собранія польскихъ законовъ — „Volumina Legum“, и въ частности изучать довольно разнообразныя конституціи Варшавскаго сейма 1578 г., тотъ, конечно, имѣлъ возможность не только встрѣтить постановленіе объ учрежденіи трибунала въ Луцкѣ, но и найти тамъ же кое-какія, впрочемъ, весьма краткія и неполныя свѣдѣнія объ этомъ трибуналѣ. Но упомянутыми сейчасъ краткими данными сеймоваго законодательства никто не воспользовался, и они, повторяемъ, не оставили почти никакого слѣда въ литературѣ. Поэтому едва ли мы погрѣшимъ противъ истины или впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что даже самый фактъ существованія отдѣльнаго трибунала въ Луцкѣ оставался доселѣ почти неизвѣстнымъ. Скажемъ даже больше: постановленіе Варшавскаго сейма, имѣющееся въ „Vol. leg.“, объ учрежденіи въ Луцкѣ особаго для трехъ юго-западныхъ воеводствъ трибунала само по себѣ весьма, на нашъ взглядъ, недостаточно. Кому извѣстно, сколько благихъ и неблагихъ законовъ въ минувшемъ прошломъ осталось на бумагѣ и не получило никакого практическаго примѣненія, сколько проектированныхъ учрежденій не было вовсе призвано къ жизни, для того, несмотря на наличность означенныхъ постановленій, все еще продолжалъ оставаться открытымъ вопросъ,—существовалъ ли въ дѣйствительности Луцкій трибуналъ, установленный сеймовой конституціей 1578 г.

Благодаря счастливой случайности, мы можемъ теперь не только сказать съ увѣренностью, что Луцкій трибуналъ дѣйствительно существовалъ и функціонировалъ — правда,

---

[1]) O. Balzer, op. cit. 321 и 338.

не очень долго—на ряду съ двумя другими трибуналами, но и сообщить нѣкоторыя неизвѣстныя доселѣ свѣдѣнія объ этомъ совершенно забытомъ учрежденіи. Во время занятій нашихъ въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ намъ въ нѣсколько пріемовъ удалось найти въ актовыхъ книгахъ Владимірскаго и Луцкаго повѣтовъ рядъ документовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ исторіи трибунала въ Луцкѣ. Документы эти уясняютъ вѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія открытіе означеннаго учрежденія, знакомятъ довольно подробно съ первыми шагами дѣятельности этого высшаго судилища, съ отношеніемъ къ нему нѣкоторыхъ классовъ населенія и т. д. Словомъ, упомянутыя новыя и, такъ сказать, бытовыя данныя не только подкрѣпляютъ, но и значительно дополняютъ рядъ тѣхъ краткихъ и разбросанныхъ въ различныхъ мѣстахъ данныхъ сеймоваго законодательства, которыя имѣются въ Volumina Legum.

Переходя къ ближайшему ознакомленію со всѣми имѣющимися нынѣ по вопросу о Луцкомъ трибуналѣ данными, считаемъ необходимымъ сдѣлать еще одно предварительное замѣчаніе.

Любопытный фактъ существованія въ Луцкѣ особаго трибунала весьма важенъ прежде всего для исторіи процесса въ Польшѣ и Литвѣ и въ частности судоустройства въ этихъ государствахъ; интересенъ онъ также и для исторіи Юго-Западнаго края вообще. Но этимъ не исчерпывается все значеніе даннаго факта: онъ весьма важенъ еще въ одномъ отношеніи. Вспомнимъ, что для всей Польши, какъ Великой, такъ и Малой, былъ учрежденъ всего лишь одинъ трибуналъ—Коронный[1]), что для обширнаго великаго княжества Литовскаго былъ установленъ также одинъ главный судъ, или трибуналъ. И вдругъ, на ряду съ этимъ, мы видимъ,

[1]) Одинъ для обѣихъ половинъ Короны трибуналъ, а не два, какъ предполагалось раньше, учрежденъ далеко не случайно и не безцѣльно. См. Balzer, op. cit. 293—298.

что для небольшой, сравнительно съ Короной или Литвой, территоріи, какую занимали воеводства Волынское, Брацлавское и Кіевское, и притомъ территоріи, не пользовавшейся политическою самостоятельностью, пришлось учредить особый независимый трибуналъ. Невольно возникаетъ вопросъ: въ силу какихъ обстоятельствъ это случилось, или, друг. словами, чѣмъ можно объяснить означенный фактъ? Фактъ учрежденія упомянутаго трибунала, несомнѣнно, является новымъ и яркимъ доказательствомъ того, что означеннымъ воеводствамъ даже послѣ присоединенія ихъ къ Польшѣ удалось сохранить значительную долю своей самостоятельности и обособленности, что въ девять лѣтъ, протекшихъ со времени Люблинской уніи, полонизація этихъ отторгнутыхъ отъ вел. княжества Литовскаго областей сдѣлала, очевидно, весьма мало успѣховъ. Если къ отмѣченному факту существованія Луцкаго трибунала присоединимъ еще тотъ извѣстный фактъ, что Волынское, Брацлавское и Кіевское воеводства и послѣ Люблинской уніи пользовались не польскими законами, а прежнимъ Литовскимъ Статутомъ [1]), то въ итогѣ получается слѣд. выводъ: Волынь [2]) и Кіевская земля, несмотря на Люблинскую унію, еще въ концѣ XVI и вообще, пока существовалъ особый Луцкій трибуналъ, продолжали сохранять въ значительной степени свою обособленность отъ прочихъ составныхъ частей Польши и вмѣстѣ съ тѣмъ обладали почти полною независимостью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, а именно пользовались автономіей въ области дѣйствовавшаго законодательства [3]) и въ области суда.

---

[1]) Въ означенныхъ воеводствахъ дѣйствовалъ Литовскій Статутъ 2-ой редакціи, т. е. 1566 г., который сохранялъ тамъ свою силу и послѣ изданія для Литовскаго вел. княжества Статута 1588 г.; отсюда Л. Статутъ 1566 г. нерѣдко называется Волынскимъ Статутомъ.

[2]) Т. е. Волынское и Брацлавское воеводства, на которыя дѣлилась Волынь или Волынская земля. Vol. leg. II, 753.

[3]) Автономія эта выражалась не только въ дѣйствіи на территоріи означ. земель источниковъ права, отличныхъ отъ польскихъ, но и въ томъ, что землямъ этимъ принадлежало право производить, конечно

Итакъ, обратимся теперь къ ближайшему ознакомленію со всѣми, какъ актовыми, такъ равно и законодательными, данными, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи и дающими возможность коснуться если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ и притомъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи Луцкаго трибунала, представляющей интересную страницу изъ общей исторіи судбной реформы въ Польшѣ и Литвѣ [1]).

IV.

Мы уже видѣли, что дѣйствіе Короннаго трибунала, учрежденнаго въ 1578 г., простиралось въ территоріальномъ отношеніи только на великопольскіе и малопольскіе воеводства. Что же касается остальныхъ провинцій или областей, входившихъ въ то время въ составъ Короны, а именно такъ называемой королевской Пруссіи, а также земель, отторгнутыхъ отъ Литвы—Волынской и Кіевской, то онѣ по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ были оставлены внѣ сферы дѣй-

---

съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ, исправленія и всякаго рода измѣненія въ дѣйствовавшемъ законодательствѣ, т. е. въ Л. Статутѣ. Vol. leg. II, 757 („Daiemy im moc na seymikach powiatowych... tego statutu Litewskiego artykulow poprawiać y wedle potrzeby przyczyniać, abo uymować). 764, 969, 1292, 1298 etc.

[1]) Къ сожалѣнію, данныя эти и въ частности найденные нами архивные матеріалы являются, какъ о томъ подробно сказано въ другомъ мѣстѣ (см. предисловіе къ помѣщеннымъ въ XIII кн. „Чтеній“ документамъ, гдѣ указаны и самыя причины отмѣчаемаго факта), не настолько полными, чтобы можно было, на основаніи ихъ, прослѣдить всю, хотя бы въ главныхъ и краткихъ чертахъ, внѣшнюю исторію занимающаго насъ учрежденія. Еще меньшимъ количествомъ данныхъ мы располагаемъ для того, чтобы судить о внутреннихъ порядкахъ Луцкаго трибунала, такъ какъ вслѣдствіе утраты судебныхъ книгъ этого учрежденія мы не имѣемъ ни одного изъ его декретовъ въ полномъ видѣ, ни одного изъ протоколовъ названнаго апелляціоннаго суда. Впрочемъ, актовыя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи, хотя и касаются преимущественно внѣшней исторіи Луцкаго трибунала, но представляютъ ее довольно полно за первый годъ существованія этого суда, а равно знакомятъ насъ съ отноше-

ствія означеннаго трибунала[1]). Какъ это случилось, какимъ путемъ удалось упомянутымъ областямъ уклониться отъ подчиненія юрисдикціи Короннаго трибунала, на этотъ вопросъ подробно или вполнѣ опредѣленно отвѣтить трудно, такъ какъ діаріуша, или дневника, Варшавскаго сейма 1578 года не сохранилось.

Впрочемъ, по отношенію къ королевской Пруссіи нѣкоторыя свѣдѣнія имѣются въ другихъ источникахъ, изъ которыхъ видно, что послы Пруссіи, ссылаясь между проч. на различіе между ихъ правомъ и правомъ польскимъ и на нѣкоторыя друг. обстоятельства, не только протестовали противъ подчиненія прусскихъ воеводствъ юрисдикціи Короннаго трибунала, но и вообще упорно не соглашались на какія-либо измѣненія существовавшихъ у нихъ судебныхъ порядковъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы еще кончился означенный протестъ, если бы не нѣкоторыя обстоятельства. На Варшавскомъ сеймѣ, обсуждавшемъ судебную реформу, разсматривался также вопросъ о введеніи налога на военныя нужды, вызванныя тогдашней войной съ Москвой. Прусскіе послы, заявившіе протестъ противъ судебной реформы, протестовали также и противъ новыхъ налоговъ. Чтобы заручиться ихъ согласіемъ на эти послѣдніе, поляки съ королемъ во

ніями къ Луцкому трибуналу какъ шляхты, такъ особенно като́лич. духовенства; кромѣ того, одинъ изъ нашихъ актовъ въ соединеніи съ данными сеймоваго законодательства позволяетъ отмѣтить съ нѣкоторыми подробностями тотъ моментъ, когда права и обязанности Луцкаго трибунала перешли къ трибуналу Коронному. Такимъ образомъ, даже и тотъ небогатый запасъ актовъ, которымъ мы располагаемъ, съ присоединеніемъ къ нему скудныхъ данныхъ сеймоваго законодательства, представляетъ въ общемъ не мало матеріала для краткаго, отнюдь не претендующаго на полноту, этюда о Луцкомъ трибуналѣ, какимъ является наша настоящая статья.

[1]) Обстоятельство это не согласно съ проектомъ судебной реформы, ближайшимъ ко времени Варшавскаго сейма: въ означенномъ проектѣ предполагалось подчинить дѣйствію трибунала какъ Пруссію, такъ и тѣ воеводства, которыя судились Литовскимъ Статутомъ, т. е. Волынскую и Кіевскую земли. Balzer: op. cit., 296, 315.

главѣ, повидимому, вынуждены были сдѣлать уступку по вопросу о судебной реформѣ [1]). Такъ или иначе, но въ результатѣ по данному вопросу явилось слѣд. постановленіе сейма 1578 г.: „Воеводства Прусскія оставляемъ при ихъ судахъ, а именно въ подлежащихъ случаяхъ не трибуналъ, но мы (т. е. король) сами судить будемъ“ [2]).

Нѣсколько иное положеніе въ данномъ вопросѣ заняли послы Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, которыя находились во многихъ отношеніяхъ въ совершенно аналогичныхъ условіяхъ съ воеводствами прусскими [3]). Послы эти, повидимому, не только ничего не имѣли противъ измѣненія старыхъ судебныхъ порядковъ, но даже желали реформы королевскихъ судовъ и учрежденія трибунала. Это, не говоря уже о другихъ данныхъ, видно изъ того, что не только судебная реформа, но даже (какъ это прямо вытекаетъ изъ приведенныхъ ниже постановленій вальнаго или общаго сейма 1578 г.) дѣйствіе самаго устава о Коронномъ трибуналѣ были распространены также и на всѣ три означенные воеводства, хотя въ то же время для нихъ учрежденъ былъ особый главный судъ въ видѣ Луцкаго трибунала. Этотъ послѣдній, вѣроятно, и былъ если не единственнымъ, то главнымъ предметомъ споровъ. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы на учрежденіе означеннаго трибунала поляки согласились добровольно, безъ какихъ-либо особенно побудительныхъ причинъ: если въ ихъ глазахъ отказъ пруссаковъ принять реформу и лишиться права апелляціи отъ низшихъ судовъ къ королю по многимъ судебнымъ дѣламъ являлся, повидимому, прямымъ доказа-

---

[1]) Balzer, op. cit., 315.

[2]) Vol. leg. II, 969.

[3]) Какъ въ первыхъ, такъ и во вторыхъ дѣйствовали свои (мѣстные) источники права, отличные отъ польскихъ, и употреблялся въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ иной языкъ (въ юго-западныхъ воеводствахъ русскій, въ прусскихъ нѣмецкій), нежели тотъ, который господствовалъ въ Польшѣ и который въ частности долженъ былъ употребляться въ дѣлопроизводствѣ трибунала (языкъ польскій).

тельствомъ стремленія прусскихъ воеводствъ къ сепаратизму, то во много кратъ бо́льшимъ признакомъ сепаратизма должно было представляться полякамъ желаніе Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ имѣть въ Луцкѣ свой особый трибуналъ, равноправный съ трибуналомъ Коронным. Слѣдуетъ поэтому предположить, что со стороны пословъ Волынской и Кіевской земель были представлены сильныя возраженія противъ проектированнаго подчиненія означенныхъ земель Коронному трибуналу [1]) и сильные аргументы въ пользу необходимости учрежденія для нихъ особаго трибунала. Однимъ и едва ли не самымъ главнымъ изъ такихъ аргументовъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ, имѣющимся въ приведенныхъ ниже сеймовыхъ конституціяхъ, было различіе источниковъ права, дѣйствовавшихъ въ Коронѣ, съ одной, и въ упомянутыхъ воеводствахъ, съ другой стороны, а также и различіе языка, употреблявшагося въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ [2]). Можно также думать, что и сами поляки, въ виду особеннаго положенія, занимаемаго Волынской и Кіевской землями, сочли болѣе благоразумнымъ довольствоваться пока распространеніемъ на означенныя земли судебной реформы и не настаи-

---

[1]) Что такой проектъ существовалъ, объ этомъ см. примѣчаніе на стр. 18.

[2]) Во всякомъ случаѣ мотивы географическаго, такъ сказать, свойства и въ частности соображенія о неудобствахъ для жителей Волынской и Кіевской земель ѣздить по своимъ апелляціоннымъ дѣламъ въ Петроковъ или Люблинъ (послѣдній, кстати сказать, отстоялъ довольно близко отъ границъ Волынскаго воеводства) не играли никакой роли въ вопросѣ объ отдѣльномъ Луцкомъ трибуналѣ такъ же, какъ и при рѣшеніи вопроса о мѣстѣ засѣданій Короннаго трибунала (Петроковъ для Великой и Люблинъ для Малой Польши—одинаково не являлись центральными географическими пунктами). Добавимъ къ этому, что если бы учрежденіе Луцкаго трибунала объяснялось соображеніями подобнаго рода, то тогда мѣстомъ засѣданій особаго для Волыни и Кіевской земли трибунала избранъ былъ бы не Луцкъ, а какой-либо другой болѣе центральный для указанной территоріи пунктъ, напр., Житоміръ.

вать на подчиненіи ихъ одному общему для всѣхъ коронныхъ воеводствъ трибуналу.

Что, однако, на самомъ дѣлѣ побудило короля и польскіе чины вальнаго сейма согласиться въ концѣ концовъ на учрежденіе отдѣльнаго Луцкаго трибунала, сказать съ точностью трудно, такъ какъ на этотъ счетъ, повторяемъ, не сохранилось никакихъ вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій. За отсутствіемъ послѣднихъ, приходится, сверхъ всякаго рода болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеній, довольствоваться однимъ голымъ фактомъ, да нижеслѣдующими тремя конституціями Варшавскаго сейма 1578 года, которыя, хотя и не даютъ накакого прямого отвѣта на вопросъ о мотивахъ учрежденія особаго Луцкаго трибунала, являются, однако, единственными законодательными данными объ этомъ послѣднемъ [1]):

„*Воеводства Кіевское, Волынское и Брацлавское.*

1. „Означенныя воеводства судятся правомъ и статутомъ великаго княжества Литовскаго передъ депутатами (судьями), которыхъ они изберутъ для себя на сеймикѣ, а именно въ воеводствѣ Волынскомъ въ количествѣ пяти лицъ, а въ прочихъ (двухъ) по четыре, (на срокъ) до слѣдующаго сеймика,—(судятся) съ соблюденіемъ того порядка и тѣхъ артикуловъ, которые на нынѣшнемъ вальномъ Варшавскомъ сеймѣ единогласно и сообща приняты и въ настоящую конституцію занесены; упомянутый судъ засѣдаетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ гор. Луцкѣ, от-

[1]) Нижеприведенныя постановленія слѣдуютъ непосредственно за уставомъ для Короннаго трибунала, въ качествѣ дополненій или необходимыхъ оговорокъ къ этому уставу, спеціально посвященныхъ трибуналу въ Луцкѣ. Въ текстѣ сеймовыхъ конституцій 1578 г., напечатанномъ въ Vol. leg., (изд. I. Огрызка, Спб. 1859—1860 г.), постановленія, относящіяся къ Луцкому трибуналу, помѣчены §§ 25—27 и имѣютъ слѣдующій общій заголовокъ: „Woiewodztwa Kiiowskie, Wołyńskie, y Bracławskie“. Приведенный у насъ текстъ означенныхъ постановленій представляетъ по возможности буквальный переводъ латинско-польскаго текста, находящагося во Vol. leg. (t. II, 968—969).

крывается въ день св. Мартина и пользуется печатью земской луцкой[1]).

2. „Паны воеводы, съ полученіемъ нашихъ (т. е. королевскихъ) о томъ листовъ, должны собрать въ повѣтахъ сеймикъ не позже Зеленыхъ святокъ для избранія депутатовъ на означенные суды (т. е. въ Луцкій трибуналъ). Конституція нынѣшняго сейма должна быть выдана упомянутымъ воеводамъ, съ приложеніемъ коронной печати, на русскомъ языкѣ („написанная письмомъ русскимъ"), согласно привилею, данному означеннымъ воеводствамъ по случаю уніи на вальномъ Люблинскомъ сеймѣ.

3. „А если бы (Кіевскому, Волынскому и Брацлавскому) воеводствамъ на будущемъ сеймѣ представилась надобность что-либо въ вышеизложенныхъ процессуальныхъ порядкахъ исправить или (если бы они признали необходимымъ), отказавшись отъ упомянутаго трибунала, суды свои опять на насъ (т. е. короля) возложить, то все это они могутъ сдѣлать всегда, т. е. на каждомъ (будущемъ) сеймѣ, на основаніи Статута великаго княжества Литовскаго, а также привилея, даннаго на сеймѣ въ Люблинѣ относительно уніи, и конституціи, составленной во время коронаціи нашей въ Краковѣ.

Итакъ, для трехъ воеводствъ, входившихъ въ составъ отторгнутыхъ отъ Литвы и присоединенныхъ по акту Люблинской уніи къ Польшѣ Волынской и Кіевской земель, учреждается въ Луцкѣ особый главный судъ, или трибуналъ. Трибуналъ этотъ открываетъ свои засѣданія въ день св. Мартина, т. е. 11 ноября, и состоитъ изъ 13-ти депутатовъ, или судей, избираемыхъ ежегодно[2]) на сеймикахъ Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, отъ перваго по пяти,

---

[1]) Ср. текстъ этого и слѣдующихъ пунктовъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія, которое имѣется въ первомъ изъ документовъ, входящихъ въ составъ изданныхъ нами (см. „Чтенія", кн. XIII) „Матеріаловъ для исторіи Луцкаго трибунала".

[2]) Такъ, очевидно, и по даннымъ нашихъ актовъ и по аналогіи съ прямымъ указаніемъ устава Коронпаго трибунала о срокѣ избранія су-

а отъ остальныхъ по четыре человѣка. Первые выборы должны состояться уже въ 1578 г., на Троицынъ день. Дѣла рѣшаются въ Луцкомъ трибуналѣ на основаніи Литовскаго Статута. Все остальное, о чемъ отдѣльно не говорится въ приведенныхъ постановленіяхъ: порядокъ избранія судей, ихъ обязанности и права, компетенція трибунала, порядокъ засѣданій и разбора дѣлъ, постановки рѣшеній и пр. и пр., опредѣляется уставомъ, даннымъ для Короннаго трибунала и распространеннымъ на трибуналъ Луцкій, для чего этотъ уставъ вмѣстѣ съ прочими конституціями Варшавскаго сейма 1578 г., въ переводѣ на русскій языкъ, долженъ быть отправленъ въ каждое изъ названныхъ воеводствъ [1]).

Краткія постановленія о Луцкомъ трибуналѣ заканчиваются предупредительнымъ предоставленіемъ шляхтѣ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ права на одномъ изъ ближайшихъ сеймовъ, въ случаѣ обнаружившейся надобности въ томъ, или что-либо измѣнить въ нововводимыхъ процессуальныхъ порядкахъ, или даже вовсе отказать-

---

дей для этого послѣдняго (см. Vol. leg. II, 962) надо понимать нѣсколько неопредѣленное выраженіе вышеприведеннаго постановленія объ избраніи депутатовъ въ Луцкій трибуналъ („.... przed deputaty, ktore oni na seymik sobie obierą... do drugiego seymiku“).

[1]) Кстати замѣтимъ, что этимъ распоряженіемъ или, точнѣе, учрежденіемъ въ Луцкѣ трибунала и обязательностью для него, въ смыслѣ общаго руководства, устава Короннаго трибунала объясняется бывшій доселѣ довольно загадочнымъ и вызывавшій разнообразныя комментаріи (см., напр., Н. А. Максимейко: „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“, стр. 93—94, примѣч. 1) фактъ нахожденія въ концѣ Литовскаго Статута 2-ой редакціи (въ числѣ прочихъ приложеній къ нему) перевода на русскій языкъ сеймовыхъ конституцій 1578 г. и въ частности устава Короннаго трибунала. Впрочемъ, извѣстный доселѣ переводъ отрывка означенныхъ конституцій, приложеннаго къ напечатанному въ 23 кн. „Временника Московскаго Общества исторіи и древн. россійскихъ“ тексту Литовскаго Статута 1566 г., преисполненъ, какъ справедливо указалъ г. Максимейко (op. cit., ibid.), грубыхъ ошибокъ, искаженій и всякаго рода отступленій отъ подлинника, а потому упомянутый переводъ отнюдь не можетъ быть тѣмъ офиціальнымъ переводомъ, о которомъ говорится въ текстѣ конституціи сейма. Кромѣ того, извѣстный въ печати переводъ означ. конституцій неполонъ: въ немъ вовсе нѣтъ тѣхъ статей, кото-

ся отъ трибунала и возвратиться къ прежнимъ порядкамъ, т. е. возстановить переносъ апелляціонныхъ дѣлъ въ королевскіе суды [1]).

Таковы всѣ законодательныя данныя о трибуналѣ въ Луцкѣ, имѣющіяся въ Vol. Legum.

Обратимся теперь къ нашимъ архивнымъ матеріаламъ и постараемся извлечь изъ нихъ все наиболѣе существенное.

V.

Сеймовыя конституціи 1578 г. датированы 3-мъ марта, а уже 6-го числа того же мѣсяца король, согласно извѣстному намъ постановленію Варшавскаго сейма, отправилъ къ волынскому, брацлавскому и кіевскому воеводамъ листы съ требованіемъ собрать на предстоящій день св. Троицы, т. е. на 18-го мая, сеймики для избранія депутатовъ, или судей, въ Луцкій трибуналъ. Изъ этихъ листовъ въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь тотъ, который былъ адресованъ къ волынскому воеводѣ кн. Андрею Вишневецкому [2]). Въ немъ король, предъявляя вышеозначенное требованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ вкратцѣ излагаетъ содержаніе двухъ первыхъ изъ приведенныхъ выше постановленій о Луцкомъ трибуналѣ (впрочемъ, безъ упоминанія о томъ, сколько надлежитъ избрать депутатовъ отъ Волынскаго воеводства). Однако, королевскій листъ получился настолько поздно (онъ занесенъ въ актовыя книги лишь 25 апрѣля), что волынскій воевода, повидимому, не имѣлъ возможности собрать сеймика къ сроку, назначенному сеймовой конституціей и упомянутымъ

рыя цѣликомъ приведены на страницахъ нашей настоящей работы (стр. 21—22) и посвящены Луцкому трибуналу.

[1]) Ср. это съ тѣмъ правомъ, которое предоставлено было шляхтѣ польской относительно Короннаго трибунала и которое формулировано въ заключительной статьѣ устава для этого послѣдняго: „A Trybunału tego pospolitego Koronnego poprawa zawzdy ma bydź wolna, za zezwoleniem spolnym na seymie“. Vol. leg. II, 968.

[2]) См. наши „Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала“, актъ № 1.

королевскимъ листомъ. Къ тому же воевода кн. Вишневецкій не могъ довольствоваться однимъ королевскимъ листомъ, не заключавшимъ въ себѣ всѣхъ нужныхъ подробностей, и принужденъ былъ поджидать еще прибытія изъ Варшавы полнаго текста сеймовыхъ конституцій 1578 г., которыя, какъ извѣстно, рѣшено было отправить всѣмъ тремъ вышеозначеннымъ воеводамъ въ переводѣ на русскій языкъ и которыя не только давали возможность ознакомиться всѣмъ избирателямъ съ сущностью новыхъ судебныхъ порядковъ, но и содержали въ себѣ необходимыя указанія и руководящія подробности о процедурѣ выборовъ депутатовъ, числѣ ихъ и пр. и пр. Между тѣмъ офиціальный переводъ означенныхъ конституцій, несомнѣнно, требовалъ значительно больше времени для его изготовленія, нежели упомянутый королевскій листъ, а потому, конечно, могъ получиться гораздо позже этого послѣдняго [1]). Все это, вѣроятно, послужило причиной того, что выборы, вопреки королевскому листу и постановленію сейма, были отложены на осень и назначены волынскимъ воеводой лишь на 16 сентября, т. е. на одинъ день позже того срока, который былъ установленъ для выборовъ въ Коронный трибуналъ [2]).

16-го сентября 1578 г., какъ видно изъ имѣющагося у насъ акта объ избраніи депутатовъ [3]), состоялся, наконецъ, въ Луцкѣ сеймикъ, на которомъ присутствовали въ числѣ прочихъ

---

[1]) Какъ много требовалось времени, чтобы конституція того и друг. сейма была „на Волынь принесена“, см. объ этомъ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 2, т. I, № 3, откуда видно, что со времени окончанія сейма 1589 г. прошло около 3-хъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ получена была въ Луцкѣ конституція означеннаго сейма, и что, благодаря такому промедленію, нельзя было своевременно исполнить одного изъ постановленій этого сейма.

[2]) Выборы депутатовъ въ Коронный трибуналъ, согласно уставу этого послѣдняго (Vol. leg., II, 962), должны были происходить въ первый понедѣльникъ послѣ праздн. Рождества Пресв. Богородицы, т. е. въ данномъ (1578) году—15 сентября.

[3]) Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, актъ № 2.

„князей, пановъ, врядниковъ земъскихъ и дворныхъ, всего рыцерства-шляхты“ не только воевода волынскій кн. Андрей Вишневецкій, но и воеводы кіевскій кн. Константинъ Острожскій и брацлавскій кн. Янушъ Збаражскій [1]), а также представитель короля—стольникъ великаго княжества Литовскаго кн. Александръ Пронскій [2]). На этомъ сеймикѣ, того же 16 сентября, были избраны *„сполъне и згодъне“* въ качествѣ депутатовъ отъ Волынскаго воеводства „на суды головъные трибуналъские“ слѣдующія пять лицъ: хорунжій земли Волынской Григорій Гулевичъ, войскій луцкій Иванъ Чапличъ-Шпановскій, п. Ерофей Гостскій, п. Ѳедоръ Чапличъ-Шпановскій и кн. Дмитрій Козека. Такимъ образомъ, всѣ пять депутатовъ, или судей, которые должны были входить въ составъ Луцкаго трибунала отъ Волынскаго воеводства, оказались избранными шляхтою этого послѣдняго.

Не такъ гладко шли и не такіе результаты дали выборы въ двухъ остальныхъ воеводствахъ. Хотя до насъ и не дошли постановленія брацлавскаго и кіевскаго сеймиковъ о результатахъ выборовъ на этихъ послѣднихъ, мы, однако, располагаемъ нѣкоторыми данными, заставляющими предполагать, что выборы въ названныхъ воеводствахъ окончились полной или почти полной неудачей. Такъ, изъ имѣющихся у насъ актовъ весьма опредѣленно видно, что въ составъ Луцкаго трибунала въ первый годъ его существованія входилъ лишь одинъ (вмѣсто 4-хъ) депутатъ отъ Брацлав-

---

[1]) Присутствіе кн. К. Острожскаго и кн. Я. Збаражскаго на сеймикѣ въ Луцкѣ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что первый изъ нихъ былъ не только воеводой кіевскимъ, но и маршалкомъ земли Волынской и старостою Владимірскаго повѣта, а второй не только воеводой брацлавскимъ, но и старостою Кременецкаго повѣта; оба же названные повѣта входили, какъ извѣстно, въ составъ Волынскаго воеводства.

[2]) Кн. Ал. Пронскій названъ въ постановленіи Луцкаго сеймика (см. „Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала“, №2) просто „паномъ Александромъ Фредрыховичемъ“. Что этотъ послѣдній есть именно кн. Александръ Фридриховичъ Пронскій, стольникъ великаго княжества Литовскаго, а позже (съ 1581 г.) и староста луцкій, объ этомъ см. Wolff: „Senatorowie i dygnitarze“, pp. 318, 65, 24.

скаго воеводства и что въ числѣ судей трибунала не было ни одного представителя Кіевской земли [1]). Обстоятельство это объясняется, какъ то мы увидимъ ниже, не чѣмъ-либо другимъ, а лишь неудачными результатами выборовъ въ названныхъ воеводствахъ [2]). Въ свою очередь, самая безрезультатность выборовъ или недостаточная успѣшность ихъ удовлетворительно объясняется прежде всего тѣмъ, что постановленіе Варшавскаго сейма 1578 г., требующее, чтобы выборы на сеймикахъ депутатовъ въ трибуналъ происходили „spólnie“ (что́ не означаетъ еще—„единогласно“), на практикѣ, повидимому, было понятно въ томъ смыслѣ, что для избранія необходимо единогласіе [3]). При таковомъ толкованіи закона, при необходимости для избранныхъ депутатовъ покинуть на болѣе или менѣе продолжительное время не только свои имѣнія, но даже предѣлы своего воеводства (послѣднее неудобство не имѣло мѣста лишь по отношенію къ депутатамъ Волынскаго воеводства) и, наконецъ, при отсутствіи почти всякихъ матеріальныхъ выгодъ для судей трибунала по должности [4]), нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что выборы въ Кіевскомъ воеводствѣ не дали никакихъ, а въ Брацлавскомъ дали не вполнѣ желательные результаты. Каковы бы, однако, ни были дѣйствительныя причины отмѣченнаго факта, его, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ объяснять равнодушіемъ шляхты Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ къ своему отдѣльному трибуналу. Извѣстно, напр., что въ Коронѣ, гдѣ шляхта такъ сильно жаждала судебной реформы, пришлось въ первый же годъ существованія Короннаго трибунала засѣданія его въ Лю-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, №№ 7, 8, 13 и др.

[2]) Нѣкоторыя указанія на это имѣются также и въ двухъ изъ нашихъ документовъ. См. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, № № 7 и 8.

[3]) См. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, № 2. Такое же точно толкованіе выраженія „spólnie“ было усвоено практикой и въ Коронѣ. Balzer, op. cit., 322.

[4]) Vol. leg. II, 968.

блинѣ отсрочить вслѣдствіе недостаточнаго числа депутатовъ, или судей, этого трибунала [1]).

Итакъ, въ составъ Луцкаго трибунала вмѣсто требуемыхъ закономъ 13-ти представителей отъ трехъ воеводствъ вошло всего лишь шесть лицъ, а именно пять перечисленныхъ выше депутатовъ отъ Волынскаго [2]) и одинъ, въ лицѣ войскаго владимірскаго Василія Гулевича, отъ Брацлавскаго воеводства [3]). Такой далеко не полный личный составъ Луцкаго трибунала отнюдь не помѣшалъ этому послѣднему приступить къ исполненію предоставленныхъ ему судебныхъ функцій и въ частности открыть свои засѣданія въ установленный срокъ—11 ноября, въ день св. Мартина [4]).

Является, однако, вопросъ,—правильно ли поступалъ Луцкій трибуналъ, открывая свои засѣданія въ такомъ весьма неполномъ составѣ? Этотъ вопросъ важенъ уже потому, что нѣкоторые изъ отвѣтчиковъ протестовали противъ того или другого рѣшенія трибунала и объявляли его незаконнымъ, ссылаясь при этомъ именно на неполноту состава трибунала. Кромѣ того, нѣкоторые изъ тяжущихся находили даже возможнымъ утверждать, что они, подобно многимъ другимъ обывателямъ, были положительно убѣждены, что Луцкій трибуналъ вслѣдствіе неудовлетворительныхъ результатовъ выборовъ на воеводскихъ сеймикахъ, не давшихъ требуемаго закономъ числа судей, вовсе не будетъ функціонировать [5]). Всѣ подобнаго рода протесты, возраженія и соображенія надо, однако, признать совершенно неосновательными. Если мы обратимся къ уставу Короннаго трибунала, общими постановленіями котораго долженъ былъ руководствоваться и Луцкій трибуналъ, то увидимъ, что, по категорическому требованію одного изъ параграфовъ этого устава, наличное чи-

---

[1]) Balzer, op. cit., 324.

[2]) См. выше стр. 26.

[3]) Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, №№ 8 и 13.

[4]) Ibid., №№ 4, 5 и др.

[5]) Ibid., №№ 7 и 8.

сло судей трибунала обязано разрѣшать судебныя дѣла даже тѣхъ воеводствъ, которыя не имѣютъ въ трибуналѣ своихъ представителей по той или другой причинѣ и между проч. вслѣдствіе неизбранія этихъ послѣднихъ [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ законъ не установилъ никакого minimum'а числа судей, присутствіе которыхъ необходимо для законности рѣшеній трибунала. Такимъ образомъ, Луцкій трибуналъ, въ лицѣ входившихъ въ его составъ шести судей, совершенно основательно, несмотря на отсутствіе большинства депутатовъ отъ Брацлавскаго и всѣхъ отъ Кіевскаго воеводства, считалъ себя въ правѣ приступить къ отправленію судебныхъ функцій, предоставленныхъ ему. Впрочемъ, какъ это видно изъ нашихъ документовъ, въ составъ Луцкаго трибунала въ первый же годъ его существованія входили не только перечисленные выше депутаты отъ Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ, но также и члены луцкаго земскаго суда, а именно: судья кн. Остафій Сокольскій и подсудокъ Иванъ Хренницкій [2]).

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣннымъ вопросомъ находится и другой,—простиралось ли дѣйствіе Луцкаго трибунала, въ первый же годъ его существованія, на территорію Кіевскаго воеводства, отъ котораго, какъ намъ уже извѣстно, не было въ этомъ трибуналѣ ни одного представителя? Правда, на основаніи прямого указанія цитированнаго выше закона, апелляціонныя дѣла Кіевскаго воеводства подлежали юрисдикціи Луцкаго трибунала даже и при полномъ отсутствіи въ немъ депутатовъ, или судей, отъ этого воеводства. Практика, однако, могла взглянуть на дѣло иначе. И, дѣйствительно, если мы обра-

---

[1]) Vol. leg. II, 963, § 5.

[2]) Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, № 8. Члены земскаго суда того воеводства, гдѣ происходили засѣданія трибунала, присутствовали въ этомъ послѣднемъ на основаніи требованія устава Коронаго трибунала; впрочемъ, они не принимали участія въ голосованіи при постановкѣ рѣшеній. Vol. leg. II, 968. Тотъ же порядокъ, вѣроятно, соблюдался и въ Луцкомъ трибуналѣ.

тимся къ двумъ изъ нашихъ актовъ, то можно, пожалуй, прійти къ заключенію, что такъ именно и было, и даже больше: что воеводство Кіевское по какой-то причинѣ совершенно отказалось отъ суда въ Луцкомъ трибуналѣ [1]). Такъ, въ одномъ изъ упомянутыхъ сейчасъ актовъ мы встрѣчаемъ слѣд. заявленіе нѣкоего Петровскаго, повѣреннаго п. Ст. Граевскаго, бывшаго отвѣтчикомъ по дѣлу, разсматривавшемуся въ Луцкомъ трибуналѣ, и притомъ заявленіе, сдѣланное въ самомъ засѣданіи этого послѣдняго: „ваша милость въ незуполномъ суде.... кгдыж тут жадного депутата межи вашею милостю з воеводства Киевского не вижу, а з Браславского воеводства только одинъ межи вашею милостью есть, и кгдыж вижу, ижъ *з воеводства Киевского и Браславского, не зволивши, передъ вашею милостю не судятся...*“ [2]). Но приведеннымъ словамъ повѣреннаго со стороны п. Граевскаго не слѣдуетъ давать вѣры. Въ опроверженіе довольно категорическаго утвержденія п. Петровскаго, что „з воеводства Киевского... передъ вашею милостю (т. е. судьями Луцкаго трибунала) не судятся“, мы имѣемъ два вполнѣ опредѣленныя свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что шляхта Кіевскаго воеводства апеллировала въ Луцкій трибуналъ на рѣшенія кіевскаго земскаго суда и что этотъ послѣдній не только не противился переносу дѣлъ въ Луцкъ „до суду депутатского трибуналового“, но, повидимому, считалъ такой порядокъ, т. е. обращеніе съ апелляціями въ Луцкій трибуналъ, вполнѣ правильнымъ и нормальнымъ [3]).

Независимо отъ представленныхъ выше свѣдѣній, нѣкоторые изъ цитированныхъ уже документовъ, а равно и другіе изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи и относящихся къ исторіи Луцкаго трибунала актовъ знакомятъ насъ также и съ самой дѣятельностью этого учрежденія за первый годъ его существованія (1578 — 79), но, къ сожалѣнію, зна-

[1]) Матер. для ист. Луцк. триб., №№ 7 и 8.

[2]) Ibid., № 8.

[3]) Ibid., №№ 11 и 14.

комятъ съ нею лишь отчасти или, лучше сказать, весьма односторонне[1]). Скажемъ даже больше: если бы можно было основываться исключительно на нашихъ документахъ упомянутой категоріи, то пришлось бы утверждать, что дѣятельность первый судей трибунала, съ одной стороны, встрѣчала чуть ли не на каждомъ шагу, всякаго рода препоны и преграды, а, съ другой, была сама по себѣ столь не корректной, что могла вызывать едва ли не одни лишь протесты и жалобы. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, во-первыхъ, что до насъ не дошли книги Луцкаго трибунала[2]), въ которыя заносились всѣ его судебныя рѣшенія, постановленія и пр. и на основаніи которыхъ только и можно было бы составить себѣ надлежащее сужденіе о дѣятельности судей трибунала; а, во-вторыхъ, что въ гродскія и земскія книги, откуда извлечены всѣ наши акты, могли попасть (кромѣ, конечно, документовъ офиціальнаго происхожденія и характера) однѣ лишь жалобы на рѣшенія трибунала и всякаго рода протесты и заявленія, словомъ, такіе документы, которые исходили отъ недовольныхъ почему-либо дѣятельностью трибунала лицъ и которые имѣли въ виду изобразить, основательно или неосновательно, однѣ только отрицательныя стороны этой дѣятельности. Впрочемъ, если бы и на самомъ дѣлѣ недовольныхъ дѣятельностью первыхъ судей трибунала было болѣе, чѣмъ довольныхъ, то и въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Порядки, явившіеся результатомъ судебной реформы, были столь новы и необычны, что должно было пройти не мало времени, прежде чѣмъ къ нимъ могли привыкнуть и населеніе, и судьи, и даже самъ король. Отсутствіемъ этой привычки и вообще новизною дѣла и для шляхты и для ихъ избранниковъ—судей, а, главнымъ образомъ, естественнымъ недовольствомъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя почему-либо не добились въ Луцкомъ трибуналѣ того, чего

---

[1]) Ibid., №№ 6, 7, 8, 9, 10, 13, 15.

[2]) О существованіи этихъ книгъ см. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала, №№ 6 и 8.

они хотѣли, слѣдуетъ преимущественно объяснять то довольно значительное, какъ можно думать, количество жалобъ, протестовъ и пр., какое вызвала дѣятельность первыхъ судей Луцкаго апелляціоннаго суда. Той же новизною дѣла, а отчасти привычкой къ старымъ порядкамъ, можно объяснить и отмѣчаемое нашими актами отношеніе къ рѣшеніямъ Луцкаго трибунала самого короля,—отношеніе. которое не только сильно подрывало авторитетъ названнаго еще неокрѣпшаго учрежденія, но и совершенно противорѣчило новосозданнымъ судебнымъ порядкамъ[1]): король, повидимому, принималъ всѣ поступавшія къ нему жалобы на судей трибунала и требовалъ ихъ, на основаніи этихъ жалобъ, къ своему королевскому суду[2]). Все это, конечно, должно было неоднократно заставлять судей Луцкаго трибунала горько сожалѣть о томъ, что они рѣшились принять отъ своихъ сограждан судейскія полномочія, которыя въ концѣ концовъ принесли избранникамъ шляхты не столько почета или какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ, сколько хлопотъ и непріятностей.

VI.

Одну изъ любопытныхъ страницъ въ исторіи Луцкаго трибунала представляютъ неоднократные протесты волынскаго католическаго духовенства противъ установленія этого трибунала, сопровождавшіеся категорическимъ отказомъ отъ подчиненія его юрисдикціи.

Весь ходъ борьбы означеннаго духовенства съ Луцкимъ трибуналомъ представляется по нашимъ архивнымъ данным въ такомъ видѣ. 16-го сентября, какъ извѣстно, состоялось избраніе депутатовъ, или судей, въ Луцкій трибуналъ отъ Волынскаго воеводства, а уже два дня спустя, 18-го сентября, каноникъ луцкій Янъ Альбиніусъ передъ всѣми

---

[1]) См. Vol. leg. II, 965, 967—968.

[2]) См. Матеріалы для исторіи Луцкаго трибуиала, №№ 9, 13 и 15.

собравшимися на сеймикъ панами и шляхтою заявилъ отъ имени бискупа луцкаго и берестейскаго Викторина Вербицкаго и всего подчиненнаго ему духовенства протестъ такого содержанія: означенный бискупъ, какъ заявлялъ раньше, еще на вальномъ Варшавскомъ сеймѣ, передъ королемъ, сенатомъ и всѣми сеймовыми послами, такъ заявляетъ и нынѣ, что онъ и подчиненное ему духовенство не даютъ своего согласія на установленіе новаго суда, или трибунала, и отнюдь не желаютъ и не намѣрены ему подчиняться и въ немъ судиться, такъ какъ имѣютъ верховнаго покровителя и защитника въ лицѣ самого короля [1]).

Чтобы надлежащимъ образомъ понять этотъ протестъ и въ особенности уяснить себѣ, почему луцкій бискупъ протестовалъ еще на сеймѣ 1578 г. противъ установленія трибуналовъ вообще и Луцкаго въ частности, необходимо прежде всего ознакомиться съ точкой зрѣнія польскаго католическаго духовенства на судебную реформу и съ его ролью въ дѣлѣ этой реформы [2]). Еще въ пору обсужденія въ Польшѣ многочисленныхъ проектовъ судебной реформы католическое духовенство, вообще отрицательно къ ней относившееся, выставило тезисъ, гласившій, что одному только королю можетъ приличествовать право окончательнаго и безапелляціоннаго рѣшенія судебныхъ дѣлъ. Недовольство духовенства предстоявшей реформой обострялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что почти во всѣхъ проектахъ ея представителямъ духовенства не отводилось ни одного мѣста въ предполагаемомъ трибуналѣ. По крайней мѣрѣ на этомъ крѣпко настаивала польская шляхта, которая въ то же время, однако, вовсе не прочь была подчинить юрисдикціи своего трибунала, на ряду съ свѣтскими, также и духовныхъ лицъ. Естественно по-

---

[1]) Матер. для исторіи Луцк. трибун., № 3.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о роли католическаго духовенства въ дѣлѣ судебной реформы въ Польшѣ и о борьбѣ его на этомъ поприщѣ съ шляхтою можно найти въ названной выше монографіи проф. Бальцера. См. „Geneza tryb. kor.“, стр. 299, 302 и слѣд., 312—313 и нѣкот. др.

этому, что духовенство разсматривало проектированный трибуналъ, какъ нѣчто такое, что могло послужить для шляхты лишь средствомъ угнетенія или приниженія духовенства. Борьба между этимъ послѣднимъ и шляхтою изъ-за судебной реформы дошла до того, что потребовалось посредническое вмѣшательство короля и его энергическаго подканцлера Яна Замойскаго, чтобы привести обѣ стороны къ к.-л. соглашенію, безъ котораго и сеймъ 1578 г. грозилъ окончиться такъ же безрезультатно въ дѣлѣ реформы, какъ и всѣ предшествовавшіе ему. Путемъ взаимныхъ уступокъ и компромиссовъ было, наконецъ, выработано то извѣстное уже намъ правило, которое находится въ сеймовыхъ конституціяхъ 1578 года, а именно, что при разсмотрѣніи въ Коронномъ трибуналѣ дѣлъ духовныхъ лицъ [1]) составляются смѣшанныя засѣданія изъ 6-ти обычныхъ (свѣтскихъ) судей названнаго апелляціоннаго суда и 6-ти представителей отъ духовенства, входившихъ для указанной цѣли въ составъ трибунала, сверхъ депутатовъ отъ шляхты всѣхъ воеводствъ.

Хотя, такимъ образомъ, протестъ луцкаго бискупа находился въ тѣсной связи съ общимъ отрицательнымъ отношеніемъ католическаго духовенства къ установленію апелляціоннаго шляхетскаго суда въ видѣ трибунала, этимъ однимъ нельзя, однако, объяснить, почему означенный бискупъ проявилъ бо́льшее упорство, чѣмъ всѣ его коронные коллеги, которые въ концѣ концовъ дали свое согласіе на учрежденіе трибунала. Необходимо допустить, что у представителя волынскаго католическаго духовенства, помимо общихъ, были свои особыя побудительныя причины протестовать какъ противъ учрежденія трибуналовъ вообще и Луцкаго въ частности, такъ и противъ подчиненія юрисдикціи этого послѣдняго названнаго духовенства. Причины эти, повидимому, кроются въ особенностяхъ Луцкаго трибунала

[1]) Въ какихъ именно случаяхъ духовенство подлежало юрисдикціи Короннаго трибунала, объ этомъ довольно подробно говорится въ уставѣ послѣдняго. См. Vol. leg. II, 964.

или, точнѣе, въ той законодательной регламентаціи, на которую опирались или могли опираться эти особенности.

Мы уже знаемъ, что въ число лицъ, избранныхъ въ составъ Луцкаго трибунала на воеводскихъ сеймикахъ 1578 года, не попало ни одного духовнаго лица, да, несомнѣнно, и попасть не могло по буквальному смыслу того параграфа конституцій Варшавскаго сейма, который опредѣлялъ составъ Луцкаго трибунала: тамъ лишь сказано, что 13 судей этого трибунала избираются на сеймикахъ шляхтою, и ни однимъ словомъ не упомянуто о депутатахъ отъ духовенства. Между тѣмъ въ уставѣ Короннаго трибунала, которымъ долженъ былъ руководиться также и трибуналъ Луцкій, категорически выражено, что духовныя лица въ извѣстныхъ случаяхъ подлежатъ юрисдикціи того же апелляціоннаго суда, т. е. трибунала, какому подсудны и міряне, или свѣтскія лица [1]), и правило это, очевидно, сохраняло силу и по отношенію къ Луцкому трибуналу, разъ въ добавочныхъ статьяхъ, спеціально посвященныхъ этому послѣднему, не содержалось никакой оговорки на счетъ подсудности духовенства. Такимъ образомъ, относительно католическаго духовенства района, подсуднаго Луцкому трибуналу, законъ заключалъ въ себѣ, съ точки зрѣнія порядковъ, принятыхъ для Короннаго трибунала (гдѣ, по требованію закона, при рѣшеніи дѣлъ духовныхъ лицъ имѣли мѣсто засѣданія съ участіемъ представителей духовенства), нѣкоторое противорѣчіе или, по крайней мѣрѣ, рядъ недомолвокъ. Кто повиненъ въ этихъ противорѣчіяхъ или недомолвкахъ, сказать категорически трудно. Конечно, было бы всего проще отнести ихъ на счетъ неудачной редакціи статей, посвященныхъ Луцкому трибуналу. Если же, однако, эти недомолвки были, какъ можно думать, вовсе не случайными, а вполнѣ сознательными, или преднамѣренными, то въ такомъ случаѣ повинны въ нихъ послы Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, которые, значитъ, не сочли по той или дру-

[1]) Vol. leg. II, 964 § 7.

гой причинѣ возможнымъ допустить въ свой трибуналъ представителей католич. духовенства [1]). Послѣднее предположеніе, повидимому, наиболѣе близко къ истинѣ: во-первыхъ, иначе трудно объяснить, почему луцкій бискупъ Викторинъ Вербицкій такъ энергически протестовалъ противъ Луцкаго трибунала еще на самомъ сеймѣ 1578 году; а во-вторыхъ, въ пользу этого предположенія имѣются нѣкоторыя указанія въ одномъ изъ нашихъ актовъ [2]). Какъ бы то ни было, кто бы въ дѣйствительности ни былъ виновенъ въ такой, а не въ иной редакціи закона, отъ этого бискупу луцкому и берестейскому было нисколько не легче. Во всякомъ случаѣ онъ оказывался въ неизмѣримо худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ его коллеги, проживавшіе въ земляхъ Великой и Малой Польши: съ одной стороны, онъ и подчиненное ему духовенство могли быть всегда привлечены къ отвѣту въ трибуналѣ по тому или иному дѣлу, а съ другой, они не имѣли возможности отказаться на законномъ основаніи отъ явки въ трибуналъ, гдѣ не было ни одного депутата отъ духовенства,—не имѣли такой возможности потому, что законъ, умолчавшій о депутатахъ отъ волынскаго католич. духовенства, въ то же время не освободилъ этого послѣдняго отъ подсудности Луцкому трибуналу.

Таковы были, по всей вѣроятности, дѣйствительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшія причины [3]), заставившія бискупа Викторина Вербицкаго еще задолго до открытія Луцкаго трибунала двукратно,—и на Варшавскомъ сеймѣ и на Луцкомъ сеймикѣ, протестовать противъ учрежденія этого трибунала

[1]) Къ числу этихъ причинъ, если данное предположеніе вѣрно, могли принадлежать: небольшой численный составъ въ означенныхъ воеводствахъ католическаго духовенства сравнительно съ православнымъ, нежеланіе давать судебныя преимущества первому передъ вторымъ и т. п.

[2]) Матер. для исторіи Луц. трибунала, № 17.

[3]) Въ третьемъ своемъ протестѣ, о которомъ мы скажемъ нѣсколько ниже, луцкій бискупъ указываетъ также и на др. причины, между проч. на незнаніе членами Луцкаго трибунала латинскаго языка, что́, понятно, могло обнаружиться лишь послѣ выборовъ, т. е. когда опредѣлился личный составъ трибунала.

и подчиненія волынскаго католическаго духовенства его юрисдикціи.

Ближайшее будущее показало, что опасенія главы волынскаго котолическаго духовенства были далеко не безосновательны. Въ одномъ изъ нашихъ актовъ имѣется краткое свидѣтельство [1]), что Луцкій трибуналъ, несмотря на отсутствіе въ немъ представителей отъ духовенства, не только считалъ (очевидно, на основаніи цитированной выше статьи устава Короннаго трибунала), что ему подсудны также и дѣла духовныхъ лицъ, но и осуществлялъ этотъ взглядъ на практикѣ. Послѣднее обстоятельство послужило, несомнѣнно, ближайшимъ поводомъ для новаго, по счету третьяго, протеста луцкаго бискупа, заявленнаго имъ лично королю въ концѣ декабря 1579 г., и притомъ протеста, въ отличіе отъ предыдущаго, вполнѣ мотивированнаго.

Содержаніе этого весьма интереснаго протеста таково. Напомнивъ о своемъ первомъ заявленіи, сдѣланномъ еще на Варшавскомъ сеймѣ 1578 г., и указавъ на то, что Луцкій трибуналъ, вопреки этому заявленію и отказу волынскаго духовенства подчиняться юрисдикціи новой апелляціонной инстанціи, неоднократно привлекалъ къ своему суду какъ его, луцкаго бискупа Викторина Вербицкаго, такъ равно и подчиненное ему духовенство, означенный бискупъ вновь объявляетъ, что онъ и его духовенство „на таковой порядокъ судовъ трибунала, какой себѣ вышеназванныя Кіевское, Волынское и Брацлавское воеводства постановили“, не даютъ согласія и ему подчинятся не желаютъ и не могутъ по слѣд. причинамъ: во-первыхъ, судьи Луцкаго трибунала—несвѣдущи въ латинскомъ языкѣ, а потому этотъ языкъ и различные документы, писанные по-латыни, не имѣютъ мѣста въ означенномъ судѣ (отсюда, въ случаѣ подчиненія католическаго духовенства Луцкому трибуналу, оно, по мнѣнію

---

[1]) Матер. для ист. Луцк. триб., № 17. Хотя означенное свидѣтельство исходитъ отъ самого луцкаго бискупа, но это обстоятельство нисколько не умаляетъ цѣнности даннаго свидѣтельства.

бискупа, потерпѣло бы большой ущербъ въ правосудіи, такъ какъ „права“ этого духовенства „по-латыни списаны“); а во-вторыхъ, при разсмотрѣніи дѣлъ духовныхъ лицъ въ Луцкомъ трибуналѣ не присутствуютъ депутаты отъ духовенства, такъ какъ таковые вовсе не входятъ въ составъ этого трибунала, вопреки тому порядку, который надлежало принять и который практикуется въ трибуналѣ Коронномъ. Не довольствуясь приведенными причинами, какъ главнѣйшими съ точки зрѣнія практической, бискупъ считалъ не лишнимъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ и на рядъ мотивовъ иного, такъ сказать, теоретическаго характера, которые, по мнѣнію бискупа, также вполнѣ оправдываютъ принятое имъ рѣшеніе: во-первыхъ, ни въ какомъ государствѣ одно какое-либо сословіе не можетъ имѣть преимуществъ передъ другимъ, а тѣмъ болѣе угнетать или притѣснять его; во-вторыхъ, и самому бискупу и подчиненному ему духовенству, какъ шляхтичамъ и гражданамъ польскаго государства, принадлежатъ тѣ же права и тѣ же вольности, какими обладаетъ каждый изъ обывателей Волынской земли, и въ-третьихъ, наконецъ, никто ничего не можетъ постановлять относительно означеннаго духовенства безъ участія въ томъ и согласія на то послѣдняго. Отказываясь весьма категорически, на основаніи всѣхъ указанныхъ выше мотивовъ практическаго и теоретическаго свойства, отъ всякой подсудности Луцкому трибуналу, бискупъ Викторинъ Вербицкій объявляетъ въ заключеніе, что онъ и подчиненное ему духовенство твердо рѣшили признавать въ качествѣ высшей инстанціи лишь судебную власть самого короля.

Такова сущность содержанія послѣдняго изъ извѣстныхъ намъ протестовъ луцкаго бискупа, занесеннаго по просьбѣ послѣдняго въ книги королевской канцеляріи, а затѣмъ дословно изложеннаго въ королевскомъ листѣ отъ 12 января 1580 г. [1]). Означенный листъ, который представляетъ собою не что иное, какъ только скрѣпленную государ-

[1]) Матер. для ист. Луцк. трибун., № 17.

ственною печатью точную копію протеста, занесеннаго въ книги королевской канцеляріи, былъ выданъ луцкому бискупу на руки, а затѣмъ, по порученію этого послѣдняго, явленъ 10 октября 1580 г. въ луцкомъ гродскомъ судѣ для внесенія въ гродскія книги.

Намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно, имѣлъ ли и какія именно ближайшія послѣдствія изложенный сейчасъ протестъ, и въ частности,—удалось ли волынскому католическому духовенству путемъ этого протеста освободиться отъ притязаній Луцкаго трибунала. Если, однако, и этотъ третій, уже мотивированный протестъ имѣлъ, быть можетъ, не больше успѣха, чѣмъ и два предшествовавшихъ ему, и не оказалъ на Луцкій трибуналъ ожидаемаго воздѣйствія, то зато, какъ мы увидимъ ниже, означенный протестъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на послѣдующее законодательство о трибуналѣ для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ.

VII.

За неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи актовыхъ и всякихъ иныхъ данныхъ, мы лишены возможности сказать что-либо положительное о личномъ составѣ и дѣятельности Луцкаго трибунала въ послѣдующіе годы, начиная съ конца 1579 г. Намъ извѣстно только, что 11 ноября означеннаго года, когда должны были открыться засѣданія Луцкаго трибунала въ новомъ его составѣ, и даже нѣсколько позже[1]) трибуналъ не засѣдалъ, да и засѣдать не могъ, такъ какъ новые депутаты не были избраны[2]).

Приведенный сейчасъ фактъ, а равно и указанное выше отсутствіе актовыхъ данныхъ не означаютъ, однако, что Луцкій трибуналъ послѣ годичной дѣятельности, т. е. съ

---

[1]) Послѣднее извѣстіе о томъ, что Луцкій трибуналъ не функціонировалъ относится къ 22 ноября 1579 г. См. „Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала“, № 14.

[2]) Ibid., №№ 11, 12 и 14.

окончаніемъ судейскихъ полномочій депутатовъ, избранныхъ осенью 1578 г., прекратилъ по той или другой причинѣ свое существованіе навсегда. Во-первыхъ, нѣкоторые изъ нашихъ актовъ упоминаютъ, что еще въ концѣ 1579 г., а именно „на рокахъ Михальскихъ“ (т. е. въ послѣдн. числахъ сентября и въ октябрѣ), допускались низшими судами апелляціонныя жалобы въ Луцкій трибуналъ [1]), чего, конечно, не было бы, если бы существовало извѣстіе или даже предположеніе, что этотъ трибуналъ долженъ вскорѣ прекратить свое существованіе. Во-вторыхъ, въ тѣхъ же актахъ прямо указано, что если 11 ноября и нѣсколько позднѣе Луцкій трибуналъ не функціонировалъ, то это происходило именно отъ того, что до означеннаго времени новые депутаты, или судьи трибунала, не были еще избраны [2]); т. е., иными словами, упомянутые акты констатируютъ въ данномъ случаѣ не прекращеніе, а только временную пріостановку дѣятельности трибунала [3]). Въ-третьихъ, наконецъ, единственной причиной прекращенія бытія Луцкаго трибунала могъ бы послужить лишь случай, предусмотрѣнный конституціей Варшавскаго сейма 1578 г., а именно, если бы мѣстная шляхта нашла нужнымъ ходатайствовать на одномъ изъ ближайшихъ сеймовъ объ упраздненіи Луцкаго трибунала и возстановленіи стараго порядка обращенія съ апелляціонными жалобами въ королевскіе суды [4]). Но о существованіи ходатайства подобнаго рода, кото-

[1]) Матер. для истор. Луцк. трибун., № 12.

[2]) Ibid., № 12, а также №№ 11 и 14.

[3]) Временное прекращеніе дѣятельности даже такихъ судовъ, какими были суды земскіе и гродскіе, вслѣдствіе неизбранія или неназначенія членовъ этого суда (не говоримъ уже о друг. причинахъ) случалось весьма нерѣдко. Изъ многочисленныхъ случаевъ возьмемъ ближайшій по времени къ описываемой эпохѣ. Въ нѣсколькихъ актахъ, имѣющихся въ книгѣ гродскаго луцкаго суда за 1580 г. (см. кн. Кіевск. Центр. Арх. № 2055, лл. 658 об., 661 об. и др.), отмѣчено, что засѣданій этого суда не было въ теченіе всего іюня и большей части іюля, и указана слѣд. причина: „про небытность его мл. п. старосты Луцкаго, такъ тежъ про зейстье з сего свѣта п. Василя Рогозенского, суди кгродского Луцкого, а необране иншого суди кгродского, роки не дошли“.

[4]) Vol. leg. II, 969. См. также выше, стр. 22.

рое имѣло бы мѣсто ранѣе 1589 г., мы не находимъ никакихъ извѣстій ни въ Volumina Legum, ни въ другихъ доступныхъ намъ источникахъ. Сверхъ того, если бы по желанію мѣстной шляхты или по какой-либо другой причинѣ Луцкій трибуналъ прекратилъ свое бытіе еще въ концѣ 1579 г., то луцкому бискупу не было бы никакой надобности обращаться къ королю въ концѣ декабря того же года съ извѣстнымъ уже намъ протестомъ противъ означеннаго трибунала.

Итакъ, ни отсутствіе актовыхъ и законодательныхъ данныхъ о судьбахъ Луцкаго трибунала въ ближайшее послѣ 1579 г. время [1]), ни что-либо другое не даетъ никакого основанія предполагать, что этотъ трибуналъ функціонировалъ не болѣе года; напротивъ, и приведенныя соображенія и рядъ нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, хотя и непрямыхъ, а косвенныхъ, показываютъ, что дѣятельность Луцкаго трибунала продолжалась и въ послѣдующіе годы [2]).

Хотя вслѣдствіе значительнаго пробѣла въ нашихъ данныхъ мы ничего или почти ничего опредѣленнаго не можемъ сказать о судьбахъ Луцкаго трибунала въ теченіе ряда лѣтъ, протекшихъ вслѣдъ за 1579 г., зато, однако, мы не лишены возможности отмѣтить и даже съ нѣкоторыми подробностями тотъ моментъ, когда права и обязанности Луцкаго трибунала перешли къ трибуналу Коронному, и когда, такимъ образомъ, сдѣлалось совершенно излишнимъ дальнѣйшее существованіе перваго изъ этихъ учрежденій. Означен-

---

[1]) Отсутствіе актовыхъ данныхъ имѣетъ, какъ о томъ намъ приходилось уже говорить, свое довольно простое объясненіе. См. предисловіе къ „Матеріаламъ для исторіи Луцкаго трибунала“.

[2]) Помимо соображеній, приведенныхъ въ текстѣ, укажемъ еще слѣд. факты, почерпнутые изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива: 1) 8 іюня 1580 г. п. Василій Гулевичъ заявилъ въ гродскомъ луцкомъ судѣ между проч. слѣд.: „позвалъ есми былъ позвы земъскими тутошъними п. Михайла Мышку, кашталяна волынского, на роки теперешние Троецкие о именье Серники, иж он, не припущаючи до *суду трибуналского*, принялъ былъ со мною рокъ въ Свинюсехъ .... и мели есмо тамъ на приятели тую справу нашу (отдати)“... (Кн. № 2055, л.

ное событіе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ наши источники по данному вопросу, произошло въ 1589 г., т. е. уже при преемникѣ Ст. Баторія Сигизмундѣ III, и явилось результатомъ дѣятельности сейма, бывшаго въ упомянутомъ году.

Варшавскій вальный коронный сеймъ 1589 г., постановленія котораго служатъ главнѣйшимъ источникомъ для описываемаго нами событія, сыгралъ немаловажную роль въ дѣлѣ довершенія судебной реформы въ Польшѣ, такъ какъ достигнулъ того объединенія польскихъ апелляціонныхъ судовъ, какое не удалось сейму 1578 г.: на сеймѣ 1589 г., какъ это видно изъ его постановленій, былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о присоединеніи къ Коронному трибуналу не только воеводствъ Волынскаго и Брацлавскаго, но также и провинцій прусскихъ, столь сильно протестовавшихъ въ свое время противъ судебной реформы и учрежденія трибуналовъ[1]). Что касается первыхъ двухъ воеводствъ, то постановленія означеннаго сейма, датированныя 18-мъ апрѣля 1589 г.[2]), не содержатъ желательныхъ подробностей: въ одномъ изъ этихъ постановленій говорится лишь, что *по просьбѣ* пановъ и шляхты Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ и *съ согласія* всѣхъ чиновъ сейма упомянутыя воеводства подчиняются на будущее время юрисдикціи Короннаго трибунала, и что, въ виду послѣдняго обстоятельства, на томъ же сеймѣ составленъ особый уставъ, который долженъ соблюдаться свято и ненарушимо[3]). И дѣйствительно, одновременно съ

---

632); 2) въ сентябрѣ 1580 г. во владимірскомъ гродскомъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ кн. Вишневецкой на п. Койленскую; послѣдняя осталась недовольна рѣшеніемъ суда и „апелевала до его королевское милости“; истица, однако „просила, абы апеляцея водле конституцеи сойму Варшавского (т. е. сейма 1578 г., на которымъ учреждены были трибуналы для апелляціонныхъ дѣлъ) допущона не была“, и судъ, руководясь этой конституціей, апелляціи къ королю не допустилъ (Кн. № 921, л. 430).

[1]) Vol. leg. II, 1269 § 25 и 1271 § 36. Относительно воеводства Кіевскаго см. ниже, стр. 47—48.

[2]) Vol. leg. II, 1262—1292.

[3]) Vol. leg. II, 1271 § 36.

прочими конституціями Варшавскаго сейма былъ изданъ, въ видѣ приложенія къ нимъ, особый законодательный актъ, помѣченный тѣмъ же 18-мъ апрѣля 1589 года и озаглавленный такъ: „Трибуналъ Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ“ [1]). Актъ этотъ начинается довольно широковѣщательнымъ вступленіемъ, въ которомъ говорится, что король, намѣреваясь „наградить“ обывателей Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ и еще больше укрѣпить желательное для нихъ единеніе съ Короной („y ich umysły a związki wcielenia ich do Korony tym więcey ugruntować“), а также снисходя къ ходатайству о томъ пословъ означенныхъ воеводствъ и принимая во вниманіе согласіе на то всѣхъ чиновъ сейма, жалуетъ и гарантируетъ вышеназваннымъ воеводствамъ, какъ составнымъ частямъ одного недѣлимаго цѣлаго („iako członkom ciała prawdziwego y głowy nierozdzieloney“), „уравненіе (porownanie) судовъ трибунальскихъ“ на основаніяхъ, изложенныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ издаваемаго устава. Если оставить въ сторонѣ всѣ риторическіе обороты и украшенія означеннаго вступленія въ уставъ трибунала для Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ, то въ итогѣ останется не больше, чѣмъ сказано въ цитированномъ выше краткомъ постановленіи сейма 1589 г., а именно, что упомянутыя воеводства присоединились къ Коронному трибуналу, или, точнѣе, подчинились его юрисдикціи, по собственному желанію и съ полнаго согласія (въ чемъ, конечно, сомнѣваться нельзя было) всѣхъ чиновъ Варшавскаго сейма. Вотъ все, что́ мы узнаемъ изъ приведенныхъ данныхъ о томъ, когда и почему произошло присоединеніе двухъ названныхъ воеводствъ къ Коронному трибуналу, отнынѣ общему почти для всего польскаго государства.

На какихъ условіяхъ произошло это присоединеніе, а именно: сколько представителей Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ должно было на будущее время входить въ составъ

---

[1]) Vol. leg. II, 1292 — 1300: „Trybunał Wołyńskiego y Bsacławskiego woiewodztw“.

Короннаго трибунала, гдѣ и какъ ихъ надлежало избирать, каковы были ихъ и права и обязанности, какъ и на основаніи какихъ законовъ должны были разбираться апелляціонныя дѣла означ. воеводствъ и въ частности дѣла лицъ мѣстнаго католическаго духовенства и пр. и пр.,—обо всемъ этомъ довольно обстоятельно говоритъ упомянутый уставъ 1589 г., который и порядкомъ статей и ихъ содержаніемъ представляетъ точный сколокъ съ общаго устава (1578 г.) для Короннаго трибунала, за исключеніемъ, конечно, лишь нѣкоторыхъ необходимыхъ подробностей и частностей, вызванныхъ присоединеніемъ къ названному трибуналу двухъ новыхъ и бывшихъ на особомъ положеніи воеводствъ. Въ виду этого мы не будемъ останавливаться на детальномъ изложеніи устава 1589 г., а отмѣтимъ только нѣсколько наиболѣе существенныхъ подробностей, необходимыхъ для общаго знакомства съ тѣмъ порядкомъ, который по волѣ волынской и брацлавской шляхты явился на смѣну прежнему порядку разбора апелляціонныхъ дѣлъ въ Луцкомъ трибуналѣ и привелъ къ упраздненію этого послѣдняго. На основаніи означеннаго устава, въ составъ Короннаго трибунала отъ Волынскаго воеводства должны входить на будущее время шесть (по два отъ каждаго повѣта), а отъ Брацлавскаго—два депутата, избираемыхъ ежегодно, начиная съ осени 1589 г., на воеводскихъ сеймикахъ въ срокъ, установленный для подобныхъ же выборовъ въ коронныхъ воеводствахъ [1]). Упомянутые волынскіе и брацлавскіе депутаты обязаны производить судъ совмѣстно съ депутатами коронными и въ Петроковѣ и въ Люблинѣ по всѣмъ дѣламъ, поступающимъ въ трибуналъ, при чемъ дѣла Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ разрѣшаются, однако, лишь на основаніи ихъ мѣстныхъ законовъ, т. е. Литовскаго Статута, а рѣшенія по названнымъ дѣламъ излагаются на русскомъ языкѣ [2]). Наконецъ, законъ на этотъ разъ уже не нашелъ возможнымъ

---

[1]) Vol. leg. II, 1293, §§ 2—3.

[2]) Ibid., II 1293—1298, §§ 4, 5, 7, 8, 9 и 11.

оставить безъ надлежащей регламентаціи порядокъ разбора судебныхъ дѣлъ лицъ, принадлежавшихъ къ католическому духовенству Волынской земли, и въ этомъ, несомнѣнно, сказалось вліяніе извѣстныхъ уже намъ протестовъ луцкаго бискупа Викторина Вербицкаго: при разборѣ дѣлъ указаннаго рода составляются, по требованію устава 1589 года, смѣшанныя засѣданія изъ 6-ти депутатовъ Волынскаго воеводства (среди нихъ представителей духовенства попрежнему не было) и 6-ти депутатовъ отъ короннаго духовенства [1]). На этомъ мы закончимъ наши краткія извлеченія изъ устава 1589 г., который de jure [2]) положилъ конецъ существованію отдѣльнаго Луцкаго трибунала, и обратимся къ послѣднему изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи архивныхъ документовъ, который познакомитъ насъ съ первымъ шагомъ въ дѣлѣ примѣненія на практикѣ означеннаго устава. Мы имѣемъ въ виду напечатанное нами постановленіе Луцкаго сеймика, отъ 11 сентября 1589 г., объ избраніи первыхъ депутатовъ въ Коронный трибуналъ отъ всѣхъ трехъ повѣтовъ Волынскаго воеводства [3]).

---

[1]) Ibid., II, 1294, § 5.

[2]) Фактически Луцкій трибуналъ могъ прекратить свое существованіе и нѣсколько раньше. Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ 1586 г. скончался Баторій и съ этого времени до самаго конца 1587 г. продолжалось междуцарствіе. По существующему же въ Польшѣ обычаю на время безкоролевья обыкновенные суды переставали функціонировать и вмѣсто нихъ учреждались суды чрезвычайные, или такъ наз. каптуровые. Такой каптуровый судъ былъ учрежденъ въ 1587 г. и въ Волынскомъ воеводствѣ (Vol. leg. II, 1229), а слѣд. въ означенномъ году Луцкій трибуналъ во всякомъ случаѣ не функціонировалъ. Такъ какъ, однако, новый король (Сигизмундъ III) вступилъ во власть лишь съ января 1588 г. а въ началѣ 1589 г. былъ уже рѣшенъ (и, надо думать, не внезапно) вопросъ о присоединеніи Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ къ Коронному трибуналу, то можно съ большою вѣроятностью предположить, что Луцкій трибуналъ не открывалъ своихъ засѣданій и въ теченіе 1588 г., или, друг. словами, что онъ фактически пересталъ существовать съ начала безкоролевья, т. е. съ конца 1586 г.

[3]) „Матеріалы для ист. Луцк. трибун.“, № 18.

Означенные выборы, какъ видно изъ названнаго акта, были совершены во всемъ согласно съ уставомъ 1589 г., а именно: они состоялись 11-го сентября, т. е. въ первый понедѣльникъ послѣ праздника Рожд. Пресв. Богородицы [1]), въ Луцкѣ, на сеймикѣ волынской шляхты, какъ то и другое прямо указано въ уставѣ 1589 г., и, наконецъ, дали въ результатѣ требуемое этимъ уставомъ число депутатовъ отъ Волынскаго воеводства. Избранными въ депутаты оказались: отъ Луцкаго повѣта—стольникъ великаго княжества Литовскаго, староста луцкій кн. Александръ Пронскій и князь Юрій Чорторыйскій; отъ Владимірского—пп. Демьянъ Гулевичъ и Михаилъ Загоровскій, и отъ Кременецкаго—подкоморій кременецкій Адамъ Боговитинъ и п. Янушъ Жабокрицкій. Не довольствуясь однимъ избраніемъ означенныхъ депутатовъ, паны и шляхта Волынскаго воеводства сочли нужнымъ дать имъ слѣдующую инструкцію, представляющую собою краткое резюме ихъ правъ и обязанностей: „панове депутаты наши, водлугъ тое помененые констытуцыи, въ понеделокъ, близко пришълый по светомъ Марътине, в року теперь идучомъ, осмъдесятъ девятомъ, в Петрькове ставитисе маютъ а, учинивъши присегу на тые суды, посполу зь ихъ милостью паны депутаты коронъными местъце свое заседши, всѣ справы, до трибуналу належачие,—короные правомъ короннымъ, а справы наши, воеводства Волынского, правомъ и статутомъ нашимъ, которымь се на тот час судимъ, кгды з реестру порядкомъ трыбуналъскимъ припадъне, судити и отправовати маютъ“. Вмѣстѣ съ депутатами отъ Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ долженъ былъ, согласно уставу 1589 г., отправиться „для писанья и отправованя справъ“, т. е. для записыванія въ трибунальскія книги (особыя для этихъ областей) судебныхъ протоколовъ, вы-

[1]) Праздникъ этотъ по новому стилю приходился въ 1589 году на пятницу, слѣд. 11 число сентября совпадало съ первымъ понедѣльникомъ послѣ означ. праздника. См. „Археографич. Календарь“ Н. Горбачевскаго, табл № 12.

дачи декретовъ, копій и пр., земскій писарь одного изъ повѣтовъ, входившихъ въ составъ обоихъ названныхъ воеводствъ. Первая очередь приходилась на долю писаря луцкаго земскаго суда[1]); но такъ какъ онъ оказался больнымъ, то рѣшено было вмѣсто него послать писаря кременецкаго Макара Ледуховскаго. Послѣднему также была дана инструкція, по требованію которой онъ долженъ былъ явиться для исполненія своихъ обязанностей при трибуналѣ ко времени переѣзда этого послѣдняго въ Люблинъ (гдѣ, на ряду съ дѣлами малопольскихъ воеводствъ, положено было разсматривать и дѣла Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ), оставаться тамъ сколько потребуется и, наконецъ, „всѣ справы, которые перед суд ихъ милости трибуналъский приточатъ, писмомъ рускимъ писать и отправовать".

Итакъ, волынская шляхта сдѣлала все, что́ отъ нея требовалось, и, такимъ образомъ, первый шагъ въ дѣлѣ подчиненія Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ обще-польскому трибуналу и примѣненія на практикѣ даннаго по сему случаю устава увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Съ этихъ поръ началась новая эра въ исторіи апелляціоннаго суда для Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ и началась, какъ мы видѣли, при благопріятныхъ ауспиціяхъ.

Изъ числа областей, подсудныхъ еще недавно особому Луцкому трибуналу, осталось пока внѣ вѣдѣнія трибунала Короннаго лишь одно воеводство Кіевское, которое по неизвѣстнымъ намъ причинамъ (фактъ этотъ во всякомъ случаѣ весьма интересный) не пожелало послѣдовать примѣ-

---

[1]) Vol. leg. II, 1297 § 11 и „Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала", № 18. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Vol. leg. (изд. 1859—60 гг.) пунктъ, устанавливающій для земскихъ писарей очередь пребыванія ихъ при депутатахъ Волынскаго и Брацлавскаго воеводствъ: „Na ktory czas powinien będzie" etc., искаженъ вслѣдствіе несомнѣннаго пропуска нѣсколькихъ словъ. Неисправность текста закона становится вполнѣ очевидной при сопоставленіи даннаго пункта съ нѣкоторыми мѣстами напечатаннаго нами и цитированнаго выше постановленія волынской шляхты.

ру сосѣдней Волынской земли (съ ея двумя воеводствами) или, по крайней мѣрѣ, удержалось отъ этого шага. Впрочемъ, такое обособленное положеніе Кіевское воеводство занимало не долго: ровно черезъ годъ оно, въ свою очередь, изъявило согласіе на присоединеніе къ Коронному трибуналу или, выражаясь офиціальнымъ языкомъ конституціи вальнаго Варшавскаго сейма 1590 г., „просило“ о такомъ присоединеніи, на что, конечно, послѣдовало согласіе. При этомъ и на Кіевскую землю было распространено дѣйствіе устава, даннаго въ предыдущемъ году землѣ Волынской [1]).

Такъ прекратилась автономность Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ области высшаго, или апелляціоннаго, суда.

Какія именно причины побудили эти воеводства отказаться отъ своего собственнаго трибунала и подчиниться и притомъ совершенно добровольно трибуналу Коронному,— намъ неизвѣстно. По крайней мѣрѣ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ ни въ сеймовыхъ конституціяхъ 1589 — 90 гг., ни даже въ текстѣ особаго устава 1589 г. Послѣдній не заключаетъ въ себѣ никакихъ выгодъ или преимуществъ, которыя могли бы заставить обывателей Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ предпочесть судъ въ Коронномъ трибуналѣ суду въ трибуналѣ Луцкомъ. Существенное отличіе новыхъ порядковъ отъ прежнихъ, какъ мы видѣли, заключалось главнымъ образомъ въ переносѣ мѣста разбора апелляціонныхъ дѣлъ изъ Луцка въ Люблинъ, т. е. изъ областнаго въ общепольскій трибуналъ, а затѣмъ въ томъ еще, что въ судѣ надъ шляхтою названныхъ воеводствъ должны были принимать участіе также и представители шляхты коренной Польши. Едва ли, однако, предстоявшія въ будущемъ путеше-

---

[1]) Vol. leg. II, 1340 § 41. Къ сожалѣнію, въ этомъ параграфѣ, озаглавленномъ: „Trybunał Kiiowskiemu woiewodztwu pozwolony“, вовсе не упомянуто о томъ, сколько депутатовъ отъ Кіевскаго воеводства должно было входить въ составъ Короннаго трибунала.

ствія въ Люблинъ по судебнымъ дѣламъ могли показаться болѣе легкими или удобными, чѣмъ поѣздки для той же цѣли въ менѣе отдаленный Луцкъ; трудно думать также, что подсудность польскимъ депутатамъ могла представлять, съ точки зрѣнія обывателей Волынской и Кіевской земель, больше чести и больше гарантій, чѣмъ судъ исключительно у своихъ собственныхъ выборныхъ людей, который имѣлъ уже то преимущество, что эти выборные не могли не считаться съ мѣстнымъ общественнымъ мнѣніемъ и во всякомъ случаѣ подлежали бо́льшему контролю этого послѣдняго, чѣмъ судьи, засѣдавшіе въ отдаленномъ и чужомъ Люблинѣ. Остается предположить, что волынская и брацлавская шляхта, примѣру которой вскорѣ послѣдовала и шляхта кіевская, руководилась въ своемъ рѣшеніи не личными или мѣстными, а общегосударственными интересами.

Если, однако, для насъ довольно темны причины, побудившія шляхту Волынской и Кіевской земель присоединиться къ Коронному трибуналу, то зато совершенно ясны важныя послѣдствія даннаго факта, а равно и тѣ мотивы, которыми руководились польскіе чины сеймовъ, давая свое „согласіе“ на подчиненіе Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ юрисдикціи Короннаго трибунала. Отмѣчая фактъ подчиненія въ 1589—90 гг. Коронному трибуналу означенныхъ воеводствъ, одинъ изъ польскихъ историковъ (M. Бобржинскій) совершенно основательно прибавляетъ: „это было большимъ шагомъ на пути къ болѣе тѣсной уніи и полонизаціи этихъ въ значительной степени еще обособленныхъ провинцій“ [1]).

Въ заключеніе невольно возникаетъ вопросъ: что же выиграла и выиграла ли шляхта Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ, отказавшись отъ своего отдѣльнаго трибунала и подчинившись трибуналу Коронному? Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить инструкція волынской шляхты посламъ, отправленнымъ на сеймъ 1645 г., гдѣ между проч. читаемъ слѣд. характеристику дѣятельно-

[1]) M. Bobrzyński: „Dzieje Polski“, 3 wyd., t. II, p. 147.

сти Люблинскаго трибунала: „Трибуналъ производитъ судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій; постановляетъ приговоры не на основаніи судебнаго разслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, давая по аналогичнымъ дѣламъ различныя рѣшенія“. Указывая далѣе на нѣкоторые другіе недостатки Люблинскаго трибунала и въ частности на то, что судьи его пренебрегаютъ Литовскимъ Статутомъ („statut nasz za nic u ich mościów“), и напоминая, что Волынское воеводство присоединилось къ названному трибуналу добровольно, волынская шляхта такъ заканчиваетъ данный пунктъ своей инструкціи: „мы готовы отказаться отъ Люблинскаго трибунала и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ“ [1]).

Въ послѣднихъ словахъ звучитъ, несомнѣнно, не только угроза, но и позднее сожалѣніе объ утратѣ того учрежденія, съ которымъ шляхта Волынской и Кіевской земель такъ легко разсталась полустолѣтіемъ раньше, въ пору сеймовъ 1589 и 1590 гг.

М. Ясинскій.

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. II, т. 1, № XXV.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Уставъ Короннаго трибунала (1578 г.) и дополнительныя къ нему статьи въ русскомъ переводѣ XVI в. *).

Помѣщая ниже въ русскомъ переводѣ XVI в. важный законодательный актъ, на который многократно приходилось намъ ссылаться въ нашей статьѣ о Луцкомъ трибуналѣ, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній какъ о рукописи, откуда извлеченъ означенный переводъ, такъ и о самомъ переводѣ.

Мы уже. знаемъ, что, одновременно съ учрежденіемъ Короннаго и Луцкаго трибуналовъ, на вальномъ Варшавскомъ сеймѣ 1578 г. постановлено было отправить въ Волынское, Брацлавское и Кіевское воеводства по экземпляру перевода на русскій языкъ конституцій означеннаго сейма, содержащихъ въ себѣ въ числѣ прочихъ узаконеній уставъ Короннаго трибунала. Мы знаемъ также, что постановленіе это объясняется прежде всего тѣмъ, что дѣйствіе упомянутаго устава (конечно, за исключеніемъ всего того, что имѣло прямое отношеніе лишь къ Коронному трибуналу) было распространено также и на отдѣльный Луцкій трибуналъ въ качествѣ необходимаго дополненія къ тѣмъ немногимъ и

---

*) Мы получили возможность напечатать этотъ переводъ лишь тогда, когда наша статья не только была сдана въ типографію, но и въ значительной своей части уже отпечатана. Этимъ объясняется, почему наши ссылки на текстъ устава Короннаго трибунала, напечатанный въ Vol. leg., не сопровождаются указаніями на соотвѣтственные §§ западнорусскаго перевода.

краткимъ статьямъ, которыя вошли въ составъ прочихъ постановленій сейма 1578 г. и спеціально посвящены были означенному трибуналу. Извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, что, согласно существовавшимъ тогда узаконеніямъ, всѣ постановленія, имѣвшія обязательную силу для Волынской и Кіевской земель, должны быть написаны русскими буквами и русскимъ языкомъ и притомъ безъ примѣси словъ латинскихъ [1]).

Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что долженъ былъ существовать офиціальный, т. е. изготовленный подъ наблюденіемъ короннаго канцлера или подканцлера, переводъ на русскій языкъ сеймовыхъ конституцій 1578 г., изложенныхъ первоначально на языкѣ польскомъ съ большой примѣсью латинскихъ словъ и даже цѣлыхъ выраженій, столь обычной въ польскихъ законодательныхъ и судебныхъ актахъ. Едва ли также можно сомнѣваться въ томъ, что, кромѣ перевода, отправленнаго волынскому, брацлавскому и кіевскому воеводамъ и, конечно, внесеннаго ими, по существовавшему порядку, въ книги мѣстныхъ судовъ, должно было обращаться въ предѣлахъ означенныхъ трехъ воеводствъ не малое количество копій, или списковъ, съ офиціальнаго перевода, сдѣланныхъ для нуждъ отдѣльныхъ учрежденій, должностныхъ или частныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, однако, въ дошедшихъ до насъ волынскихъ и кіевскихъ актовыхъ книгахъ не сохранилось текста офиціальнаго перевода означеннаго устава и прочихъ постановленій сейма 1578 г. До послѣдняго времени не было извѣстно также ни одной изъ вышеупомянутыхъ многочисленныхъ частныхъ копій офиціальнаго перевода, существованіе которыхъ въ районѣ, подсудномъ Луцкому трибуналу, мы въ правѣ предполагать. Правда, уже довольно давно, еще въ 1855 г., былъ опубликованъ списокъ западнорусскаго перевода устава Короннаго трибунала, но этотъ переводъ настолько неудовлетворителенъ и вообще возбу-

[1] Vol. leg. II, 757 § 8, 764 § 5 и 1340 § 43.

ждаетъ столько вопросовъ и недоумѣній, что едва ли заслуживаетъ серьезнаго вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи. Мы вынуждены, однако, сказать нѣсколько словъ объ этомъ переводѣ или, точнѣе, о напечатанномъ спискѣ его.

Какъ извѣстно, въ изданной въ 1855 году 23-ей книгѣ „Временника Моск. Общ. истор. и древн.“, гдѣ впервые напечатанъ Литовскій Статутъ 1566 г., къ тексту этого послѣдняго приложенъ, сверхъ такъ наз. поправъ статутовыхъ, переводъ на русскій языкъ отрывка сеймовыхъ конституцій 1578 г., представляющаго собою уставъ Короннаго трибунала. Переводъ этотъ, напечатанный на стр. 212—222 указаннаго изданія, представляется, однако, въ слѣд. крайне неисправномъ видѣ: текстъ перевода, во-первыхъ, прерывается, приблизительно въ серединѣ (см. стр. 216—217), поправами статутовыми, сдѣланными на Берестейскомъ сеймѣ 1566 г., а во-вторыхъ, изобилуетъ пропусками, произвольными вставками, примѣрами неумѣстной перестановки отдѣльныхъ словъ, явными и грубыми искаженіями какъ этихъ послѣднихъ, такъ и цѣлыхъ выраженій и т. п. [1]). Кромѣ того, означенный переводъ обрывается на послѣднемъ параграфѣ (§ 24 по Vol. leg.) устава Короннаго трибунала и не содержитъ въ себѣ дополнительныхъ къ нему статей, посвященныхъ Луцкому трибуналу, королевской Пруссіи и вел. кн. Литовскому.

---

[1]) Нѣкоторыя искаженія отдѣльныхъ словъ и отступленія отъ подлинника въ означенномъ переводѣ были указаны Н. А. Максимейкомъ въ его работѣ: „Источники угол. зак. Лит. Статута“ (К., 1894г.), стр. 93, примѣч. 1. Впрочемъ, различнаго рода искаженій, отступленій отъ оригинала и даже нелѣпостей въ этомъ переводѣ такъ много, что ихъ невозможно перечислить. Какъ на примѣръ пропусковъ и перестановокъ, укажемъ на арт. 2, подъ заглавіемъ „порядокъ до обираня судей“, гдѣ не только искажены собствен. имена, но многія опущены совершенно, а иныя подверглись неправильной перестановкѣ съ одного мѣста на другое. Примѣры произвольныхъ вставокъ можно найти въ артикулѣ, помѣщенномъ на стр. 218, гдѣ вставлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ слова и выраженія, не имѣющіяся въ оригиналѣ, напр. „судовъ польскихъ належныхъ“ и пр. Что же касается искаженій отдѣльныхъ словъ въ родѣ „мостраню“ вм. „люстрацію“, то ихъ весьма много.

Все это и безъ дальнѣйшихъ подробностей явно показываетъ, что напечатанный въ 23-й кн. „Временника“ переводъ не только не можетъ претендовать на титулъ офиціальнаго перевода, или болѣе или менѣе точной копіи съ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ не представляетъ собою чьей-либо хотя бы и позднѣйшей, но самостоятельной работы, а по всѣмъ признакамъ является лишь довольно позднимъ и весьма плохимъ, т. е. искаженнымъ переписчикомъ, спискомъ съ какого-то перевода неизвѣстнаго намъ происхожденія и притомъ спискомъ не первичнымъ, а отдѣленнымъ отъ своего оригинала рядомъ промежуточныхъ списковъ, въ которыхъ первоначальный текстъ подвергался постепенной, въ возрастающей прогрессіи, порчѣ. Не менѣе также очевидно, что какъ напечатанный редакціей „Временника“ списокъ, такъ и послужившій для него первоначальнымъ оригиналомъ переводъ сдѣланы такими лицами, которыя по условіямъ мѣста и времени нисколько не интересовались Луцкимъ трибуналомъ, а слѣдовательно и относившимися къ нему статьями сеймовыхъ конституцій 1578 г.

Приведенныя только что соображенія, основанныя на изученіи текста перевода, напечатаннаго во „Временникѣ“, въ значительной степени подтверждаются также и тѣми свѣдѣніями, которыя имѣются въ предисловіи И. Д. Бѣляева къ напечатанному подъ его наблюденіемъ Лит. Статуту 1566 года. Изъ этого предисловія видно, что текстъ Статута напечатанъ по рукописи XVI в., писанной кіевскимъ гродскимъ писаремъ Василіемъ Усовичемъ, а поправы статутовыя 1566 г. и отрывки изъ сеймовыхъ конституцій 1578 г. „по полууставной, писанной въ 1643 г. рукописи“, которая приложена была къ Литовскому Статуту 1588 г. и доставлена редакціи „Временника“ княземъ М. А. Оболенскимъ [1]).

[1]) Гдѣ, когда и зачѣмъ былъ сдѣланъ переводъ устава Короннаго трибунала, послужившій оригиналомъ для ряда копій вплоть до упомянутаго списка половины XVII в., и съ какою цѣлью этотъ послѣдній былъ приложенъ къ тексту Лит. Статута 1588 г., мы отказываемся рѣшить.

Въ виду всего вышеизложеннаго невольно обращаетъ на себя большое вниманіе тотъ переводъ, который помѣщенъ ниже и взятъ нами изъ рукописи XVI в.

Въ числѣ старопечатныхъ книгъ и рукописей, помѣщенныхъ на выставкѣ XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, фигурировала рукопись, принадлежащая Почаевской лаврѣ и заключающая въ себѣ Литовскій Статутъ 1566 года (впрочемъ, безъ первыхъ двухъ раздѣловъ) и, въ видѣ дополненій или приложеній къ нему, поправы статутовыя 1566 года, привилей, данный Волынской землѣ по случаю Люблинской уніи, постановленія ряда сеймовъ и въ томъ числѣ текстъ сеймовыхъ конституцій 1578 г.

Рукопись эта писана почеркомъ XVI в. и на бумагѣ, судя по водянымъ на ней знакамъ [1]), конца того же XVI в. Такъ какъ изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ, имѣющихся въ этой рукописи, самый поздній по времени датированъ 1578 годомъ и такъ какъ въ нее не вошли конституціи послѣдующихъ сеймовъ и въ частности важнаго для Волыни сейма 1589 г., то, повидимому, рукопись относится къ означенному періоду (1578—1589 гг.); во всякомъ же случаѣ она писана не позже послѣдней четверти XVI в. [2])

По нѣкоторымъ признакамъ рукопись волынскаго происхожденія, т. е. писана на Волыни, вслѣдствіе чего естественно предположить, что она предназначалась для какого-либо мѣстнаго, т. е. волынскаго же, учрежденія, должностнаго или частнаго лица; быть можетъ даже, рукопись эта уже издавна принадлежала тому же монастырю, собственность котораго она составляетъ и нынѣ, т. е. Почаевской лаврѣ [3]).

---

[1]) Среди этихъ знаковъ преобладаетъ знакъ, изображающій подкову съ крестомъ внутри.

[2]) Рукопись, какъ это видно изъ подписи, имѣющейся подъ текстомъ Лит. Статута (почеркъ подписи и рукописи одинъ и тотъ же), писана какимъ-то Матвѣемъ Совицкимъ.

[3]) Подробное описаніе этой рукописи, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, дефектной и съ перепутанными при

Интересующій насъ переводъ сеймовыхъ конституцій 1578 года находится въ описанной рукописи на лл. 21[2] и 111—120 и представляетъ собою полный текстъ этихъ конституцій, за исключеніемъ, впрочемъ, §§ 48—52 и первой половины § 53-го [1]), отсутствіе которыхъ объясняется потерей соотвѣтственнаго листа рукописи (онъ, повидимому, вырѣзанъ).

При внимательномъ сличеніи польско-латинскаго текста конституцій, напечатаннаго въ Volumina Legum, съ переводомъ, имѣющимся въ рукописи Почаевской лавры, оказывается, что этотъ послѣдній является буквальнымъ переводомъ перваго, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстъ, указанныхъ нами въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ напечатанному ниже тексту. Одни изъ этихъ отличій объясняются не всегда удачнымъ переводомъ латинскихъ терминовъ и цѣлыхъ фразъ, другія явно показываютъ, что переводчикъ пользовался болѣе исправнымъ текстомъ, чѣмъ тотъ, который напечатанъ въ послѣднемъ изданіи Vol. Leg., и лишь одно существенное отступленіе отъ польско-латинскаго текста не можетъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснено. Встрѣчающіеся также, хотя и изрѣдка, пропуски отдѣльныхъ мелкихъ словъ, а въ одномъ случаѣ цѣлой даже фразы, произошли, несомнѣнно, вслѣдствіе невнимательности переписчика или неразборчивости рукописи, служившей для него оригиналомъ. Этимъ же объясняется и рядъ большею частью неважныхъ и совершенно очевидныхъ описокъ.

переплетѣ листами, отлагаемъ до другого раза. Тогда же надѣемся коснуться и заключающагося въ этой рукописи текста Лит. Статута 1566 г., который представляетъ не мало отличій отъ текста, напечатаннаго въ 23-й книгѣ „Временника“. Замѣтимъ, однако, что въ пользу волынскаго происхожденія рукописи говоритъ между прочимъ наличность въ ней и притомъ на главномъ мѣстѣ (тотчасъ за текстомъ Статута и поправъ статутовыхъ) привилея Волынской земли, даннаго по случаю Люблинской уніи, и отсутствіе въ рукописи (что, однако, отнюдь не находится въ связи съ ея дефектностью) такого же привилея, пожалованнаго Кіевской землѣ.

[1]) Пользуемся нумераціей §§, принятой въ текстѣ, напечатанномъ въ Vol. legum.

На основаніи всего сказаннаго нами, какъ о рукописи, изъ которой взятъ переводъ конституцій Варшавскаго сейма 1578 г., такъ равно и о самомъ переводѣ, можно, кажется, прійти къ заключенію, что означенный переводъ, во-первыхъ, написанъ былъ въ послѣдней четверти XVI в. (въ этомъ, впрочемъ, въ виду почерка и бумаги рукописи, не можетъ быть никакихъ сомнѣній) и притомъ, повидимому, вскорѣ послѣ сейма 1578 г., а, во-вторыхъ, представляетъ собою копію, хотя, быть можетъ, и непосредственную, съ того офиціальнаго перевода сеймовыхъ конституцій 1578 г., который былъ отправленъ изъ Варшавы или Кракова во всѣ три воеводства, подсудныя Луцкому трибуналу, и въ томъ числѣ въ Волынское. Въ пользу второго предположенія говорятъ и мѣсто и время происхожденія нашей рукописи, и, наконецъ, практическая цѣль ея изготовленія, объясняемая обязательностью для Волынской и Кіевской земель Второго Литовскаго, иначе Волынскаго Статута, который за все время его дѣйствія никогда не былъ напечатанъ и обращался въ рукописномъ видѣ. Не противорѣчитъ означенному предположенію и замѣчаемый въ нашемъ спискѣ не всегда умѣлый или удачный переводъ латинскихъ мѣстъ польскаго текста конституцій: если, какъ мы знаемъ, волынскіе судьи плохо знали или вовсе не знали латинскаго языка, то и польскіе юристы или администраторы, на которыхъ, по всей вѣроятности, былъ возложенъ офиціальный переводъ или наблюденіе за его правильностью, едва ли, въ свою очередь, владѣли въ совершенствѣ русскимъ языкомъ. Кромѣ того—и это самое главное—при переводѣ обычной въ польскихъ законодательныхъ актахъ латыни переводчикъ нерѣдко долженъ былъ встрѣчать почти непреодолимыя трудности, благодаря какъ свойствамъ тогдашняго русскаго языка, не обладавшаго иногда соотвѣтственными техническими выраженіями, или терминами, такъ и особенностямъ западно-русскаго права, которому были чужды нѣкоторыя юридическія понятія, облеченныя въ подлинникѣ въ форму латинской рѣчи.

Изъ всего текста конституцій Варшавскаго сейма 1578 г., имѣющагося въ Почаевской рукописи, мы печатаемъ лишь ту часть его, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету нашей работы и представляетъ собою уставъ Короннаго трибунала и рядъ дополнительныхъ къ нему статей, посвященныхъ какъ Луцкому трибуналу, такъ и вопросу объ апелляціонныхъ судахъ въ прусскихъ воеводствахъ и вел. кн. Литовскомъ.

Переводъ печатается съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи подлинника и съ сохраненіемъ его красныхъ строкъ. Единственное отступленіе отъ оригинала, допущенное нами, это исправленіе явныхъ описокъ, что, впрочемъ, всякій разъ оговорено въ примѣчаніяхъ. Кромѣ того, мы сочли нелишнимъ ввести нумерацію параграфовъ, отсутствующую въ переводѣ, но имѣющуюся въ Vol. leg. Нумерація §§ заключена въ прямыя скобки и введена исключительно въ видахъ бо́льшаго удобства при сравненіи соотвѣтственныхъ параграфовъ польскаго и русскаго текстовъ.

Конституция сойму валного Варшавского року Божого 1500 семдесят осмого.

Стефан, Божою милостю корол Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Киевский, Волынский, Ифлянтский и теж княжа Семикгродское.

[§ 1] Ознаймуемъ всимъ вобец и кождому зособна, кому то ведати належит, иж мы подле повинности нашее королевское, опатруючи потребы корунные, на которую нас Пан Бог преложити рачил, а о томъ мышлячи, абы в немъ [1]) так домовый ряд, яко и безпеченство от неприятеля было, иж быс-

[1]) Это мѣсто, очевидно, искажено переписчикомъ XVI в. Въ польскомъ текстѣ оно изложено такъ: „opatruiąc potrzeby *Korony tey*, ktorey Nas P. Bog przełożyć raczył, a o tym myśląc, aby *w niey* (т. е. въ Коронѣ)“...

мы, дома добрый порядок постановивши, снадне неприятелеви отпор дати могли и кривдъ давных, которыи терпить реч посполитая сполная народу полского и литовского, за посеганемъ и оторванемъ замков и землъ через неприятеля, поветоват, зложили есмо сеймъ валный всимъ станомъ тут, до Варшавы, на котором, за радою панов рад наших обоя народу и зезволенемъ послов земских, напред подле конституциеи давное, перед пановanемъ нашим учиненое, и рецесов соймов прошлыхъ около справедливости, на которой вес ряд домовый належит и с которое посполите вси добрые обычае в кождой речи посполитой походят, постановене нижей [1]) описанное учинили.

Порядок до обираня судей.

[§ 2] В кождом воеводстве и земли на том местцу, где водле старого звычаю обирают особы судовые, назначаем моцю нинешнего сойму ден и час, то ест перший понеделок по Нароженю Панны Марии в том нинешнем року, а потом на кождый рок тогож часу до обираня судей до судов валных постановеных—трибуналу коронного: а Познанскому и Калискому воеводством в Середу [2]), Судомирскому в Опатове, Сиражскому в Сиражу, Береско(му) и Иновлоцлавскому в Радееве, Плоцкому в Раценжу, Мазовецкому въ Варшаве, Равскому в Болимове, Львовской, Премыской, Саноцкой землямъ въ Вышней, а Холмъской в Холме и в Галичу суди обирати мают; ведже Холмская напред в Холме, а потом Галицкая в Галичу обходитися тым порядком (мают) [3]). Воеводство Подляское в Дрогичине [4]), а земли Добринской в Липне въ понеделок перед святым Болтромѣемъ час до [5]) тогож назначаемъ; а в ын-

[1]) Въ подлинникѣ сдѣлана описка: вм. „нижей“ стоитъ „належитъ“.

[2]) Т. е. въ г. Сродѣ (w Środzie). Въ польскомъ текстѣ конституц. 1578 г.: „we Śrzedzie“; въ лѣт. Величка этотъ же городъ именуется „Средой“.

[3]) Всѣ слова, а равно и отдѣльныя буквы, которыя здѣсь и ниже заключены въ обыкновенныя скобки, пропущены въ подлинникѣ.

[4]) Въ подлин., очевидно по опискѣ, стоитъ „двороничане“.

[5]) Ibid.: „часу то“.

шихъ воеводствах и землях, где суди земскии обирают, суди до тых судов валных обирани не мают [1]).

Обиране судей.

[§ 3] На которых соймикох вышей менованных кождое воеводство обирати сполне мает и будет повинно межи собою особу одну годную, богобойную, цнотливую, права и звычаев судовых оного краю умѣетную, оселую; а з воеводствъ бо́лшихъ, то ест Познаньского, Сендомирского, Калисъского, Плоцкого, по дву, з Руского также дву, с которых один въ Вишней, а другий такий разъ [2]) въ Хелме а въ Галичу, яко вышей написано; з Мазовецкого три толко на тот один раз, а потом по два; з Равского дву, с Подъляского дву. А зъ землъ Велянское, Добриньское по одному, з Освецимское и Заторское также одного до тых же судов постановенных валных коронных обрат мают. А тых судей обиране мает быти—кого колвекъ годного быти найдут. И кгды бы который таковый был обран с тых, которые на инших судех седят, а если бы ся притрафила справа з рушеня або апелецыи [3]) од которого с них, тогды тот на тот час на суде о той справе вотовати не мает и выйти, кгды оные вотовати будут, повинен будет. *[§ 4]* Тыеж обранные судьи до других толко судов трыват мают, а иные [4]) на их местцахъ до тогож суду, або трибуналу валного, обираны быти мают, часу и дня обираня тых судей вышей означоного. А жаден зъ електовъ повторе на суды не мает быти обран до лет чотырех, опроч того, где бы се в котором вое-

[1]) Послѣдняя фраза вслѣдствіе ли ошибочности перевода, или по какой-либо другой причинѣ имѣетъ совершенно иной смыслъ, нежели тотъ, какой заключается въ соотвѣтственномъ мѣстѣ польскаго текста, гдѣ стоитъ слѣд.: „a w inszych woiewodztwach y ziemiach, kędy sędzie ziemskie obieraią, sędziowie do tych sądow generalium judiciorum obierani być maią“.

[2]) Такъ переведены соотвѣтств. слова польскаго текста: „a drugi alternatą“.

[3]) Въ польск. текстѣ: „akcya z mocy abo appellacyi“.

[4]) Въ подлин. по опискѣ: „оные“.

водъстве на тогож всѣ, а жебы тому жадный не был противенъ, згодили а, ижбы ся того поднял, упросили. [*§ 5*] А естлибы теж в котором воеводстве для которое колвекъ причины елекцыя не дошла, або смерть, або фороба которого електа закрочила, з ынших воеводъствъ обраны(е) судъи справы оногож воеводства отправовати будут, не огледаючисе на небытного [1]) тых судей, еслибы с которых воеводъствъ обраны не были.

Присяга судей.

[§ 6] Тамже прерченые судьи, въ воеводствах и землях обранные, зъехавшися на час и местце, судом назначоное, мают при суде земли оное и при вряде старостимъ ротою судьи земского, въ статуте описаною, присягнути, того доложивши, иж [2]) практыкованя жадных причинъ [3]) ни с кимъ чинити не мают, ани престрок(г)и, ани рады дават, ани подарковъ брат, и теж иж се о то не старал, абы был на тые суды обран.

Яко судити мают [4]).

[§ 7] Судити мают справедливе и з рейстру по воеводствам, яко вотуют, не остреляючисе от права посполитого, якого которая земля уживает, Бога и справедливост Его светую перед очима маючи. А суди и декрет с писма форовати будут, на котором два або три судъи подписатися мают [5]). А где бы ся трафила розност або ровность, мают зараз, два, три знову через вотованье пустит [6]), и при той стороне замъкнене [7]) зоставити мает, которая за собою доводов правных

---

[1]) Должно быть—„на небытность"; въ польск. текстѣ: „non obstante absentia judicum".

[2]) Въ подлин. описка: вм. „иж" стоитъ „ис", и ниже вм. „не старал"—„не старял".

[3]) Въ польск. текстѣ: „kauz".

[4]) Въ польск. текстѣ этотъ заголовокъ полнѣе, а именно добавлено „y o akcyach duchownych".

[5]) Ibid.: „A sędziowie dekret ex scripto ferować maią, na ktorym skrypcie . . . podpisać maią".

[6]) Ibid.: „A gdzieby się trafiła rożnosć, abo też paritas votorum, maią raz, dwa, trzy znowu per vota puścić"...

[7]) Словами „замъкнене", „замыкати" здѣсь и ниже передаются слова польск. текста: „konkluzya", „konkludować".

болшей будет мела, а потом бо̀лшая сторона замыкати мает. А иж вси справы панов духовных, которые колвекъ в земстве, въ кгроде, ув уряде подкоморском подле права писаного сужоны были и будут [1]), з рушеня, або апелецее (и) якимъ колвекъ иншимъ обычаемъ припали або припадати будут, перед тымже трибуналом подле права посполитого оправованы быти мают. Прето до тых самыхъ отправованя панове духовные шест духовных судей с посредку себе обрати мают, которые присегою обовезани такъже при томъ трибунале въ туюж роту на Евангелию быти мают; с которыми до тыхже толко справ духовных шест теж светских оных же судей, с посредку светских высажоныхъ, присажени быти и тые справы судити мают; абы теж [2]) подле права судили, колко разов через вотоване пусчаючи [3]), яко первей, замкнене учинити болшая часть с тых дванадцати мают. А гдебы была ровност вотов, тогды мает быти отослана на съемъ [4]) для декрету. Которая згодность, або ровность депутатов тых где бы ся до другого сейму..... [5]) на поправу згода не дошла, тогды тот способъ трыбуналу мает зостати, докол што лепшего черезъ вси станы не найдет. Десятины по именях шляхетских тым же способом, яко тепер суть, ничого не взрушаючи [6]), до угоды, которая мает (быти) на сойме, откладамы.

---

[1]) Этотъ важный пунктъ въ русскомъ переводѣ изложенъ *правильнѣе*, чѣмъ въ напечат. въ Vol. leg. текстѣ, гдѣ это мѣсто искажено, благодаря пропуску имѣющихся въ первопечатномъ польскомъ текстѣ словъ: *kauzy* (kausy panow duchownych) и *wedle* (wedle prawa pisanego). См. Balzer, op. cit., p. 320, гдѣ также отмѣчены указанные пропуски въ Vol. leg.

[2]) Въ польск. текстѣ: „A tam".

[3]) Ibid.: „iterum atque iterum per vota puszczaiąc".

[4]) Ibid.. „ma bydz *remissia* na seym".

[5]) Здѣсь довольно большой пропускъ; пропущенъ, очевидно по винѣ переписчика, переводъ слѣд. словъ польскаго текста: „...stanom nie podobała, wolno iey będzie poprawić. A gdzieby..." Замѣчательно, что этотъ же пропускъ имѣется и въ томъ полномъ ошибокъ и искаженій переводѣ отрывка сеймов. констит. 1578 г., который напечатанъ въ 23-й книгѣ „Временника".

[6]) Въ польск. текстѣ: „nikogo nie wzruszaiąc".

А вже таковый декрет албо декрета того трибуналу такое важности быти мают, як соймовые. А естлибы хто [1]) хотел противитися декретови так(ому) и справу собе оживити на с(ъ)емъ, албо за дворомъ перед нас, тогды такий каран быти мает, яко непослушный и възрушител декрету нашего кролевского [2]). А иж ся панове духовные скаржеть, же з них осветченемъ судом остатнего стопня права не подлегали [3]), против имъ и именям ихъ презыски превожоно,—тогды старостове от екъзекуцее таковых презысковъ суперседовати маютъ до узнаня нашого тых презысковъ на соймe.

Што судити мают.

[§ 8] Судити мают справы вси и кождыи зособна от судов земскихъ, кгродских, подкоморскихъ, комисарскихъ, въ справахъ розделенья добръ, вецовыхъ, през рушеня, апелецыи, отосланя, лемитацеи и иншимъ яким колвекъ обычаемъ, и вси иншие, которые колвекъ на съемъ албо за дворомъ нашимъ кролевскимъ [4]), так от врядов, яко з урядов (с) стороны невчиненя екъзекуцеи декрету албо декретов судовъ главного трыбуналу коронного, того остатнего стопня правного, в тых речах, которые судови того трыбуналу належит судити и сужоны бы были, и иншого обтяженя зъ судов або урядов старостих и их урядников при чиненю справедливости учиненых. Тых всихъ справ, которые будуть [5]) на судех остатнего стопня права, будъ въ земстве, або въ кгроде, пересужоны и до местца старостего для чиненя екзекуцеи отосланы, гдебы подлугъ тых же ремисіи [6]), або

---

[1]) Idid. это слово (kto) пропущено.

[2]) Ibid.: „iako contemptor decreti nostri Regij“.

[3]) Ibid.: „A iż się panowie duchowni skarżą, że stantibus illorom protestationibus, że judicijs ultimae instantiae nie podlegali“.

[4]) Все послѣдующее до точки представляетъ собою переводъ латинскаго текста: „tam ab officiis, quam ex officiis occasione non factae exeqvutionis decreti, vel decretorum, judicij Tribunalis generalis Regni, hujus ultimae instantiae, in his rebus, quae judicio hujus Tribunalis judicandae incumbunt, et judicatae fuerint; et aliorum gravaminum ex judiciis.....“

[5]) Въ польск. текстѣ: „bąnz“.

[6]) Въ подлин. описка: „ремилу“.

отосланя, без вшеляких проволок екъзекутованы не были, также справы, которые от которых-колвекъ трибуналов остатнего стопня права прошлых, в воеводъствах уфаленых, припадали, и иншие вси справы, которые колвекъ такъ з давных, яко и з новых позвов, припозвов припадати будут, а тому трыбуналови належати будут. А тамъ вже (предъ) тымъ судом вси стороны въ своих справах судовых рок и роки будут мели, водле их апелецыи, рушеня, позвов, припозвовъ, такъ завитых, яко и незавитых, отосланя на лимитацеи [1]) и инших вшеляких стопнев правных, яко сут на сойме або за двором, также и на судех остатнего стопня права, которых-колвекъ воеводствы [2]) мети мели, жадных не выймуючи, водле ихъ позвов, припозвов, контроверсей як з декретов, апелецей, рушеня, отосланя [3]), росписов, лемитацей и иншихъ пунктов правныхъ, жадного не выймуючи, и всих тыхъ акцей справы, жадной стороне справедливости не уближаючи [4]); [*§ 9*] вынявши справы, што ся ткнут вонтпливости [5]), которые судови нашему на сойме належати мают. А где бы хто (с) справы простое справу, которая се ткнет поцтивости, чинил [6]),—на сеймъ [7]) або за двором кого вызвал, тогды, кгды будет узнана через нас на сойме быти справа простая, мает таковый вызыванъ вину седеня въ вежи, сто гривен попасти и шкоды водле конституции [8]), а справа мает быти отослана

---

[1]) Въ польск. текстѣ: „remissyi, limitacyi“.

[2]) Ibid: „woiewodztw“.

[3]) Ibid.: „kontrowersyi, kauz, dekretow, appellacyi, mocy, remissyi...“

[4]) Ibid.: „et omnium causarum earum acta, nullius partium jure laeso“.

[5]) Такъ переведены слова: „Exceptis causis mere criminalibus“, которыми въ Vol. leg. начинается съ красной строки новый (9-й) §.

[6]) Такъ переведены слова: „... ex civili causa criminalem czyniąc“... Такъ же точно означен. термины переводятся и ниже.

[7]) Такъ въ польскомъ текстѣ (na seym), въ нашемъ же подлинкѣ ошибочно стоитъ: „на суд“.

[8]) Слова: „маетъ таковый ...водле конституции“, представляютъ неискусный или испорченный переводъ слѣд. словъ польско-латинск. текста: „ma takowy evocans poena sessionis turris, et centum marcarum, ac damna wedlug konstytucyi luere“.

до права належного. А ведже в артыкулех, которые ся тыкают поцтивости, на судех и роках кгродскихъ, апелецея мает быти до судов валныхъ остатнего стопня права трыбуналу того, вынявши теж справы скарбовые, водле конституцеи, роков 1562 и 1567 учиненыеи, и выкупеня добръ кролевскихъ, которые судови нашему зоставуемы. [*§ 10*] А если бы хто старосту або державцу позвал о кгрунты наши, (с) которых держвца або староста четвертую част дает[1]), або под ревизею и люстрацю подпали, также которые въ старых сумах суть записаны,—о таковые добра мает суд отослати на съемъ для узнаня нашего; а намъ самым о добра наши водле статуту чинити и доходити волно завжды будет. [*§ 11*] Также о невыдане четвертое части и о добра, без права взятые, на сойме судити маем; вынявши теж справы права майдебурского, немецкого и хелменского, которые з остреженья речи въ статуте описаных судови[2]) нашему належати будут. Зъ стороны презысков, на тот час одержаных против местомъ, также теж мещан против шляхте, то ся заховати мает до узнаня нашего, яко около презысков духовныхъ.

Выведыване[3]).

[§ 12] Выведываня справ, которые ся ткнут поцтивости[4]), мают быти за припозванемъ стороны через сторону на земских або кгродскихъ рокох судовых того повету, где бы таковый учинок пополнен был, што первей будетъ по объведеню того пополненого учинку[5]) выправовано. А то для того, кгды сторона сторону позовет на съемъ, абы там вже обе-

[1]) Въ польск. текстѣ: „kwartę dawa“, т. е. четвертую часть доходовъ съ королевскихъ имѣній.

[2]) Ibid.: „ktore z ostrzeżeniem rzeczy w statucie opisanych“.

[3]) Ibid. нижеслѣд. § носитъ болѣе пространный заголовокъ: „Scrutinium y oznaczenie dni ad causas criminales“. Замѣтимъ, кстати, что смыслъ 2-й половины этого § въ Vol. leg. затемненъ вслѣдствіе неправильной пунктуаціи.

[4]) Ibid.: „Scrutinia in causis criminalibus“.

[5]) Ibid: „post obductionem patrati criminis“. Въ подлин. ошибочно: „по объведеня“.

две стороне были з выведаньемъ готовы для рыхлого отъправованя справ. А ижъбы ся справы, тыкаючие поцтивости, на сойме завжды отсудити и отправовати могли, тогды от початя сойму, который на назначоный ден листы соймовыми пропозыцеею зачинатися мает, завжды, а по пропозыцыи и отправованю при послех земскихъ вотъ сенаторских тыйден целый, ден подле дня, маем мети волный до суженя тыкаючихъся поцтивостей справ; а потом, покол одно съемъ будет, маем отправовати тые помененые справы на кождую середу, пятницу и суботу, не омешкиваючи иных справ, соймови належачих, а звлаща жадным правом и кварты суженя, водле констытуцеи Любелское року 1569.

Местца судомъ.

[§ 13] (Въ) Великой Полщи Петриковъ, до которого тые воеводъства належати будут: Познанское, Калиское, Сирадское, земля Велянская, Ленчинское, Бреское, Иновлоцславское, земля Добринская, Мазовецкое, Плоцкое, Равское. [*§ 14*] Въ Малой Полщи Люблинъ, до которого тые [1]) воеводства належати будут: Краковское, Сендомирское, Руское, Подолское, Любелское, Белзъское, Подляское, с тым докладом, иж тые суди [2]), отсудивши Великое Полски воеводства въ Петрикове, мают засе ехати на час нижей назначоный до Люблина и также тамъ отсудити Малое Полски воеводства.

Безпеченство судов и сеймиковъ.

[§ 15] Перед который то судъ особа жадная которогож колвек стану и заволаня [3]), которая бы акцеи правное не мела, въходить не мает; аж кого з реистру заволают до справы его, не з жаднымъ гурмом [4]) до справы своеи приступити и до кгмаху въходити мает, толко самочвартъ на-

[1]) Въ подлинникѣ ошибочно вм. „тые“ стоитъ „оба“.

[2]) Въ польск. текстѣ добавлено: „wszyscy“.

[3]) Ibid.: „cujuscunque dignitatis et praeeminentiae“.

[4]) Ibid.: „z żadnym tumultem“.

болшей въходити мает, то ест самъ с прокуратарем а два приятели. А еслибы который въпорне вшол, або напомененый выйти не хотел, або в дому судовом волане чинил, тогды мает быти на нем сказана вина двоякая чотырнадцат гривен[1]), которую зараз, под такоюж виною, не отходячи от суду, судови положити повинен будет, и яко против непослушному екзекуцея речи осужоное ити мает[2]). При вотованю абы жаден не зоставал, опроч тых, которые до того суду присегли. [§ *16*] Теж жаден такъ на соймику обираня судей, такъ и на местце, где суды будут справованы, абы не смел приежчати и приходити ку броне[3]), и не з жадными иншими бронями, кроме меча, корда, шабель, шпакги. А хто бы мел съ стрелбою або зъ якою иншею бронею вшелякою приехати, або з нею ходити, абы петмадесят гривен был каран виною завите[4]), не отходячы от суду, або от соймику под виною чотырнадцатми гривен; а еслибы упорне отшол[5]), тогды мает быти отослан на екъзекуцею, водле права, до местца старостего. А где бы хто на соймику обираня суди або судей, або теж въ трох неделях перед зачатемъ суду того, або теж въ трех неделях по отсуженю, якую особу шляхетскую ранил або забил, тогды водле статуту поступити против нему не иначей, одно яко бы то на сойме против нас учинил[6]).

Часы судовъ.

[§ 17]. Суды напрод почати ся мают[7]) в Петрикове въ понеделок близкий по светом Мартине, а кончитися мают аж до Кветное недели; в Люблине—в понеделок близкий по Проводной недели, а кончитися мают докол ся не скончат. А ведже абы иньшие суды низших стопневъ под тым часом

---

[1]) Въ польск. текстѣ: „poena duplex duatuordecem marcaram".
[2]) Ibid.: „et contra rebellem exequutio rei judicatae iść ma".
[3]) Ibid.: „przychodzić zbroynie".
[4]) Ibid.: „karan peremptorie".
[5]) Ibid. „temere odszedł".
[6]) Ibid.: „na seymie przy Nas uczynił".
[7]) Ibid. прибавлено: „zawsze".

суженя судов валныхъ трибуналу остатнего стопня права отправовалися. А Мазовецкие суды остатнего стопня права, которые тепер судят, яко ся зачали, кончитися мают. Декрета и справы тых судовъ в Петрикове печатю земскою сирадъскою, а в Люблине печатю земскою любелскою мают быти печатованы так, яко ся то заховало при судех кролевъских.

Утвержене декретов.

[§ 18] Декрета тыхъ всихъ судов, так остатнего стопня права въ воеводствах осужоные и которые напотомъ осужоны на том валном суде трибуналу будут, опатр(у)емы и утверждаемы таким варункомъ, яко суть опатроны суды новые, на тот один раз за короля Жикгимонта Августа уфаленые декретом соймовым Варшавскимъ, остатнего дня марца року 1564 учинены(м), яко тот декрет соймовый в собе сам объмовляет в тыи слова: иж который колвекъ на съемъ або перед нас за двором яким колвек обычаемъ был позван от когож колвекъ[1]), ку скаженю таковои сказни, подле ордынацеи и уфалы сойму прошлого Петриковского учиненое, от позвов и от речи волен быти мает[2]); а еслибы еще надто хто упорный быти хотел, а приповедался на таковые позвы и на них еслибы што в непослушенстве одержал, таковые не мают быти жадное важности и быти не может ку жадной шкоде никому, ани через уряд старостин екзеквованы быти мают[3]). А естлибы теж за приповеженемъ до суду чиим позваный на таковый позов станулъ, там не отходячи сам або прокуратор его, будет повинен положити вины сто гривен, под виною чотырнадцати гривен; которое вины ста гривен половица стороне, а другая до скарбу нашего быти мает. А гдебы за помененые речи

---

[1]) Въ польск. текстѣ: „byl pozwan ex cujuscunque instantia“.

[2]) Ibid. прибавлено: „y iest“.

[3]) Ibid: „a przypowiedzial się na takowe pozwy, y na nie(?) iesliby co in contumaciam otrzymał, takowe *otrzymanie* nie ma mieć żadney ważnosci y bydż nie może ku żadney szkodzie nikomu, ani przez urząd starości exekwowane bydż ma“.

досыт не вчинено, тая справа маеть быти отослана, где добра сторон(ы) поводовое лежат, до остаточнего и скутечного выконченья вин[1]), а прокуратор мает быти сказан до вежи на тый-ден седети на дно, там, гдебы таковые речи через нас были сужоны.

Повинность суду земъского.

[§ 19] Прихиляючися до права посполитого и звычаев здавна заховалых, кгдыж тот суд отправовати мает, што перед тымъ при судех нашихъ кролевских отправовано бывало: мают се до того суду зъехати судя, подсудок, писар оного воеводства, в котором отправованы будут, а там присягши таемным актом судовым[2]), всю тую повинност на собе относити мают, которую нижли перед тым при судех соймиковых[3]) або дворных наших, кондыцеи судити иншихъ за апробацеею декретом отбирати[4]) и отсылати мают; ведже вотованя на тых судех мети не мают.

О позвех перед тот судъ.

[§ 20] Позвы мают быти под титулом нашимъ кролевским и печатю тое земли, в которой позваный оселост мает, а кладены быти мают намней две недели перед рокомъ.

О записех и протестацеях.

[§ 21] Записы, осветченя, сознаня и реляцыи вшелякие такъ мают быти вызнаные[5]) перед тым судом сознаные, яко соймовые або земские.

---

[1]) Ibid.: „In causa autem non satisfactionis pro praemissis, causa debet remitti ad officium, ubi bona actoris consistunt, pro ultima et finali exequutione poenarum“....

[2]) Такъ переведены слова: „przysiągszy ad secreta acta iudicij“.

[3]) Должно быть: „соймовыхъ“, какъ и въ польск. текстѣ („przy sądziech seymowych“).

[4]) Слова: „кондыцеи.... отбирати“, представляютъ испорченный переводъ слѣд. мѣста польск. текста: „y kosce sędziow inszych za approbacyą dekretow odbierać“.

[5]) Это слово лишнее; въ польск. текстѣ вм. него стоитъ: „ważne“.

О екъзекуцеи декретов.

[§ 22] Старостове и врядники их вшелякие декрета повинни подле права екзекковати, под винами въ статуте описаными.

Опатренье судей.

[§ 23] Тыеж судьи от кождого декрету, за кимъ выйдет, по пятнадцати грошей брати мают, а от ек(с)трактов плачене мает быти подле статуту. А панове духовные депутатом своим опатренье дати мают.

Поправа трибуналу.

[§ 24] А трибуналу того посполитого коронного поправа завжды мает быти волна, за зезволенемъ сполным на сойме [1]).

Воеводства Киевское, Волынское, Бряславское.

[§ 25] Ижъ тые воеводъства судят правом и статутом великого князства Литовского перед депутаты, которые они собе на соймику оберуть, то ест у воеводстве Волынскомъ особъ пят, а в иных по чотыри, до другого сойму [2]), толко тым порядкомъ и тыми артыкулы, въ порядку, (на) теперешнемъ валном сойме Варшавском згодне [3]) уфаленымъ и в констытуцею теперешнюю въписаным, на певном местцю в Луцку в ден святого Мартина, под печатю земскою луцкою, сужоны и отправованы быти мают.

[§ *26*] Панове воеводове за листы нашими на тые суды, для обираня депутатов въ поветех соймикъ абы надале(й) о Святкахъ зложили. Констытуцея теперешнего сойму абы была

---

[1]) Здѣсь собственно и кончается уставъ Короннаго трибунала; далѣе слѣдуютъ дополненія къ нему и прочія сеймовыя конституціи. На этомъ § заканчивается и руск. переводъ, напеч. въ 23 кн. „Временника".

[2]) Въ польск. текстѣ правильнѣе: „do drugiego *sеymiku*".

[3]) Ibid. добавлено: „generaliter".

дана тым воеводствам под печатю кролевскою [1]), написана писмом руским, подле привиля, тымъ воеводствам о унеи на сойме валном Любелскомъ даного. [§ *27*] А где бы тым воеводствам на пришлом сойме чого в томъ порядку справедливости поправити была потреба, албо теж и, отступивши того трибуналу, суды свои засе на Нас вложити, абы то им было волно завжды и на кождом сойме учинити, водле статуту великого князства Литовского, также теж привилию, на сойме въ Люблине на унеи даного, и констытуцеи, на корунацеи нашей въ Кракове выданые. [§ *28*] О збеги, слуги [2]) воеводъствъ Киевского, Волынского и Бряславского у суду кгродского судитися и отправоватися такъ мают, водле конъстытуцеи теперешнее, на сойме валном коронномъ Варшавскомъ всимъ[3]) воеводъствам даное. О грабежи: хто бы кому грабеж який учинил, сторона укривженая мает о то до суду кгродского роком завитымъ позвати.

Прусы.

[§ 29] Воеводства Пруские при своих судех зоставуемы так, же оныхъ[4]) не требунал, але Мы сами судити будем.

Князства Литовского суды.

[§ 30] А въ великом князстве Литовскомъ при своих правах, подле присяженя унеи, зоставуемъ, поправу статуту своего подле констытуцеи, въ Люблине въ року 69 учиненое, (и) подле поприсяженя короля его мл. Генрика и нашого, вцале заховываючи. Якож ку поправе тых справ судовых великого князства Литовского и соймики въ воеводствахъ князства Литовского назначаемы в том року 78 мѣсеца мая 23 дня; а с тых сеймиков больший зъездъ мают мети станы великого князства Литовского для тоиж поправы статуту прав их в

---

[1]) Ibid.: „dana tym *wojewodom* pod pieczęcią *Koronną*“.

[2]) Ibid. добавлено: „y poddane“.

[3]) Этого слова въ польскомъ текстѣ нѣтъ.

[4]) Въ подлин. ошибочно вм. „оныхъ“ стоитъ „и иныхъ“.

Новогородку на певный час, на ден святого Михала, в том же то року теперишнем. А оттол тую поправу мают принести на с(ъ)емъ коронный перший ку потверженью нашому [1]).

[1]) Далѣе въ переводѣ слѣдуютъ прочія постановленія сейма 1578 г., разнообразнаго содержанія, и все заканчивается, какъ и польск.-лат. текстъ въ Vol. leg., слѣд. словами: „А для веры и певности того всего печать наша кролевская ест до того листу притиснена. Деялося и дано в Варшаве на сойме валномъ коронномъ дня третего месеца марца, року 1578, а кролеваня нашего року второго“ (см. оборотъ 120 л. Почаевской рукописи Л. Статута 1566 г.).

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Реляція о встрѣчѣ и въѣздѣ московскихъ пословъ въ Варшаву 8 декабря 1667 года.

Предлагаемый здѣсь документъ на польскомъ языкѣ, „Реляція о встрѣчѣ и въѣздѣ московскихъ пословъ въ Варшаву 8-го декабря 1667 года“, относится къ Андрусовскому договору, состоявшемуся 13 января 1667 г., по которому Польша уступила Россіи Смоленскъ и Сѣверскую землю, признала за нею Восточную Украину и Днѣпръ и даже передала Кіевъ, хотя только на два года. У русскихъ историковъ[1]) до сихъ поръ еще не встрѣчалось указаній на то, чтобы за подтвержденіемъ Андрусовскаго договора московскіе послы ѣздили въ Варшаву; печатаемый ниже документъ сообщаетъ именно объ этомъ подтвержденіи и даетъ описаніе встрѣчи и пріема, оказаннаго въ Варшавѣ московскому посольству. „Реляція“, судя по подписямъ, имѣетъ офиціальное происхожденіе и представляетъ собою донесеніе высшихъ правящихъ лицъ Польши королю или сейму объ оказанномъ пріемѣ московскимъ посламъ. Документъ указанъ намъ И. М. Каманинымъ и хранится въ Центральномъ архивѣ Университета св. Владиміра среди отдѣльныхъ документовъ.

Документъ этотъ помѣщенъ на обыкновенномъ листѣ писчей бумаги, нынѣ совершенно ветхой, развалившейся на нѣсколько кусковъ, съ оторванными краями. Текстъ написанъ четко и красиво, но за ветхостью мѣстами вытерты отдѣльныя слова и даже

---

[1]) Напр., у С. М. Соловьева („Исторія Россіи“, т. XI, гл. 3-я), Н. И. Костомарова („Руина“, ч. I, гл. X).

цѣлыя строки, почему воспроизвести этотъ документъ можно лишь съ пробѣлами. Содержаніе его буквально таково:

Relatia przyięcia y wprowadzenia do Warszawy pp. posłow moskiewskich, die 8 decembr. 1667 r.

Stanęli na Skaryszewie pp. posłowie moskiewscy die 3-tia decembr., y tam . . . . . jegomść xiądz arcibiskup gnieznienski y panowie se(natorowie) ziechali . . . . . ego dnia do Warszawy . . . . i za swoij solenij wyprawili . . . przyimowali . . . . . u Wisły, przez ktorą botem krolewskim iachali imść pan kuchmistrz koronny y pan łowczy koronny; i wysiedli na Mostowey ulicy, gdzie ich do karety żałobney iego kr. mosci wzięli; pomienieni panowie urzędnicy dawszy obiema zadnie mieysce w karecie, a sami na przedzie usiedli; (mieli) posłowie wprzedzie dwuch trębaczow, a za nimi dziesięc koni . . . . . (prowa)dzono, między ktorymi było czterych siwoiabłowitych, nayprzedn . . . . . drugie do . . . . . iako y . . . . . naszą kawalkat . . . . . poselske, a w tym kareta szła, w ktorey siedzieli, gdzie w iednę stronę szła chorągiew węgierska i. k. mści żałobna, z d . . . nę . . . . . ga expansis vexillis. Zaraz za karetą we srod . . . . . choty chorągiew kozacka nadwozna poprzedzała naprzod . . . . . cechową piechotę, ktora przes Mostową ulicę we dwa rzędy, aż do dworu, w ktorym stancya Moskwie naznaczona, to iest, u Walerian . . . . . kup . . . . . szawskiego . . . . . piechoty cechowej było chorągwi 20; przed raytaryą j. k. mści iachali trębacze i. k. m., trąbią y w bębny biiąc, a przed drabantami dwuch fulerepow (?) grało na futarach; kornetow raytarskich z drabantami było pięc . . . . chorągiew tatarska, kozacka, kornet ieden pp. kupcow y synkow warszawskich, stroyno barzo, iak w suknie, tak y w konie, przybranych, prowadził ich pan Dyring . . . . Polskiey około czterech set in summa; apparentiey znalazło się na wprowadzenie posła około piąciu tysięcy; ktory to lud, gdy iuż posłowie na rog Zenna wiazdzali, wszystkę na Leszne drogę do dworu zastąpił trąbiąc, graiąc wsz . . . . . u dział w cekausi bijąc z ....

ziwieniem . . . . . Sam krol imść ze dworu imśći xdza biskupa płockiego . . . . . też tey apparentiey. Zaprowadziwszy pp. urzędnicy koronni pp. (poslow mo)skiewskich do stantiey, wrocili się do krola imśći, a na częstowanie ich .... pokoiow i. k. msci pan Miaskowski, p. Scipio, pan Rutkowski y inni gd. wiecerza rybna in amplissima cautitia im dana była, y napoia wszelakiego . . . . . Wozy ich, ktorych około czterydziestu było kilku, z rana iescze do stancyey przeprowadzone, a sami posłowie a że o czwarty wieczor wprowadzeni, bo ta solen . . . . . cztery godziny się o . . . . . Bohdanowicz Moskiewscy . . . . . dowey izbie na dole, gdzie na cztery stopnie od ziemie podniesiony był tron, ... przyprowadzili ich na audientią imść pan kuchmistrz koronny y imśé p. . . . . koronny, iako y na pierwszym wiezdzie ich, gdy ich przyimowano w karecie . . . . . dwor wszystek i. k. mści w kawalkacie assistencią uczynił; przy tym raytarya, drabanci, chorągiew kozacka, tatarska, chorągiew pp. . . . . y wszystke czechy mieyskie, ktore ich aże z Les . . . . . gdzie stan. . . . . mają, idąc na koło karety, w ktorey siedzieli Comitabantur wpowadzęni przed tron i. k. mci posłowie, po pokłonach uczynionych y oddaniu hramaty, przełożyli przyczynę legaciey swoiey, to iest, iż przyiachali na odebranie confirmatiey przymierza y tractatow swieżo zawartych; odpowiadał na wszystko imc pan canclerz W. X. L.; a za tym przypusczeni wprozod posłowie potym carscy y poselscy dworzanie do pocalowania ręki j. k. mości, ktorych z regestru przywolywał imśc xdz referendarz koronny; ktore pocalowanie skoro sie odoro . . . . . znowu zawołał imśc xdz referendarz . . . . . oddawali . . . . . czlomow, gronostajow y . . . . . ktore iuż zostaną iako darowane . . . . . przy i. k. msci; potym oddawano futra y materye iedwabne perskie w sztukach od posłow, ktore pro more gentibus, albo imże wrocic trzeba, albo zapłacic; po skonczeniu audientiey znowu w tey że assistentiey na Leszne do stantiey odprowadzeni, gdzie bankiet im był sprawiony od i. k. mosci; teraz z niemi mają byc rozgowory y conferentie; wychodzi na tych

posłow tydzien dwa tysiąca złotych, oprocz drew, owsa y siana; przy tey . . . . . , . i. k. msci imsc xdz primas im . . . . . send . . . . . lelski warszawski canclerz W. X. L., imsc pan podskarbi koronny.

Сообщила *Е. К. Де-Бумме.*

Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи.

Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу.

Въ собраніи рукописей кн. П. П. Вяземскаго, нынѣ принадлежащемъ Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, среди другихъ рукописей, относящихся къ XVII в., находится учебникъ,—собственно два, соединенные вмѣстѣ, въ одинъ переплетъ in 4^0, преподанные въ 1693 и 1694 годахъ въ Кіево-Могилянской коллегіи. Оба они написаны одной рукой, красивой четкой скорописью на латинскомъ языкѣ, при чемъ примѣры приведены большею частью по-польски, рѣже—на церковно-славянскомъ языкѣ съ полонизмами.

Первый занимаетъ лл. 1—121 и озаглавленъ:

„Mercurius | in regno acquisitae | ferro libertatis | neorhetoribus | kiiovo-mohilaeanis | liberam dicendi vocem | svppeditans. | Anno Domini 1693.

Второй носитъ названіе:

„Accessus | Mercurii | in vniversam | Aristotelis | philosophiam | anno | Mercurii Dei hominis | 1694 | Ad Maiorem Dei Ter Optimi Maximi | Gloriam | Beataeque Mariae Virginis sine Labe | Originali Conceptae Honorem Sanctorumque | Omnium Debitum Cultum ac Perpetuam Venerationem. |

Онъ начинается на л. 128 и оканчивается на л. 174, отъ котораго сохранился только обрывокъ: нижняя часть листка съ записью вырвана, при чемъ повреждена и часть текста—заключительныя шесть строкъ.

Первый учебникъ—это риторика. Въ краткомъ латинскомъ предисловіи авторъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ (rhetores mohilaeani), говоритъ о недавно пріобрѣтенной ихъ отцами свободѣ (Maioribus vestris libertas nuper desponsasta...), которой въ приданое Польша дала, хотя и невольно, „liberam dicendi vocem". Онъ ободряетъ начинающихъ ораторовъ указаніемъ, что „Non sola Graecia suos recenseat oratores" и, украшая рѣчь классическими примѣрами, объясняетъ цѣну хорошаго писателя и его роль въ завоеваніи страной независимости; равно полезны народу и мечъ и перо: „ille in arena, hic in pagina rapit libertatem". Краснорѣчіе необходимо вездѣ: „Non desunt eloquentiae ducalis clavae atque Tiarae apud Rossos, parique libertate gaudent in ducatûs curiâ oratores, ac in campo bellatores".

Самое содержаніе риторики расположено на четыре части или „voces".

Vox I излагаетъ ученіе объ ораторской рѣчи вообще, духовной и свѣтской, и о способѣ ея построенія; двѣ первыя главы говорятъ о вступленіи, различныхъ видахъ его; третья—о способѣ нахожденія „предположенія" (propositio); четвертая—о родахъ и расположеніи повѣствованія (narratio), пятая—о видахъ заключенія, въ которомъ выражается утвержденіе, отрицаніе или увѣщаніе.

Vox II посвященъ вопросу о логической аргументаціи, объ опредѣленіи понятій. Вслѣдъ за разсужденіями слѣдуютъ упражненія, т. е., примѣрныя рѣчи на разные случаи—praxis gratulatoria natalis in communi, поздравленія патрону—на латинскомъ языкѣ, а также и на польскомъ. Далѣе слѣдуютъ такія же рѣчи и планы ихъ, съ формулировкой частныхъ причинъ поздравленія.— Вторая глава излагаетъ ученіе о расположеніи частей. Здѣсь умѣстно отмѣтить, что всѣ приводимые образцы (нѣкоторые изъ нихъ предлагаются нами ниже) построены должны быть по схемѣ силлогизма; этотъ послѣдній опредѣляется такъ: „Syllogismus... est explicatio tripartita ad rem probandam assumpti argumenti" (л. 27). Самое изложеніе и разработка „предложенія" и другихъ частей могутъ быть разнообразны—... „per fabulam, apophtegma, adagium, stemmata occultantur propositiones. *Sed haec omnia melius in praxibus patebunt*" (об. 27). Этими упраж-

неніями учебникъ изобилуетъ, и такимъ образомъ преподаваніе имѣеть чисто практическій характеръ. Вслѣдъ за приведенной ссылкой слѣдуетъ на латинскомъ языкѣ похвальное слово русскому вождю Хмельницкому, приводимое нами ниже (№ 1), и другое, тому же Хмѣльницкому надгробное слово на польскомъ языкѣ, обильно уснащенное классическими сравненіями и примѣрами (№ 2). Третья глава трактуетъ о „примѣчаніи“ (notatio), которое опредѣляется, какъ „obscuriaris nominis explicatio“; оно „praecipue valet ad orationes gratulatorias Patroni“ (л. 34 об.). Здѣсь предлагаются примѣры толкованія именъ, напр.: Chrisostomus—златыя уста, Adamas—отъ ad,amo, и т. п. и образцы рѣчей. Четвертая глава говоритъ о различеніи синонимовъ, близкихъ по значенію словъ чрезъ уподобленіе, противуположеніе и т. п. Пятая глава—о родѣ и формѣ, шестая—о сходствѣ и несходствѣ, седьмая—о противорѣчіи и его допущеніи въ рѣчи, восьмая—о причинахъ и слѣдствіяхъ, девятая—объ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось событіе; здѣсь предлагается для облегченія при изложеніи событія пользоваться извѣстными вопросами: „quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando“; десятая глава говоритъ о предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за событіемъ обстоятельствахъ, какъ объ элементѣ рѣчи; глава одиннадцатая—о сравненіи и его видахъ.

Vox III излагаетъ ученіе о пользованіи ученостью (eruditio) при составленіи рѣчи и для украшенія ея. Отсюда черпаются символы, эмблемы, примѣры и пр. украшенія, остроумныя изреченія мудрецовъ древности. Глава первая—о параболѣ, вторая—о символѣ, откуда извлекается и какъ построяется; приводятся символы императоровъ, царей съ ихъ особенностями, символы духовныхъ особъ, вождей, воиновъ и другихъ. Третья глава—о гіероглифическомъ и его происхожденіи; четвертая о эмблемѣ и ея отличіяхъ отъ символа и гіероглифическаго. Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, помѣщаемыхъ ниже (№ 3), приводятся образцы эмблемъ арх. Лазаря Барановича, скончавшагося въ томъ же 1693 году, къ которому относится настоящій учебникъ. Пятая глава говоритъ о примѣрахъ и ихъ расположеніи въ рѣчи; шестая—о расположеніи ученыхъ украшеній. Восьмая глава объяс-

няетъ, что такое acumen („A est dictum aliquod mirabile et insolitum“, напр.: concordia discors, vel discordia concors). Въ девятой говорится, что такое elogium, какъ составляется похвала; въ десятой — объ объясненіи священныхъ текстовъ и, какъ примѣръ, приводится проповѣдь на славянскомъ языкѣ (съ полонизмами и малоруссизмами) на текстъ „Се ест наслѣдникъ; придѣте, убіемъ его“. Лука, 20 (л. 82 об.).

Vox IV—четвертая часть трактуетъ о рѣчи въ частности. Это самая обширная часть. Глава первая—о надгробной рѣчи и ея пріемахъ. Здѣсь предлагаются сентенціи, подходящія случаю вообще, оправдывающія оплакиваніе и неоплакиваніе умершаго, символы и примѣры, извлеченные изъ классическихъ попреимуществу писателей. Какъ примѣръ, предлагается „Praxis in funere studiosi sub allegoria floris“ (л. 88 об.), „in funere poetae ex circumstantia Parnassi“ (л. 89 об.), „in funere herois dicti nomine Podkowa“ (л. 90 об.). Эта рѣчь приводится нами подъ № 4. Далѣе слѣдуетъ глава вторая, въ которой тѣмъ же способомъ (съ указаніемъ „сентенцій“) приводятся правила и примѣры для составленія рѣчи на Рождество Христово; въ третьей главѣ—на Воскресеніе Христово, семь примѣровъ, изъ которыхъ въ послѣднемъ приводится сравненіе съ Троянской войной. Въ четвертой главѣ—примѣры поздравленій на день рожденія, съ различными тонкостями; поздравленія патрона въ день его ангела, священника, епископа; образцы поздравленій лицамъ, носящимъ имена Михаила, Варлаама, Симеона, Іосифа, профессору, благодѣтелю и др. Въ пятой главѣ излагается способъ построенія рѣчи, выражающей радость, съ примѣрами; въ шестой—удовольствіе прибытію гостя, чужеземца и привѣтствіе ему; въ седьмой—выраженіе благодарности; въ десятой—поздравленіе молодому; въ одиннадцатой—поздравленіе родителямъ отъ дѣтей.

Второй учебникъ, излагающій Аристотелеву философію, собственно діалектику—обычное средневѣковое руководство по этому предмету.

Для насъ интересны приводимыя ниже рѣчи и стихотворенія какъ потому, что касаются историческихъ личностей, оставившихъ

слѣдъ въ жизни и судьбахъ Малой Россіи, такъ и потому, что эти рѣчи являются наглядным показателемъ того, какъ педагоги Кіевскаго коллегіума, пользуясь случаемъ, будили въ своихъ питомцахъ любовь къ роднымъ героямъ; эта любовь и уваженіе облечены въ такую же схоластическую форму, какъ и изложеніе любого богословскаго тезиса. Надгробныя рѣчи полны уподобленій, сравненій, аллегорій; но сквозь эту шелуху видно то ядро, которое является украшеніемъ лучшихъ дѣятелей Южной Россіи въ XVII в. —любовь къ своему родному, къ отечеству и его защитникамъ. Въ чрезмѣрномъ ихъ восхваленіи сказалась не одна подражательная мода, желаніе не отстать отъ польскихъ ораторовъ, но также и упорное стремленіе показать, что и угнетаемая Украина производитъ героевъ, достойныхъ искуснаго восхваленія, сплетеннаго по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства.

Приводимые ниже тексты переданы буквально, съ сохраненіемъ орѳографіи рукописи и всѣхъ ея особенностей.

№ 1.

л. 28. **Laus Ducis Rossiaci Chmielnicii in Funere.** *).

Maior.

Quem bellatorem. Iterum tremenda patrio in coelo oritur gigantonomachia, ubi novum per Enceladum hostis patriae oppugnatur Jupiter. Novum hunc Martis Endimionem quamvis castrense demulcet cubiculum, Martialem tamen per tubam surgit excitatus. Nec diuturna Morphei remora bellatricem diutius animam detinere valet. Fulmineo non testudineo passu ad obeunda Gradivi munera properat volatque, cui heroa virtus De-

*) Этой рѣчи предшествуетъ ея схема, слѣдующій силлогизмъ:

Maior. Quem bellatorem digne praemiari non possumus, illum in animis foveamus, et lavdibus aeternis proseqvamur.

Minor. Sed N. N. vivum bellatorem digne praemiari non possumus;

Conclusio. Ergo illum in animis foveamus, et lavdibus aeternis prosequamur.

daleas dedit et aptavit pennas: Heros enim animus fulmine otior alis. Non unus Perseus quamvis pedes, giganteo tamen pede per hostiles grassatur cervices, et quidquid in arena Martis tetigerit, rosa fit. Ergo haec est heroum superbia, per hostica duntaxat ince dere capita? Haeccine Tamerlani erat dexteritas per Baiazetis cervicem ascendere equu^{m}? Ergo Alexandrum non nisi Philippicus noverit Bucephalus? per quem edomitus alterius quaerendi imperii Delphicum Macedoni explevit oraculum. Bellator certe est (л. 28 об.) fulmen hostium, flagellum adversi Martis, viva adversariorum mors, patriae vindex iniuriae, mortisque contemptor, ipsis plane periculis periculum. In accessa oppugnat propugnacula, Troiana scandit pergama, superbum denique proculcat Ilium, Capitolinum vocali Deae Templum erecturus. Extra Graeciam neobellator hic Achilles, cuius heroicus ensis toties innumeros vulneravit hostes, toties inflicta patriae sanavit vulnera. Stat in arena Martis valuti Marpesia Cautes, tonantem etiam contra Iovem superbam gerit cervicem, omnibusque fulgurantis Olympi furoribus, pluviosis frigidisque Aquilonibus unicu^{m} obstaculum. Absit hic nocturna non nisi Atheniensis vigilantia hic fulminatricis aquilae pullus irretorta palpebrâ Martiales excipit ignes, et solo aspectu obstantes pulveris dissipat nubes. Non solus anser Capitolinus vigilando triumphavit; en novu^{m} fabulosam extra Poésim Argum centoculum, cuius pr(o)vida patriae vigilantia coelesti solis lunaeque testimonio approbata. Desinat iam gelidis innutrita auris arctos fatales iactare minas, hic Martem spirans Athletes Aetneo plane amoris exestuat incendio, frigidumque fugat Bootem. Martialem denique campum proprio aluit alitque cruore, ut in premium tanti muneris communis mater triumphales ipsi parturiat laureas, victricesve progeneret herbas. Felix hoc sanguineae diluvium

Bellone, quod faerales adversantis Gradivi extingvit ignes. Chironia toties impavido pectore suscepit vulnera, ne fortunata patriae senciat valetudo. Exundantem heroum sanguinem, avream Palladis crederes pluviam, quâ ferrea quoque patriae saecula deaurantur. Non novit vel patriae parcere vitae publicae sator felicitatis, cadit ut surgat (л. 29) in aeternum, occidit ut oriatur, extinguitur ut luceat, moritur denique ut vivat innumerabilium Phenix saeculorum, damnatur ad mortes, non tamen Letheas damnatur ad undas. Quis ergo tanta herois recte facta condignis laudibus coronabit? cuius heroa virtus omnem laudum excessi mensuram. Loquacem eius nominis erigamus statuam, sed hanc invida fata Teonino[1]) dente conterunt, consumunt. Synadicos animabimus eius simulacro lapides, sed nihil est, quod fatorum non adoret imperia. Triumphales eius nomini exponemus columnas, verum et has malesvadus temporum livor penitendam verti in ruinam. Invictoriosos arcus marmora lunabimus, sed invida temporum sors arcu faeralia eiaculatur tela (?), intentumque rumpit, destruit nervum. Aeternatura instaurabimus trophaea, verum et illa deflendam migrant in tragediam. Victrices ipsi dabimus laureas, victricia serta nectemus, ast haec vanam Cleonis involvunt adulationem; Et lavro faeralis inseritur Cupressus. Heroicam ipsius gloriam vocalia teatra decantent, his tamen inevitabile fatum novissimum indicit Silere. Frustra ingeniosus Rhetor in plumi calamo agilem armat dextram, et ingeniosas elimat panegyres, nam dextra per moram fatorum fatigata deniscit; eiusqua praeconia meras tantum loqvuntur diras. Nullibi enim gloriosa Heroum virtus perennat, quam in corde aeternitatis arce, nullibi tutius de memoriae fuga triumphat, quam in animo affectuum do-

Condigne praemiari non possumus.

Illum in animis foveamus.

[1]) Такъ въ рукоп.; чит.: leonino.

micilio. Hic bellicis innutrita laudibus mens sua metatur stativa, hic perennaturas diuturnis laboribus concedat inducias, hic solennes emerita virtus habet ferias, ubi nec tempus edax, nec ulla fatorum invidia, nec adversantis fortunae incursus incolam mortalium animorum evertet virtutem.

об. л. 29.

Minor.

Sed Chmielnicium bellatorem condigne praemiari non possum.

Jam hic erubesceret ingeniosus hic Phidiae labor, si praeclara Evropei Martis Bogdani Chmielnicij recte facta in saucijs marmorum fibris avderet exarare, ut sic ingeminata aeternitatis imagine vivat in aeternum. Falleret hic promptum ad artificia Lusippi ingenium, si heroica tanti herois facinora perennibus perennis Cedri medullis inserere praesumeret. Hic enim Rossiacus Leonides Corsunenses intra Termopilas insolentissimum Poloniae Xerxem Potocium memorandâ clade fatigavit, fatigatumque in Baiaseticam Geticae servitutis recepit caveam: ut sic melius triumphatus quiesceret Triumphator. Ipsos quoque Corsuniae montes auxiliatores Chmielnicio Ductori evenisse crederes et perfidos contra Polonos coniurasse, dum Lechicae impatientes superbiae, Lechico calcari pede recusarunt, grassabundos Lechidas lutosam in vallem Stygiam veluti paludem deiecerunt protruserunt. Avida cruoris communis mater non unum Poloniae Curtium immenso devorabit hiatu, ut tanta societate ulteriorem in Polonos compararet famem. Ipse quoque fluviarum porens Neptunus adfuit Rossiacis Laconibus opportunas daturus suppecias, patriamque Lechiadum navem imperioso tridente concussit, concussamque deflendum coniecit in profundum. Quid memorent Pilavenses Podoliae Cannas, ubi uiratus ad Aras(?) hic Annibal, felicius tantam Lechici exercitûs delevit multitudinem, ut pleno saciatus triumpho effrenatum in cedem Poloni, militem illo detinuerit

imperio; Parce miles ferro. Ille tot victoriarum lusor ad Pilavem Poloni orbis pilam iactavit, dumque sic martialibus (л. 30) lusit in Olympiis, universae Rossiae ad libertatem, sibique praelusit ad aeternitatem. O coelo celebrandum eiusmodi lusum! O inavdita heroica virtutis Olympia! In Pilavensi Isthmo ad aras Neptuni adeo cum Polonis exercuit ludos, ut victor evaserit, victimamque Polonos effecerit ipsi consecrandam. Erubuit hic Lechiadum sanguine Poloniae Thrasimenus, ignobilis licet a tanta purpura novam sumpsit nobilitatem, utpote hoc decore insignitus. Zbaraziano in caelo duo Poloni luminaria poli bini scilicet Duces fatalem tolerarunt eclypsim, dum Phebus Rossiae Bogdauus a communicanda ipsis abstinuit luce; et ne adventicio aliunde gauderent splendore, erraticis illa Tauricae munivit syderibus, et faeralibus Martij pulveris nubibus cinxit. Superbum Zbarasiorum principum Ilion ne Polonis serviret armis, turrita sua capita per Chmielnicii ferrum amisit decollata, et sic victorem ipsum vel invita adoravit ruina. Nec sua Regem Poloniae ad Zborovum fulminatrix ivit aquila, quia heroico ferro fulmineas ipsi demessuit alas Chmilnicius, eiusque fulmina tormentariis extinxit fulminibus. Ucrainensis *Bombardarius* fulmine otior alis, inopino casu Lechicam adortus avem, ipsos Zbarovianos inter vortices faeralem ipsi comparavit nidum, ne peteret nimium sublimia pennis. Hic iam Polona Aquila a se ipsa degener facta, non modo Rossiacum tolerare valuit solem, verum etiam castrensi calligine nativam hebetavit aciem: ei sic Magistro Chmielnicio vel invita caecutire didicit. Et quae nuper magna Orthodoxae Ecclesiae cum iniuria ucrainensem permeabat aerem, hodie aucupem per Bogdanum ferreis illaqueata retibus, in deformem servitutis coniecta caveam. Et ne Martiales interiisset per ictus (л. 30 об.), in praemium suo aucupi opportunam concessit libertatem, hisce sortem suam deplorans verbis:

Heu patior telis, vulnera facta meis

In hac ipsa aquila, nullam cernere fuit aquilam, solam non nisi testudinem, ubi amissis pennis infamis pedes reptavit per strata pullorum ossa aegre patrium rediit ad nidum. Obstantem ad Batohum viae remoram Lechiadaш per Ulissem comparatam celeritate victoriarum devicit, ut pateat; Nullam virtuti inviam esse viam. Malum consilium, consultari pessimum est. Viatori Chmielnicio polona sic obstitit pertinacia, ne amplius obstiterit, victorique suo propriis ossibus triumphalem sterneret viam, in desponsatam Ucrainensi *Bombardario* Valachiam. Nec illae lechicae Termopilae hunc detinuêre Xerxem, in quibus triumphatorem suum Chmielnicium proprio exceperunt casu. Tanta heroicae virtutis Appia, talem decuit victorem.

Conclusio.

Ergo illum in animis foveamns.

Ergo tanta Chmielnicianae virtutis decora in faerales delabentur umbras? ergo perennatura ipsum tacebit fama? an fatalibus splendor eius extinguetur umbris? procul Dii tantam avertite pestem, tanta Ducis huius merita digna cordibus nostris coronari, in perenni universae posteritatis memoria perennare. Et qui mortiferos enses in salutifera moscovitici federis vincula arcuavit curvavit, modo iam mortalibus esto federatus animis, ut ipsâ morte perennaturam vivat vitam.

№ 2.

Praxis in Funere Chmielnicii.

Maior.

Nie trudno o krwawe łzy rzewliwey Oyczyznie, gdy iey heroniczne w oczach stoią. Krwią raczey, niełza mi takiego opłakiwać, ktorego synowska od-

waga Oyczyznie swoiey primum nivens odważną wypłaca smiercią, ktora dotąd na tryumph dziedziczney Sparty intra victoriarum purpuras iasniała, iuż tragiczną sprofanowana żałobą tak dalece, że słusznie sobie pospolita wszytkich (л. 32 об.) kondolencia ową Isabelli Cesarzowey epigraphe na kawalerskiey tarcże rysować może; Par nulla figura dolori. Jakoż każda Oyczyzna na Marsowey swoich dziedzicow odwadze wszytkię swoię osadziła fortuny, ktorych to gardząca niebespieczęstwami impresa na nieprzyiacielskie insulty piorunem leci, żeby tylko kwitnąca oyczyzny całość w swoich nieszwankowała dobrach. Jać to iest misterna oyczystych woiennikow harmonia w Marsowey komitywie, in amora firmo ku oyczyznie matce swoiey fundować się, y swemi piersiami, niby wiekuistym dobro iey obwarować antemurałem, żeby ią przez swoią nieostrożność na iatki nieprzyiacielskiey dyszkreciey nie wydali. A tak takowa onych odwaga tego na boleiących dokazuie animuszach, żeby nuncias doloris lacrymas krwawę łez krynicę z upłakanych oczow wycisnęły. Zkąd niedarmo Rzymska starożytność w nagrodę rżycerskiey dzielności swoim kawalerom lubo w samey incineraciey solenną sprawowała pompę, kiedy ich nie tak pod grobowy kamień, iak na wieczności marmuru z wielkim in cera predecessorow apparatem prowadziła. Dopioroż przy takiey swoich woiennikow ruinie, y Sama Oyczyzna ostatnią oddaiąc waletę, bogatę z upłakaney zrzenicy influenciey dobywa, za swiadectwem Mantuana;

— — | — ⏑ ⏑ | — — Miserabile carmen
Itegrat, et maestis late loca qvaestibus implet. Minor.

Jawnym tey oyczystey alternaty dokumentem został Jasnie Wielmożny Bogdan Chmielnicki Hetman Zaporoski, ktorego cineres zawisna Oyczyznie naszy (л. 33) Cloto z Marsowego pola deflendâ metamorphosi w

żałosne przeniosła Mawsoleum, y ktoremu przedtym prawowierny Mars primas inter acies pod Korsunskich Termopilach z Polskich nieprzyiacioł spolia rzucił, tego dziś męstwo y odwaga za spoliał smierci podana, heroiczny zynoch cw ostatnią sobie metam w rycerskiey naznaczyła mogile. Ten to na Polskich Typhaeuszow fulmina de coeli iaculatus Jupiter arce; y ktorzy przez rozne machinacie na zgube iego czatowali, na nich że vertit in avctores pondera vasta suos. A co większa samych Hetmanow w tymże olbrzymskim zawodzie po krymsku wtroczywszy, w Tawrykanskim osadził kasztelu. Jeżeli bowiem zdrętwiałemu ięzykowi głosnobrzmiąca potomnych wiekow sława żałosney dodaie peroratywy; si verbis audacia; sama to korona Polska temu Annibalowi przyznać musi, że Pilawiecki Thrasimen tak dalece Polską zafarbował posoką, że y sam super clade misertus oney, niepohamowaną w swoiey kawaleryey gonitwę oycowskim hamował ordynansem; Parce miles ferro. Pamięta, y na wiekuistym rysuie marmurze tego Rossyiskego Leonidy odwagę, pyszny Zbaraski Ilion, kiedy gą niezliczonym oblorykowawszy woyskiem ognistą tak dalece pszywitał gradą, że przy takiey salwie w swoich belluardach nie mogąc się roborować, musiał w traicznych zostać obalinach. Ażeby w dalsze lata hardey niepodnosił głowy, armatnym ią podkroił piorunem; Dopioroż tam altis impressit moenibus hostile Mars aratrum. Nieunoszony w swoiey dumie orzeł Polski na Zborowskich popiołach y mogiłach oyczystę sobie gniazdą ściele, w ktorych iegoż orlęta od Chmielnickiego Marsowym [об.) okurżone dymem funesto lapsu zaległy, y lubo się sam z małoważnym gniewem po polach Podolskich silił y sforował, iednak że fatalną zalterowany sympatyią Wulkanowemi niemogł piorunami Ladzkiego ratować Jowisża, y w silach swoich zwątlony

temu Tamerlanowi Ukrainskiemu in Gradiwi caveam popadł ułowiony. Gdzie tento victoriarum avceps heroicznym żelazem białopiorę iemu ogoliwszy skrzydła, do takiey gą przyprowadził desperaciey, że po sobie płaczliwym poglądaiąc zrokiem całemu swiatu intonował;

Hev pacior telis vulnera facta meis.

A tak przy słuszných tractatach Zaporoskim Lakonczykom lubo poniewoli złotą pozwoliwszy wolność, ledwo się sam z tych feralnych Labiryntow dobił, y opieszały zaledwie żolwim krokiem z ostatkiem lotnych pior do dziedzicznego uskrobał gniazda.

Takowe tedy swiętey pamięci Jasnie Wielmożnego Bogdana Chmielnickiego heroicznych czynow ornamenta nie tak pamięci w potomnych wiekow zazdrosna skasowała Libitina, iako raczey funeralnym zprofanowała prochiem; ktoremu (co kawalerskiey cnocie należy) lubo nieprzyiaciel, Polski Mantuanus w swoiey woynie domowey pszypisał;

—|—|—|—|—|—|—‖—|—|—|—|—|—.

Ni owszem mąż wzgardzony yle ktory znaiąć,
I woyne y litery w woysku niemniey wzięty,
Iako ztąd był humorem niezmiernym nadęty (л. 34)
Że kiedy Krol Władysław woynę onę knował
Przeszkodzoną do Turek z nim komunikował,
Naprzod o tym, y wielki reiment mu dawał
Morskiey wszytkiey armaty. —|—|—|—|—|—.

Conclusio

Zaczym ktory taki afekt Preficas arcere może, aby po tak wielkim Hektorze od serca Oyczyzny niepohamowany żal swoim odwrociły płaczem. Stawiła się dosić niegdyś wspaniało na pogrzeb Meandra, Baktryianska starozytność, kiedy oney coniurati cives de parentando (?) temuto swemu Koronatowi certować tak dalece usiłowały, że propter motus internos y dla zgody onego cinerum rowną sobie uczyniły exdywisię, żeby mu wszędzie surgentis Capi-

tolia famae na znak wdzięczności wystawiły. Zaczym y tu parentando Iasnie Wielmożnemu swiętey pamięći Bogdanu Chmielnickiemu, należy każdemu prawowierney Oyczyzny Synowi oto się uganiać, żeby wytoczoną sprzysiążonego serca krwią bogato iemu grobowiec malował; y nie tak Mavsoleum, iako pod samym sercem wiekopomną iemu iako Patri patriae post fata wystawiwszy strukturę, wiekuistym onę przyozdobił afectem, y taką iemuż na serdecznym marmurze wdzięczność rysował;

Hic ille manet post fata superstes.

№ 3.

(л. 67.) **Emblemata de Obitu Piae Memoriae Illustrissimi | Lazari Baranowicz Archiepiscopi Czerniho | uiensis ex Nomine Lazarus.**

Parcae super urnam loqvuntur ad se: Придѣте ѵбыемъ его. Lemma supra: Совѣщаша да ѝ Лаꙁара убыю҃тъ. In Coelo anima eius apparet glorificata. Epigraphe supra: Не бо́тесѧ ѻ҃ ѵбывающ҃ѧ тѣло дѵшуже не могѵщ҃ѧ ѵбытѝ.

Nadaremniescie Parki na to się zmuwiły,
Abyśćie y Lazarza okrutnie zabiły.
Nie barzo mu w tey mierꙁe wiele zaszkodzicie,
Choc gą smiertelnym razem na ciele zranicie.
Oto gą Bog upewnia, nieboysię ty zgoła,
Gdy kto ciało zabije, duszy niepodoła.

Angeli ferunt Lazarum in sinum Abrahae. Lemma: Бꙑ҆ же ѵмрѣти Лаꙁару, и несе҆ну бытѝ на лоно Авраа҃ле. Superne gloriose apparet lectus. Lemma: Придѣте ко мънѣ всѣ тр҃удающиѣсѧ҃. (л. 67 об.)

Grob Mawsola takim był kunsztem wystawiony,
Że w siedmiu swiata cudach bywał policżony.
Daleko iest chwalebnieysza Lazarzowa dola,
Ktorego nie w przepyszných gropszżtynach Mawsola

Ale na pożądanym łonie Abrahama
Assistętow niebieskich składa ręka sama.

In tumba iacet qvasi dormiens. Lemma: Лазаⷬ дрꙋгъ нашъ ѹⷭпе. Superne vero apparet glorificatus. Lemma: Ѧзъ ꙋснѹⷯ и спаⷯ востаⷯ.

Niezna się cnota z smiercią. Ten tylko umiera,
Komu nie ziema, ale pieklo grob odtwiera:
Kogą zaś umartwienia y pracy zwędziły
Temu nie smierć zawiera oczy, lecz sen miły.
Spisż po pracach Lazarzu, nie martwyś w tym grobie,
Oto y sam Bog Słowo toż swiadczy o tobie.

Lazarus dormit in tumba, cui velut Iacobo Patriarcha sub capite lapis, et ibidem ad caput scala coelum tangens. Epigraphe: Лазаⷬ ꙋспе, и҆ взѧ҃тъ каменъ, и҆ положѝ возглави҆е себѣ, и сонъ ви́дѣ листъвѣцꙋ.

Smaczno niegdyś spał Iakob, co w tym za przyczyna?
Bo wezgłowkiem był iemu kamień y drabina.
Kamień Chrystus, drabina sama Matka Boża,
O iak wczesne z takiemi wezgłowkami łoża! (л. 68).
Ciebię sżczęsliwym każdy Lazarzu nazowie
Gdy tę oba wezgłowkię spiąć masż przy swey głowie.

Emblemata in Eundem ex Cognomine Baranowicz.

Mors tondet vellera agni. Lemma: Агнецъ прамо стригꙋщему его безгласенъ.

Są tacy, ktorzy na smierć cieżko narżekaią,
Gdy ich dusże żałosnie z ciałem się rozstaią;
Baranowiczowi zaś smierć niezasżkodziła
Choć mu ciało od swiętey dusży oddzieliła,
I nie dziw, bo baranka namniey to nie boli
Choć gą pastarz z pięknego runa precz ogoli.

Alia in Eundem

Agnus aperiens septem sigilla vitae. Lemma: Дѡстоѣнъ є̑ Агнецъ пріѧтіи̑ книгу, и ѿвєсти печати еѧ. Апокалѣп. є̑.

Wiele takich iest, ktorym do księgi żywota
Siedm grzechow, iak pieczęcy siedm zawarły wrota;
O Baranowiczu zaś y wątpić nie trzeba,
Że w księgi żywota zapisały nieba.
Ma bowiem ten Baranek na grzech siedmioraki,
Iak siedm rogow, siedm darow szturm nieladaiaki.

Archiepiscopus seminat, cui mors semen in infula porrigit seminandum. Lemma: ѵ̑Ꙁи̑де сѣѧй сѣмене сѣѧтн̀. (л. 68 об.)

Чесо радн̀ сей Настн̀ръ сѣмѧ свое сѣетъ?
ѵ̑Нлн̀ словє̑нимъ овцамъ брѧно не довлѣетъ?
ѵ̑Нлн̀ є̑ неплѡнаѧ сє̑децъ нашн̑ нн̀ва?
Тѣмъ же его требуетъ ѯ тако̑ дѣлѣ жн̑ва.
Сей є̑ добрыи̑ нашъ Пѧтиръ, аще и вѡмє̑ти?
Но лю̑бовъ его ко нѧ не можетъ ѹмє̑тн̀,
Понеже ѯсє̑да своѧ словє̑наѧ стада,
ѿ вѣчънаго желає̑ сохранити глада.

Archiepiscopus tendit, cui viam gladio mors preparat et expurgat. Epigraphe: Тако подобаше во ѧ̑ав ѹ ѯнн̑тн̀.

Камо Пѧтыру градешъ? н̀ ѯ кр̃не странн̀?
ѵ̑Нлн̀ во пѵтиню Дх̃ѹ мѧтн̀сѧ данн̀?
К' то̑ пѵтн̀ ѧкъ тѧ тє̑питъ смє̑тънее забрало?
Крестънн̑ жеѕломъ притупн̑ еси смє̑ты жало.
Вѡду нашъ не тебѣ смє̑тъ, но ти смє̑ти стр̃анін̑
Понеже твоѧ бодро стр̃а нанѧ ѯсегъдр̃анін̑
Тѣмъ же тебѣ пѵтъ ѯ Небо нынѣ ѹстъроѧетъ,
Тебѣ послѣдовати вє̑ миръ наѹчаетъ.

Arca Noemitica in montibus Arar, in qva Archiepiscopo stanti columba ramum olivae defert. Lemma: Сѣде ковчє во мѣсѧцъ сємй на горахъ Арарацъкихъ. (л. 69).

Се вторы Ное в Росиѣ ѧвисѧ,
Живъ, й в гробъ зєнни вдворисѧ.
Котрого кочегъ по житєскомъ морй,
Бгъ вознесе на Болъдынъскйе гори.
В томъ ковчеѕѣ о мйръ мйрѣ ꙋ Бга просн,
Й се голубица днє мй емꙋ прйносйтъ.

№ 4.

(л. 90 об.) **Praxis in Funere Herois dicti nomine Podcowa.**

Smierć pień kożdemu na drodze dożywotney. Maior.
Moi Mosci Panowie. Niemoże onego minąć y sam stooczny Argus. Tać to nie ustrzeżona kożdemu zawada, kogokolwiek zyczliwa natura w dożywotną wyprawiła antagonię, choc by soleatus był, iednakże o ten fatalny (л. 91) pień zawadzić musi, y gwałtownie w traiczne lecieć Mavsoleum. Sliska ludzkiego życia droga, na ktorey mało stać, a zawsźe upadać; na tym dożywotnym goscincu kolią zawsźe okrutna poiezdza drogą, y nikomu z drogi nieustąpi, y owsźem hacźystemi zawadami zatrzymuie viatores, dopieroź od nich niby cełniczką per communem moriendi sortem, mortalitatis trybut y mito wyciąga y bierże, ani przeiazd ani przechod wolny, y nie ynną monetą, tylko drogim naymilsźego źycia kleynotem opłacony. A cowiększa nielitosciwy na każdym pokłada aresźt, y ze wsźytkim werbuie, iako satiricus polski opiewa: Fatis omnia tradimus. Na ten pień w dożywotnym swoim biegu y Ie. Mść Pan Podkowa trafił, y tak o niego zawadził, źe retro cedere niemogąć, y owsźem z tąź werbowniczką pasuiąć się, przesylony a prawie

pokonany, ulawrowaną swoią głowę na Marsowey położył Pharsaliey, a sam iuż stat tacitus cinis, cui serus inscribat viator. Tać to Podkowa na Tawrykanskich, na Tureckich, na Polskich polach wiekopomnę impressit vestigia, na ktorey niby Poliphemowy dzwięk y odgłos nieraz Othomanska porta kołysać się y upadać musiała; y Sam Euxinus z swemi się mieszał nurtami:

— — | — ◡ ◡ | — — | — ◡ ◡ Pontes et omnes
Intremuêre undae, penitusque exterrita tellus
Hostilis. | — ◡ ◡ | — — | — ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — —.

Nieieden Polskiego Wulkana Cyclops tę Podkowę w Marsowym ogniu, w Marsowych upałach na nikcźemne obrocić ulomki usiłował, iednakże płonną tylko ukątętowany nadzieią; y dla tego iey mądry Symbolista wiekopomną przypisał epigraphę: Adversis non frangitur: y co niegdyś tenże Stambulskiemu Xięźycowi o niey intonował; *Luce seâ tecum* (л. 91 об.) *certare parata*: Toż samo effectuatum nieraz cały swiat wydział, gdy mu harde rogi przytarła; Tak wiele razy Polskiemu Orłowi drapieźne połamała pazury, że widząć ciężki a prawie nieznosny na sobie paroxism, trenował; Eheu ludimur et ludimus inscii. Sławnym Graeckiego Panstwa procederem starożytnośc przy inavguraciey swoich Koronatow, w ręku misternych Architektow rożne presętowała kamienie, aby przy Caesarskim Tronie, miasto arabskich minerow, przy pierwszym na Panstwie ingresie, elekcię w kamieniach czyniłi, z ktorychby sobie wiekopomny wystawiać grobowiec mogli. Stawiła y teraz zazdrosna Lachesis fatalny, bo ruinie ludzkiey deponowany kamień z ktorego sobie w Bogu zeszły. Ie. Mść Pan Podkowa w Marsowey biegły będąć architekturze, nie tak grobowiec, iako raczey aeternitatis wykował monumentum, y na nim krwią nieprzyiacielską sobie ad memoriam, a smierci samey

ad invidiam, tę przez Tomitana epigraphium zapisuie;

Licet hanc saevo vitam mihi finiat ense,
Me tamen extincto, fama superstes erit.

Skryty to y niepoięty Boskiey prowidęciey forteł, że za ordynansem oney, architektorka smierć tę Podkowę grobowym kamieniem, y nieprzyiacielską posoką poleruie, żeby ią z bogatszym splędorem całey wiecznośći presętuiąć, w Empireyski skarbiec y deposit ferowała. A tak lubo ta Podkowa, ta rycerska całey Rossyskiey oyczyzny podpora, teraz nam przez łakomą Libitynę wydarta, iednakże oney y w smiertelnym prochu Rzymski Mowca wiekuistą przypisał stimę. O fortunata mors, quae naturae debita, pro Patria est potissimum reddita. A żeby po tak niespodzianey oyczystego kłeynotu (л. 92) utracie zaiątrzone serce w rzewliwych niepracowało żalach, samże nas post fata superstes Ie. Mść P: N: przez Enniusza upomina: Delusio.

Nemo me lacrymis decoret, nec funera fletu,
Faxit; cur? volito namque perora virûm.

Сообщилъ **В. Перетцъ.**

Неизданное произведеніе Варлаама Ясинскаго.

Сие знамение явися на воздусѣ в земли венгерской надъ градомъ нарицаемымъ Коссовия, лѣта 7180-го, мѣсяца октября отъ пятаго на десять числа, и пребысть до такова же числа мѣсяца ноября по пятый на десять день, во дни и в нощи, 4 недѣли, совершено видимо бысть всѣми. Тамо не бысть сихъ словъ А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. S. З. І. И. К. Л., но токмо ради рассуждение (sic) положены суть *во* извѣстныхъ нѣмцовъ[1]). Сие азъ видѣвше и счетавше і у нѣкоихъ сие толкование премудре мнящихъ людей, еже могохъ воспомянути, *сие* нишу. Вопервыхъ, *и*дѣже Словы А. А. А., проявишася три солнца, образомъ черно огненный и страшный сверху; чрезъ нихъже являетъ трехъ монарховъ християнскихъ: великаго государя [2]), кесаря християнскаго і короля польскаго; сия три солнца соединяютъ три радуги небесныя, являюще собою согласное смирение и миръ; а гдѣ же Б. В. Г. аще и печалию, яже печаль являютъ; верхняя же радуга образомъ светла, средняя черна, решетчита, или яко углиемъ осыпана; исподняя лазорева, оболочиста. Тамо, ідѣже Д., оказася четвертое солнце, имѣюще въ себѣ знамя полмѣсяца на землю рогами. Подъ симъ мѣсяцомъ два креста черныхъ и суть знамя турское противъ двоихъ крестовъ, еже являетъ царя турскаго войну или брань на двоихъ християнскихъ царей: на короля польскаго (соблюди же господи)[3]) и на великаго государя[2]), или бли-

---

[1]) Смыслъ: въ дѣйствительности не было А. Б. и т. д.; эти буквы поставлены на рисункѣ для ясности свѣдущими нѣмцами.

[2]) Т. е. царя.

[3]) Скобокъ нѣтъ въ оригиналѣ.

жае паче—на кесаря християнскаго. Тамо, идежѣ Е. Ж., показася сабля турская подобиемъ сребра блистающагося, вся подиравлена, воюющa на крестъ християнскій. Тамо, идѣже **S**, показася на копи(sic) знамя турское, огнемъ осыпаное; на другой сторонѣ копья прапоръ, а на немъ шесть полумѣсяцовъ, являюще войну, но дай Господи, чтобы не на шесть лѣтъ, или бы хотя на шесть мѣсяцовъ; отъ того знамения и копья огнь отпадши на землю являетъ войну и брань огнемъ и оружиемъ. Тамо, (идѣже) З., показася гранатъ стреляющь на три страны огнемъ, сребру подобный; проявляетъ заступление и защищение отъ триехъ монарховъ християнскихъ. Тамо, идеже И. І., показася пушка противо знамени и сабли турской, отъ сего солнца, яже близь многихъ крестовъ; которая въ дватцать четыре часа четырежды стрелила (было слышати и огнь видѣти, якоже есть і звычай отъ нашихъ пушакъ), проявляетъ крѣпкое і силное защищение и помочь православнѣйшаго великаго государя и манархи христьянскихъ; і сия-та пушка подирави та всю саблю турскую. Тамо, идѣже И., показася при заступленіі і защищеніі око смотрения іли провидѣния божественнаго, смотряюща на вся знамена лучами своими. Тамо, идѣже К., показася крестовъ много черныхъ, числомъ 21, являюще много печали. Да(sic) Господи, чтобы не на много лѣта. Тамо, идѣже Л., явися огнь на земли, горяше[1]) и ожигая траву, и терзася на земли, егоже смрадъ яко отъ сѣры горящей слышати было. Сей же огнь, отпадшіі отъ знамени і отъ копья турскаго, пребысть во истинну на земли горяще.

Тако чтохъ и слышахъ і сие памятствую. Варлаамъ Ясинскиі, ректоръ братства Киевскаго.

Мы взяли этотъ текстъ изъ Румянцевскаго Хронографа XVII вѣка № 413, л. 1897[2]).

Повидимому, передъ нами нѣчто въ родѣ донесенія Варлаама Ясинскаго царю, имѣющее отношеніе къ начавшейся въ 1671 г. войнѣ

---

[1]) Горяще?

[2]) Извѣстны еще два списка—Уваров. № 1941, XVIII в., л. 372 (здѣсь годъ—7181 =1672, городъ—Касавія) и Русск. Археолог. Общ. № 40, кон. XVII—нач. XVIII в. (здѣсь подписи Ясинскаго нѣтъ).

Москвы съ турками изъ-за Дорошенка. Оно сообщаетъ о небесномъ знаменіи, видѣнномъ въ Венгріи въ городѣ Кашау въ 1671 или 1672 г., и объясняетъ это знаменіе, какъ предзнаменованіе побѣды надъ турками.

Несомнѣнно, оригиналъ Ясинскаго заключалъ въ себѣ не только текстъ, но и рисунокъ, которые были заимствованы Ясинскимъ изъ одного изъ многочисленныхъ въ то время летучихъ листковъ, замѣнявшихъ современникамъ Ясинскаго нынѣшнія газеты (на нѣмецкомъ или на польскомъ языкѣ).

Сообщилъ **А. Соболевскій.**

Отдѣлъ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы.

Истекшій 1899-ый годъ иногда называли и называютъ Пушкинскимъ годомъ, и въ этомъ есть не малая доля основанія, такъ какъ Пушкинъ въ прошломъ году долго останавливалъ на себѣ вниманіе, подчасъ весьма горячее и даже жгучее, въ области не только литературы, но и общественной нашей жизни вообще. Раздавались замѣчанія, что чествованіе памяти поэта въ истекшемъ году получило характеръ всенароднаго россійскаго торжества, затмившаго своей всенародностью и широтой распространенія все предшествовавшее и явившагося какъ бы первымъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ надеждъ поэта:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.

Слѣдя за сообщеніями о приготовленіяхъ къ чествованію въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, можно было замѣтить, какъ приведенныя слова поэта сбывались почти буквально. Центръ и окраины, столицы и провинція слились въ одномъ стремленіи — достойно отпраздновать великаго всеобъемлющаго дѣятеля, у котораго для всѣхъ нашлось что-то близкое, родное, способное будить и волновать лучшія чувства, и провинція не отстала отъ столицъ, а пожалуй и превзошла ихъ кое въ чемъ.

Чествовалъ память поэта цвѣтъ нашей ученой и литературной интеллигенціи, чествовала ее обыкновенная средняя публика, чествовали учащіе и учащіеся всѣхъ слоевъ; даже простой народной массы коснулись эти чествованія [1]).

Произносились и печатались рѣчи, въ которыхъ ораторы старались обрисовать образъ поэта въ его житейскихъ и поэтическихъ проявленіяхъ; появлялись и болѣе крупныя, обширныя сочиненія того же характера. Были устраиваемы болѣе или менѣе значительныя выставки всевозможнаго относящагося къ Пушкину и его поэзіи матеріала. Портреты и бюсты Пушкина, жетоны, снимки съ мѣстъ жизни и смерти его, иллюстраціи къ произведеніямъ его—обращали на себя вниманіе, если не всегда качествомъ выполненія, то зато количествомъ и доступностью. Издавались сочиненія Пушкина, сообщались новыя и припоминались старыя данныя, касающіяся жизни и дѣятельности его. Вышло достаточно всякихъ сборниковъ различнаго характера, посвященныхъ чествуемому поэту.

Въ Академіи Наукъ при Отдѣленіи русскаго языка и словесности былъ учрежденъ разрядъ изящной словесности и было положено начало особому фонду имени Пушкина для изданія произведеній русскихъ писателей, словаря русскаго языка и другихъ трудовъ 2-го Отдѣленія.

Былъ поднятъ вопросъ о постановкѣ Пушкину памятника въ Петербургѣ, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ; отчасти такіе проекты уже осуществились, или близки къ осуществленію. Въ память Пушкина устраивались общественныя учрежденія, открывались школы, и т. п. [2]).

---

[1]) По вопросу о степени распространенія Пушкина въ простой народной массѣ весьма любопытно вышедшее въ юбилейномъ году изданіе ярославскаго губ. стат. комитета: *А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи.* Труды Яр. Г. Ст. Комитета, вып. X.

[2]) Общую картину чествованія см. въ *Историческомъ Вѣстникѣ* за 1899 т, май, іюнь, въ „ Смѣси“—*Къ юбилею Пушкина*; ibid, іюль—*Пушкинскія празднества и ихъ итоги;* ср тамъ же А. П. Фаресова *Въ Святыхъ*

Словомъ, столѣтняя годовщина со дня рожденія Пушкина отпразднована была широко и разнообразно. Не обошлось, правда, безъ недочетовъ, шероховатостей, ненужныхъ фразъ и упрековъ; сквозила иногда искусственность и преувеличенность восторговъ... но это лишь тѣни, печальныя, досадныя, не закрывшія, однако, общей свѣтлой картины, о которой наглядно свидѣтельствуетъ юбилейная литература о Пушкинѣ. Необходимо еще замѣтить, что эта литература покамѣстъ не закончена и даже не вполнѣ приведена въ извѣстность, такъ какъ полнаго, систематическаго обзора ея еще нѣтъ и многія провинціальныя изданія для большинства недоступны и нерѣдко извѣстны лишь по названію [1]).

Значительнѣйшая часть напечатаннаго Пушкинскаго юбилейнаго матеріала приходится на долю журналовъ, изъ которыхъ по количеству удѣленнаго Пушкину мѣста особенно выдаются: *Историческій Вѣстникъ* за май, *Русская Старина* за май и отчасти іюнь, *Жизнь* за май, *К. Университетскія Извѣстія* за май, юбилейные номера *Міра искусствъ*, *Новаго Міра*, *Р. Филологическій Вѣстникъ* № 3—4. *Филол. Записки* III—IV. Четыре крупныхъ статьи посвящены Пушкину въ *Сборникѣ журнала „Русское Богатство“*. Появились и другіе, спеціально-Пушкинскіе популярные сборники, какъ *Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ, по поводу столѣтняго юбилея.* Изданіе Кіевскаго педагогическаго Общества съ иллюстраціями. Кіевъ 1899 г.—*Юбилейный Сборникъ историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ*, изд. почетнымъ попечителемъ С.-Петерб. 7-й гимназіи Н. Я. Романовымъ СПБ. 1899 г.—*Кавказская поминка о Пушкинѣ*. Тифлисъ 1899 г. и др. болѣе мелкіе. Срав-

---

Горахъ и Псковѣ 26—29 мая. Ср. также *Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина.*

[1]) Первымъ опытомъ библіографическаго обзора юбилейной Пушкинской литературы явился, насколько мнѣ извѣстно, *Указатель* Н. К. Кульмана въ *Пушкинскомъ Сборникѣ* Спб. 1899 г. Затѣмъ, см. *Пушкинскую литературу* въ *Извѣстіяхъ книжныхъ магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ*, № 9—10; то-же А. П. въ *Вѣстникѣ Европы* 1899 г. № 7; *Юбилейная литература о Пушкинѣ* Е. Еленина въ *Ист. Вѣстникѣ* №№ 7—8.

нительно цѣннѣе первый изъ нихъ, какъ по разнообразію и качеству статей, такъ и по изяществу изданія, снабженнаго многими портретами, видами и виньетками. Особое мѣсто занимаетъ Петербургскій *Пушкинскій сборникъ* (на память столѣтія дня рожденія поэта) съ офортомъ профессора В. В. Матэ 1899 г. Это прекрасное, большое изданіе посвящено памяти Пушкина, какъ показываетъ заглавіе, и украшено весьма удачной гравюрой съ портрета Пушкина, писаннаго Кипренскимъ; сборъ со Сборника поступаетъ на памятникъ Пушкину въ Петербургѣ; самыя же стихотворенія и статьи, входящія въ него, за немногими исключеніями имѣютъ весьма мало прямого отношенія къ Пушкину[1]).

Но журналами и сборниками юбилейная Пушкинская литература далеко не исчерпывается. Что же даетъ она?

Первое мѣсто въ ней должно быть отведено академическому изданію сочиненій А. С Пушкина: *Сочиненія Пушкина.* (Такъ какъ есть еще поэтъ Пушкинъ, Василій Львовичъ, то не лишнее было бы на заголовкѣ поставить инціалы имени и отчества Александра Сергѣевича). *Изданіе Императорской Академіи Наукъ, приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817) Спб. 1899 г.* Изданныя стихотворенія составляютъ лишь ничтожную часть Пушкинскихъ произведеній, но важно то, что сдѣлано начало къ изданію произведеній величайшаго нашего поэта въ такомъ видѣ, какого они заслуживаютъ; остается желать, чтобъ продолженіе не замедлило, и быть можетъ, юбилейный энтузіазмъ и тотъ успѣхъ изданія, на который указываютъ быстрая распродажа вышедшей 1000 экземпляровъ и необходимость переиздавать 1-й томъ почти вслѣдъ за выходомъ его въ свѣтъ, ускорятъ появленіе слѣдующихъ томовъ. Изящное по внѣшности и замѣчательное въ научномъ отношеніи, разсматриваемое академическое

[1]) Въ Харьковѣ также близокъ къ выходу въ свѣтъ грандіозный университетскій Пушкинскій сборникъ; сообщаютъ, что подобное же изданіе подготовляется въ Петербургѣ.

изданіе по типу близко къ извѣстнымъ уже академическимъ изданіямъ произведеній Ломоносова и Державина. Первой и главной заботой редакціи было установленіе правильнаго текста Пушкинскихъ произведеній; вторую половину труда составляютъ объяснительныя примѣчанія къ тексту. Въ видѣ *приложенія* дано 10 художественно исполненныхъ снимковъ съ двухъ портретовъ А. С. Пушкина, съ изображенія Александра I, сдѣланнаго самимъ поэтомъ, двухъ видовъ Лицея и съ автографовъ.

Свѣрка текстовъ и подборъ къ нимъ литературныхъ и историческихъ объясненій, представляющихъ нерѣдко цѣлыя изслѣдованія, произведены съ рѣдкимъ тщаніемъ, хотя и не безъ недочетовъ; прежде всего, странно бросается въ глаза, что Л. Н. Майковъ не могъ воспользоваться нѣкоторыми источниками, которые были въ рукахъ у прежнихъ изслѣдователей, находившихся далеко не въ такомъ привилегированномъ положеніи, какъ г. Майковъ. Затѣмъ, г. Майковъ въ основу положилъ не рукописи, а печатный текстъ, изданный при жизни и подъ наблюденіемъ Пушкина; рукописями же онъ пользовался лишь для тѣхъ случаевъ, когда достовѣрно извѣстно, что подлинный Пушкинскій текстъ былъ измѣненъ рукою цензора или другого посторонняго поправителя, или же когда текстъ былъ напечатанъ уже по смерти Пушкина. Такимъ образомъ, напримѣръ, правдоподобнымъ опечаткамъ изъ тѣхъ изданій, которыя выходили подъ наблюденіемъ Пушкина, открытъ былъ доступъ и въ академическое изданіе, но нужно ли намъ ихъ придерживаться, какъ и тѣхъ измѣненій, которыя дѣлалъ Пушкинъ не по цензурнымъ, но и не литературнымъ, а личнымъ соображеніямъ? Далѣе, изъ тетради 1817 г. Л. Н. Майковъ вводитъ въ текстъ исправленія 1825 г., а первоначальную редакцію сноситъ въ примѣчанія; но вѣдь для оцѣнки юношеской дѣятельности намъ важны именно юношескіе же опыты поэта, а не его позднѣйшія исправленія, вдобавокъ не доведенныя до конца, какъ это было отмѣчено однимъ изъ критиковъ г. Майкова. Наконецъ, въ области примѣчаній было отмѣчено излишнее обиліе догадокъ комментатора. Но въ

общемъ критика единодушно признала трудъ г. Майкова крупнымъ вкладомъ въ науку и юбилейную литературу [1]).

Кромѣ научнаго академическаго изданія, появилось нѣсколько популярныхъ, дешевыхъ т. н. полныхъ собраній сочиненій, преимущественно иллюстрированныхъ. Таковы, напримѣръ, изданія Сытина въ 1 и 2 томахъ: *Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина*, съ незатѣйливой біографіей, портретами А. С. Пушкина и многими иллюстраціями акад. А. К. Лебедева, а въ двухтомномъ изданіи и со статьями Бѣлинскаго. Изданіе занимаетъ средину между обычной Сытинской лубочной литературой и болѣе опрятными изданіями, въ родѣ извѣстнаго Павленковскаго. Подобное же дешевое иллюстрированное изданіе выпустилъ къ юбилею А. Я. Панафидинъ: *Сочиненія А. С. Пушкина.* Полное собраніе въ одномъ томѣ. Издано подъ редакціею П. В. Смирновскаго. Съ портретомъ Пушкина, его біографіей, факсимиле, видомъ памятника и рисунками М. Михайлова. Цѣна 1 р. 50 к. Москва 1899 г. Болѣе дорогимъ явилось изданіе П. Канчаловскаго: *Сочиненія А. С. Пушкина.* Съ портретомъ автора, художника В. А. Сѣрова, и 67-ью рисунками современныхъ художниковъ, съ приложеніемъ біографіи Пушкина, написанной И. И. Ивановымъ. I—Ш. Москва 1899 г. ц. 6 р. Изданіе довольно нарядно, но рисунки, въ большинствѣ случаевъ, своимъ настроеніемъ и характеромъ, сбивающимся на новѣйшія туманныя теченія въ искусствѣ, совершенно не гармонируютъ съ поэзіей Пушкина. Среди иллюстрированныхъ изданій отдѣльныхъ произведеній Пушкина особенно выдается изданіе книжнаго магазина Гроссманъ и Кнебель: *А. С. Пушкинъ. Бахчисарайскій фонтанъ.* Поэма. Иллюстрировалъ В. А. Суреньянцъ, текстъ печатанъ подъ редакціей П. А. Ефремова. Москва 1899 г. 112 стр. in 4. Цѣна 6 р., въ пе-

---

[1]) См. *Академическій Пушкинъ*, Б. В. Никольскаго въ Историческомъ Вѣстникѣ, іюль 1899 г.; Замѣтку г. Морозова въ Вѣстникѣ Европы № 8; рецензію въ Ж. М. Н. Пр. за 1899 г., ч. 326 и Пл. Краснова въ Книжкахъ Недѣли 1899 г. № 8.

реплетѣ 7 р. 50 к. Изданіе замѣчательно какъ исправностью и полнотой текста, такъ и художественностью иллюстрацій. Менѣе удалось московское изданіе А. И. Мамонтова *Руслана и Людмилы*, съ рисунками С. В. Малютина, въ древнерусскомъ стилѣ. Не останавливаясь на другихъ, дешевыхъ Мамонтовскихъ изданіяхъ, въ родѣ *Сказки о царѣ Салтанѣ*, аляповатаго подражанія лубочнымъ картинкамъ (ср. подобное же изданіе *Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ*, принадлежащее С.-Петербургскому Попеч. комитету о сестрахъ Краснаго Креста), или *Капитанской дочки*, въ стилѣ Павленковскихъ иллюстрированныхъ изданій Пушкина, отмѣтимъ художественное изданіе *Евгенія Онѣгина*; по внѣшнему виду оно напоминаетъ изящные иллюстрированные томики французскіе,—самые же рисунки въ общемъ довольно удачно передаютъ эпоху и типы романа, хотя лица часто оставляютъ желать многаго: *А. С. Пушкинъ. 1799—1899. Евгеній Онѣгинъ. Художественно-иллюстрированное юбилейное изданіе подъ покровительствомъ 1-го Дамскаго Художественнаго Кружка.* С.-Петербургъ. 1899 г., ц. 3 р. 50 к.

Нива выпустила *Юбилейный альбомъ въ память столѣтія со дня рожденія поэта*, А. С. Пушкина, съ массой разнообразныхъ иллюстрацій; юбилейные номера *Новаго Міра* и *Міра искусствъ* также полны иллюстраціями, относящимися къ Пушкину.

Своего рода иллюстраціей къ біографіи и произведеніямъ Пушкина являются альбомы юбилейныхъ Пушкинскихъ выставокъ, какъ *Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки* въ Императорской Академіи Наукъ. Составленъ подъ ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго, исполненъ и изданъ художественною фототипіею К. А. Фишеръ. 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр. М. 1899 г. Ц. 6 р.—*Альбомъ Пушкинской выставки*, устроенной Обществомъ любителей россійской словесности въ залахъ Историческаго Музея въ Москвѣ. Изданіе К. А. Фишера. М, 1899. Ц. 7 р. Цѣнно также: *Описаніе Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея*, составленное воспитанниками I класса LV курса С. М. Ас-

нашъ и А. Н. Яхонтовымъ, подъ редакціей завѣдующаго Пушкинскимъ музеемъ И. А. Шляпкина. Ц. 5 р. Какъ уже упомянуто было, иллюстраціями снабжены и нѣкоторые изъ сборниковъ; см. особенно сборникъ Кіевскаго Университета [1]), гдѣ помѣщены снимки съ видовъ Каменки и съ нѣкоторыхъ ея обитателей, имѣвшихъ отношеніе къ Пушкину. Для ознакомленія съ наличнымъ матеріаломъ о Пушкинѣ очень интересны каталоги выставокъ въ Академіи Наукъ и въ Историческомъ и Румянцовскомъ Музеяхъ въ Москвѣ; Московской выставкѣ много цѣнныхъ разъясненій посвятилъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* г. Якушкинъ, №№ 147, 148, 150, 152, 154, 156, 158.

Въ майской книгѣ *Историческаго Вѣстника* за 1899 г. воспроизведены автографы рукописей А. С. Пушкина, а именно: письмо къ А. И. Тургеневу (1823 г.), стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“ (1825 г.) и большой отрывокъ (стр. 29—68) изъ „Путешествія въ Арзрумъ“ (1829 г.), также 14 портретовъ, видовъ и снимковъ, въ томъ числѣ сдѣланныхъ самимъ Пушкинымъ. Семь собственноручныхъ рисунковъ Пушкина воспроизведены въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1899 г. за іюнь. Автографъ Пушкинской „Родословной“ приложенъ къ Кіевскому Университетскому Сборнику въ память Пушкина.

Остается упомянуть о школьныхъ изданіяхъ Пушкина, изъ которыхъ, какъ лучшія, назовемъ: *Избранныя сочиненія А. С. Пушкина для юношества*, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Подъ редакціей П. О. Морозова. СПБ. 1899 г.— *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*. Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга, 30 мая 1899 г. Съ портретомъ поэта и иллюстраціями. Изданіе С.-Петербургской Городской Думы. Составилъ, по порученію комиссіи по народному образованію, В. Н. Острогорскій. Ц. 50 к. въ переплетѣ.

[1]) *Памяти Пушкина.* Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго Университета св. Владиміра. Кіевъ, 1899 г.; статьи здѣсь тѣ-же, что о въ майской книжкѣ Унив. Извѣстій.

Новыхъ крупныхъ находокъ въ области Пушкинскихъ текстовъ юбилейный годъ не принесъ, но кое-что все же можно отмѣтить. Такъ, Д. И. Сапожниковъ издалъ *Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина* (Симбирскъ, 1899 г. и въ друг. изд.). „Это семь блѣдно-синихъ, толстыхъ листковъ бумаги, въ четверку каждый, съ отрывками изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ Лицеѣ". Кромѣ того, найдены также рукописи: „Замѣчанія на Анналы Тацита", элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" и „Замѣтка о холерѣ". Находки эти сдѣланы среди книгъ, оставшихся послѣ П. В. Анненкова, и, очевидно, побывали уже у него въ рукахъ. Въ *Русской Старинѣ* за май помѣщена переписка А. С. Пушкина и А. Х. Бенкендорфа, ранѣе частью вовсе не напечатанная, частью же напечатанная въ сокращеніи и безъ датъ; здѣсь 7 писемъ Бенкендорфа—Пушкину и 4 Пушкина—Бенкендорфу. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за іюнь, *Изъ неизданной переписки А. С. Пушкина*, напечатаны письма его къ кн. Вяземскому и къ Норову, а также письмо А. А. Дуровой къ А. С. Пушкину. Въ Петербургскомъ же *Пушкинскомъ сборникѣ* помѣщено новое письмо Пушкина—Дуровой. Въ *Русскомъ Архивѣ*, № 5—Письмо Пушкина къ В. Д. Сухорукову. Во 2 изд. книги Я. Грота—*Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники*, напечатано неизданное ранѣе ппсьмо поэта къ его лицейскому товарищу В. Д. Вальховскому. Недавно стало извѣстно, что И. А. Шляпкинъ нашелъ около двухсотъ строкъ, частью совершенно новыхъ стиховъ, а частью окончанія такихъ, которые до сихъ поръ считались неоконченными; кромѣ того, найдено много писемъ Пушкина и къ Пушкину. См. также въ *Р. Вѣд.* № 151 записку Пушкина къ Кисилеву.

Біографическія данныя Пушкина, обнародованныя и обработанныя по случаю юбилея его, гораздо значительнѣе и представляютъ много довольно важнаго[1]). Первое мѣсто и здѣсь за-

[1]) Полной научной біографіи поэта, кромѣ развѣ труда Стоюнина, мы не имѣемъ, и юбилей не далъ ея; лучшимъ изъ популярныхъ юбилейныхъ очерковъ жизни и дѣятельности поэта является статья П. П. Кудрявцева въ сборникѣ Кіев. Педаг. Общества: *А. С. Пушкинъ. Глав-*

нимаетъ трудъ Л. Н. Майкова: *Пушкинъ*. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. СПБ. 1899 г. Въ книгѣ мы находимъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ записокъ и воспоминаній, касающихся Пушкина, и не менѣе замѣчательныхъ объясненій г. Майкова, сдѣланныхъ имъ съ полнымъ знаніемъ предмета и съ рѣдкимъ мастерствомъ. Удачное распредѣленіе статей послѣдовательно проводитъ насъ чрезъ всѣ ступени развитія поэта: предъ нами раскрывается его молодость, по разсказамъ его брата (статья I); затѣмъ идутъ его лицейскіе годы и дружескія связи, выросшія на лицейской почвѣ, по запискамъ И. И. Пущина, извѣстнымъ до обнародованія ихъ г. Майковымъ лишь въ выдержкахъ (II); жизнь на югѣ Россіи дополняется Бессарабскими воспоминаніями А. Ѳ. Вельтмана, до г. Майкова также неизвѣстными въ цѣломъ (III); дружескія и литературныя связи съ Н. Н. Раевскимъ и занятія въ Михайловскомъ, освѣщаются новымъ, весьма важнымъ письмомъ Раевскаго къ Пушкину (IV). Пятая статья посвящена А. Н. Вульфу и его дневнику, не богатому свѣдѣніями о Пушкинѣ, но интересному тѣмъ, что освѣщаетъ личность

ные моменты его жизни и литературнаго развитія. Малосодержателенъ и поверхностенъ очеркъ И. И. Иванова: *Пушкинъ*. М. 1899 г. Статья А. А. Венкстерна представляетъ перепечатку стараго справочнаго пособія къ Пушкинской выставкѣ 1880 г: *А. С. Пушкинъ*. Біогр. очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 г. М. 1899 г., ц. 60 к.—Варшавская комиссія изъ профессоровъ Е. Ѳ. Карскаго, А. И. Смирнова, Д. В. Цвѣтаева, лектора А. В. Михайлова и учителей Н. В. Венедиктова и В. В. Власова составила очень опрятную статью: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*. Біогр. очеркъ, характеристика личности и литературной дѣятельности поэта (см. Педагог. Отдѣлъ Русскаго Фил. Вѣстника 1899 г. № 3—4), но эта статья преслѣдуетъ лишь педаг. цѣли. Другія статьи, въ родѣ: г. Цомакіона *Пушкинъ*. Біограф. очеркъ. Одесса.—Е. В. *Біографія Александра Сергѣевича Пушкина*. Москва 1899. г. Борзаковскаго *Великій поэтъ Пушкинъ*, Одесса; Марковина *О развитіи таланта А. С. Пушкина въ связи съ его біографіей*. Н. Д. Носкова *А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ*. Кіевъ. и др., годны лишь для счета. Для любителей анекдотовъ интересенъ сборникъ г. Шевлякова: *А. С. Пушкинъ въ анекдотахъ*. Спб. Ср. *Шутки и остроты Пушкина*, Спб.

одного изъ близкихъ поэту лицъ. Въ слѣдующей статьѣ очень удачно обрисована личность извѣстной Кернъ и помѣщены ея *Воспоминанія о Пушкинѣ*, которыя впрочемъ уже давно были извѣстны. Въ 2-хъ дальнѣйшихъ статьяхъ разбирается отношеніе Пушкина къ Озерову и Батюшкову, а затѣмъ слѣдуютъвоспоминанія Шевырева о Пушкинѣ, разсказывается о знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ, о поѣздкѣ на Кавказъ въ 1829 г., о знаменитой въ свое время Загряжской, „исторической представительницѣ временъ и царствій, давно прошедшихъ“, которую, быть можетъ, вспоминалъ Пушкинъ, когда писалъ „Пиковую Даму“. Послѣдняя статья разбираетъ отношенія Пушкина и Даля; въ ней же помѣщены воспоминанія Даля о Пушкинѣ. Не представляя полной новизны, такъ какъ съ большинствомъ матеріаловъ г. Майкова можно было болѣе или менѣе ознакомиться по разнымъ изданіямъ еще до выхода данной книги г. Майкова, эта послѣдняя цѣнна, какъ сводъ и заключительное слово многолѣтнихъ трудовъ лучшаго современнаго знатока Пушкина. Со времени извѣстныхъ книгъ Анненкова о Пушкинѣ ничего не появлялось столь важнаго, какъ матеріалы г. Майкова, которые можно сопоставить только съ книгой Я. Грота, вышедшей въ 1899 г. вторымъ, значительно дополненнымъ изданіемъ: *Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.*

Юбилей вызвалъ также переизданіе отдѣльной книжкой весьма содержательныхъ статей и замѣтокъ В. Е. Якушкина. Есть здѣсь не вошедшіе еще въ изданія сочиненій Пушкина отрывки изъ *Дневника* его за 1833—1835 г. и такой же отрывокъ изъ *Путешествія въ Арзерумъ*. Есть также исторія Пушкинскаго текста 1814—1887 г. и обзоръ сочиненій Пушкина, изданныхъ въ 1887 г.[1]) Изъ двухъ остальныхъ статей: *Кончина Пушкина* и *Радищевъ и Пушкинъ*, особое вниманіе останавливаетъ на себѣ вторая, такъ какъ она снимаетъ съ Пушкина упрекъ во враждебномъ отношеніи къ знаменитому воль-

[1]) См. также *Замѣтку о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина*, М. А. Веневетинова, въ Р. Архивѣ № 7.

нодумцу XVIII в. и раскрываетъ эволюцію общественныхъ идей Пушкина. См. еще *Р. Вѣд.* № 143.

Интересъ новизны представляетъ трудъ И. А. Шляпкина: *Къ біографіи А. С. Пушкина* (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). СПБ. 1899 г., гдѣ есть кое-что новое, относящееся къ Пушкину и Ганнибалу, хотя и не особенно важное. Н. Невзоровъ издалъ *Къ біографіи А. С. Пушкина,* матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ. Матеріалы эти слишкомъ ничтожны для того, чтобъ быть интересными; они представляютъ копію съ брачнаго обыска Пушкина и факсимиле брачившихся и поручителей, копію изъ метрической книги о смерти Пушкина, копію съ дѣла по прошенію вдовы Н. Н. Пушкиной о выдачѣ ей метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи дѣтей. Профессоръ Шмурло издалъ обстоятельное изслѣдованіе о маскѣ Пушкина, экземпляръ которой находится въ Юрьевскомъ университетѣ, и пріурочилъ къ опредѣленному мѣсту и году одно изъ писемъ поэта, напечатанное, впрочемъ, ранѣе: *Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета.* Съ 5 снимками. Юрьевъ, 1899 г.

Любопытнѣе *Дѣло о Пушкинѣ,* изданное въ Одессѣ: оно касается заемнаго письма по карточному долгу Пушкина и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторыя дополненія къ пребыванію Пушкина на югѣ Россіи, въ частности въ м. Каменкѣ. Н. А. Гастфрейндъ издалъ документы Государственнаго и С.-Петербургскаго Главнаго архивовъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ Пушкина 1831—1837 г.г., съ 7-ью снимками съ автографовъ Пушкина, гдѣ между прочимъ воспроизведена подписка его о непринадлежности ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, данная Пушкинымъ при вступленіи на службу 1831—32 г. Тамъ же помѣщена точная копія выпускного лицейскаго свидѣтельства Пушкина.

Подобнымъ же, только гораздо бо́льшимъ является изданіе „подлиннаго военно-суднаго дѣла 1837 г.“ о дуэли Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ: *Дуэль Пушкина съ Данте-*

сомъ-Геккереномъ.СПБ. 1900 г., съ автографами кн. П. А. Вяземскаго, д'Аршіака и бб. Геккереновъ, отца и сына. Дѣло представляетъ томъ in 4⁰ въ 160 стр. печатныхъ, заключалось на 234 листахъ, началось 11 марта и кончено 18 марта 1837 года[1]).

Того же событія касается *Приказъ по инженерному корпусу о секундантѣ А. С. Пушкина подполковникѣ Данзасѣ* въ *Р. Старинѣ* 1899 г. май: по вопросу о наказаніи Данзаса за участіе въ дуэли. Сюда же относится часть замѣтки ibid: *Къ біографіи А. С. Пушкина,* гдѣ приводятся два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти его сына; остальныя части той же замѣтки заняты отзывомъ Н. А. Гончарова о Пушкинѣ и письмомъ С. С. Уварова—Пушкину при посылкѣ французскаго перевода стиховъ „Клеветникамъ Россіи". Точному установленію мѣста дуэли Пушкина посвящена статья Д. И. Лобанова: *О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина.* Кутаисъ.Въ Извѣстіяхъ Отдѣленія рус. языка и словесности И. Ак. Н. за 1899 г. т. IV, кн. 3 находится обстоятельная и оригинальная статья С. М. Лукьянова: *О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина съ медицинской точки зрѣнія.* Подробное описаніе послѣдней катастрофы въ жизни Пушкина даетъ его племянникъ Л. Л. Павлищевъ въ особой брошюрѣ: *Кончина А. С. Пушкина.* Въ *Ист. Вѣстникѣ* за май писалъ о *Похоронахъ А. С. Пушкина и его могилѣ* М. И. Каспійскій, въ значительной степени на основаніи *Пушкинскаго Уголка* В. Острогорскаго, 1898 г.[2]). *Р. Старина* ограничилась перепечаткой изъ Ж. М, Н. Пр., 1859 г. ч. CIII, старой статьи Тимофеева: *Могила Пушкина и село Михайловское.* Сводъ и общій обзоръ устныхъ преданій, документальныхъ и вещественныхъ данныхъ о *Слѣдахъ пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губ.* былъ сдѣланъ также И. И. Василевымъ. Общей характеристикѣ жизни

---

[1]) Ср. Никольскаго *Послѣдняя дуэль Пушкина,* Ист. Вѣстн. XI.

[2]) См. юбилейное переизд.: В. П. Острогорскій. Альбомъ. „Пушкинскій уголокъ". Съ иллюстраціями В. М. Максимова. М. 1899 г.

и литературныхъ занятій Пушкина въ Михайловскомъ посвящена рѣчь Е. В. Пѣтухова: Два года изъ жизни А. С, Пушкина (1824—1826). Юрьевъ, 1899 г.; новыхъ данныхъ здѣсь, впрочемъ, нѣтъ. Ср. еще г. Рыбинскаго *Пушкинъ въ с. Михайловскомъ*. (Сборникъ Кіевскаго Пед. Общества). Вообще, Михайловское сильно интересовало всѣхъ въ истекшемъ году, что и понятно, ибо это—по истинѣ „Пушкинскій уголокъ", гдѣ протекли едва-ли не самые счастливые и плодотворные годы жизни Пушкина и гдѣ теперь находится мѣсто его послѣдняго успокоенія; привлекли вниманіе къ „Пушкинскому уголку" и тѣ празднества, которыя тамъ происходили въ концѣ мая.

Но не остались забытыми и другія мѣста, гдѣ приходилось жить Пушкину. Нѣсколько статей посвящено пребыванію Пушкина на югѣ Россіи: Булашева—*А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи* въ Сборникѣ Кіевскаго Педагог. Общества; Александровскаго—тоже, въ Ежегодникѣ Коллегіи Галагана; К. Вейденбаума въ „Кавказской Поминкѣ" о пребываніи А. С. Пушкина на Кавказѣ въ 1829 г.; М. Б. Карскаго—*Пушкинъ въ Тавридѣ*. Симферополь. Ср. далѣе—*А. С. Пушкинъ въ Кишиневѣ, Р. Архивъ,* 6, перепеч. изъ *М. Вѣд.* 1887 г. № 39; А. Лободы въ Кіевскомъ Университетскомъ Сборникѣ *А. С. Пушкинъ въ Каменкѣ*, гдѣ общая характеристика пребыванія Пушкина въ Каменкѣ, Кіевской губ., и нѣкоторыя подробности со словъ мѣстныхъ старожиловъ. Для того же вопроса есть интересныя данныя въ изданномъ въ Одессѣ *Дѣлѣ Пушкина*, представляющія переписку Инзова и Давыдова по поводу замедленія поэта въ Каменкѣ; изъ переписки слѣдуетъ, что весь декабрь 1820 года Пушкинъ провелъ въ Каменкѣ. Въ *Р. Старинѣ* за май—ст. *Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе въ Псковскую губ.*, гдѣ Л. Н. Майковъ, со словъ гр. Петра Капниста, сообщаетъ нѣсколько замѣчаній объ А. Н. Раевскомъ и о томъ, что тотъ былъ причиной высылки Пушкина; графиня Воронцова отличала его среди другихъ, при чемъ Пушкинъ служилъ для Раевскаго прикрытіемъ и по-

тому подвергся немилости графа. Ив. Казанскій въ *Р. Мысли* за май разсматриваетъ *Отношенія А. С. Пушкина къ Москвѣ*, выясняя, какъ смотрѣлъ на Москву самъ Пушкинъ и какую пользу извлекъ онъ отъ московскихъ просвѣщенныхъ людей. Ср. г. Веневетинова въ „Р. Вѣдомостяхъ“ № 143: *О чтеніяхъ Пушкинымъ „Бориса Годунова“ въ 1826 г. въ Москвѣ*. Тамъ же, № 145: *Пушкинъ и Московскій Университетъ* А. И Кирпичникова. Н. П. Загоскину принадлежитъ весьма обстоятельная статья о пребываніи поэта къ Казани: *А. С. Пушкинъ въ Казани* (Изъ исторіи Казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ), *Ист. Вѣстникъ*, № 5; см. соотвѣтствующую статью въ *Р. Старинѣ* того же года, № 5, и Архангельскаго *А. С. Пушкинъ въ Казани* (5—8 сентября 1833) въ Уч. Запискахъ И. Казанскаго Университета 1899 г. № 9. В. Н. Поливанова: *А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ*, *Ист. Вѣстникъ*, августъ, гдѣ, однако, больше идетъ рѣчи о четырехъ симбирцахъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину: Карамзинѣ, А. И. Тургеневѣ, Языковѣ и Дмитріевѣ, чѣмъ о самомъ посѣщеніи Пушкинымъ Симбирска. Въ *Р. Архивѣ*, № 5, *Памяти А. С. Пушкина*, также сообщаются нѣкоторыя подробности о пребываніи Пушкина въ Оренбургѣ. Ср. тамъ же, 1900 г. № 1: *А. С. Пушкинъ въ Бердахъ*. Н. Г. Иванова.

Не обошлось и безъ возбужденія вопроса, гдѣ же родился Пушкинъ, т. е. въ какомъ именно домѣ. На этотъ вопросъ даетъ обстоятельный отвѣтъ статья г. Колосовскаго: *Гдѣ же родился Пушкинъ*.

Юбилейная Пушкинская литература насчитываетъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, касающихся самихъ предковъ поэта. Такъ, въ *Истор. Вѣстникѣ* 1899 г, № 5, Н. А. Бѣлозерская, опираясь на приведенныя ею документальныя данныя, раскрыла предъ читателями картину семейной неурядицы у Петра Абрамовича Ганнибала; такимъ образомъ, число неудачныхъ браковъ у предковъ Пушкина пополнилось еще однимъ, см. *Одинъ изъ предковъ Пушкина* (Матеріалы для характеристики нравовъ русскаго общества XVIII в.). По

части предковъ Пушкину на минувшемъ юбилеѣ не особенно повезло, такъ какъ, кромѣ только что отмѣченной исторіи, І. Блиновымъ было сообщено дѣло о Михайлѣ Пушкинѣ и его братѣ Сергѣѣ, осужденныхъ за поддѣлку банковыхъ ассигнацій, при чемъ І. Блиновъ дѣлаетъ весьма правдоподобное предположеніе, что этотъ Михайло Пушкинъ не кто иной, какъ двоюродный дѣдъ поэта по женской линіи: см. *О бывшемъ Пушкинѣ* въ *Р. Старинѣ* за май. Тому же І. Блинову принадлежитъ сообщеніе о Павлѣ Исааковичѣ Ганнибалѣ, дядѣ поэта, ibid. Предкамъ поэта и выясненію расы, происхожденія и характера Ганнибаловъ посвящена прекрасная работа проф. Анучина, печатавшаяся въ *Р. Вѣдомостяхъ* и появившаяся отдѣльно: *А. С. Пушкинъ.* (Антропологическій эскизъ). Москва. 1899 г. Обстоятельная родословная таблица Пушкиныхъ, начиная отъ родоначальника ихъ въ Россіи Ратши, дана М. В. Муравьевымъ въС.-Петербургскомъ *Пушкинскомъ сборникѣ: Родословіе А. С. Пушкина.*

Для характеристики отношеній Пушкина къ его современникамъ, кромѣ того, что вошло въ книги Л. Н. Майкова и Я. Грота, добыто мало. Можно отмѣтить письмо В. Н. Каразина, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея на предосудительный смыслъ нѣкоторыхъ стихотвореній, появившихся въ журналахъ по случаю высылки А. С. Пушкина на югъ Россіи, *Русская Старина* за май. Въ Р. Старинѣ за іюнь напечатаны три документа, касающіеся секретнаго разслѣдованія *О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ*, П. В. Петрова. Со словъ нѣкоего В. Д. Р—ва, потомка одного изъ друзей Пушкина, г. Тихоновъ въ *Истор. Вѣстникѣ* за май дѣлаетъ характеристику извѣстной Кернъ. Отношеній Пушкина къ Дельвигу, Баратынскому касался В. С. Рыбинскій въ ст. Кіевскаго Пед. Сборника: *Пушкинская плеяда* (сводъ стараго). Ср. *Личныя отношенія Пушкина къ современнымъ ему поэтамъ*, К. В. Ельницкаго, въ Педаг. Сборникѣ. 1899 г. № 5. Проф. Кирпичниковъ отмѣтилъ кое-что новое изъ отношеній Пушкина къ Баратынскому, *Р. Старина,* май.

Ср. Ив. Кубасова, ibid., *А. С. Пушкинъ—членъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ*. Портретъ Пушкина по запискамъ Смирновой далъ г. Андреевичъ въ ж. „Жизнь", № 5: *А. О. Смирнова объ А. С. Пушкинѣ*. См. еще Р. Архивъ №№ 5—6.

Что касается собственно историко-литературнаго значенія произведеній Пушкина и характеристики его, какъ поэта, то надъ этимъ юбилейная литература останавливалась едва-ли не больше всего.

П. В. Владиміровъ въ Кіевскомъ Университетскомъ сборникѣ подробно освѣтилъ отношеніе Пушкина къ предшествующей русской литературѣ: *Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ* [1]). Авторъ указалъ много связей, прикрѣпляющихъ Пушкина къ предшествующей и отчасти современной ему русской литературѣ, и тѣмъ не менѣе правы и тѣ, которые подобно г. Полевому (*Нашъ великій поэтъ*, Ист. Вѣстн., № 5), находили, что Пушкину мало дало то, что онъ засталъ. Дѣйствительно, вліяніе предшественниковъ и старшихъ современниковъ, по преимуществу, было формальнымъ; намеки и матеріалы были до Пушкина (ср. въ сборникѣ Кіевскаго Пед. Общества статью: *У колыбели Пушкина*, А. М. Лободы), но это было—rudis indigestaque moles, и развивать ее, давать ей окончательную обработку, стройный и цѣльный видъ пришлось Пушкину малозависимо отъ предшественниковъ, а болѣе на началахъ и въ духѣ Запада и самой жизни, въ которой онъ жилъ, какъ ранѣе то дѣлалъ въ иной сферѣ Петръ В., почему такъ удачно и умѣстно было сдѣлано сопоставленіе этихъ лицъ проф. Ключевскимъ въ его юбилейной рѣчи (*Р. Вѣд.* № 144).

Такимъ образомъ, вопросъ о національномъ значеніи Пушкина и о степени зависимости его отъ рус. литературы долженъ быть поставленъ въ связь съ вопросомъ объ отношеніи Пушкина къ западно-европейской литературѣ. На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ нѣсколько произведеній, изъ которыхъ

---

[1]) Ср. Пл. Краснова *Предшественники Пушкина*, Кн. Недѣли № 6.

первое мѣсто принадлежитъ работѣ Н. П. Дашкевича: *Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени* (Кіевскій Университетскій юбилейный сборникъ), гдѣ авторъ, задаваясь вопросомъ, что почерпнулъ Пушкинъ изъ литературы Запада, какъ отнесся къ воспринятому оттуда, и что дала ему русская среда и его русская душа, раскрываетъ предъ нами послѣдовательную исторію отношеній Пушкина къ Мольеру, Корнелю, Расину, Лафонтену, Буало, Вольтеру, Руссо, Гете (въ изданной части пока только съ точки зрѣнія Вертеризма), Шатобріану, Бенжамену Констану, Шенье, M-me de Staël, Байрону и др. Обладая громаднымъ количествомъ фактовъ западнаго воздѣйствія на Пушкина, г. Дашкевичъ тѣмъ не менѣе далекъ отъ односторонняго освѣщенія только ими литературныхъ произведеній Пушкина и постоянно отмѣчаетъ, какъ эти привнесенныя черты уравновѣшивались и претворялись данными генія поэта и русской жизни. Не такъ остороженъ былъ г. Сиповскій, который на основаніи чисто внѣшнихъ отдѣльныхъ сближеній рѣшился даже Татьяну признать не русской, см. *Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій* (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ типовъ) въ *Р. Старинѣ* 1899 г., №№ 5—6. Впрочемъ, самыя сближенія названныхъ типовъ съ западными героями и героинями, а также съ нѣкоторыми русскими бытовыми типами конца XVIII и начала XIX в., весьма интересны и цѣнны. Тому же автору принадлежитъ и отдѣльная брошюра: *Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ* СПБ. 1899 г., гдѣ онъ разсматриваетъ всѣ сужденія о т. н. байронизмѣ Пушкина, приходитъ къ выводу, что эти сужденія основаны лишь на недостаткѣ изученія Пушкина, и высказываетъ мнѣніе, что не Байронъ, а Шатобріанъ сильнѣе отразился въ поэзіи Пушкина. Ср. далѣе *А. С. Пушкинъ и европейская поэзія* Алексѣя Н. Веселовскаго, въ журналѣ *Жизнь* за май: начиная съ безсистемной начитанности подростка-лицеиста и кончая широкимъ энциклопедическимъ знакомствомъ опытнаго писателя съ міровой литературой, отличительной чертой развитія Пушкина всегда былъ космополитизмъ вкусовъ и художественныхъ интересовъ, достойный гражданина

„республики словесности“, которому ничто не чуждо, который не знаетъ преградъ расы, страны, культуры, времени и умѣетъ цѣнить *добро* всюду, гдѣ его ни встрѣтитъ. Бѣглый, легкій очеркъ А. Н. Веселовскаго напоминаетъ намъ о тѣхъ западныхъ источникахъ, гдѣ искалъ это *добро* Пушкинъ. Назовемъ, затѣмъ, рѣчь А. И. Пономарева: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ отношеніяхъ къ западно-европейскимъ классикамъ (Данте, Шекспиру, Гете) и сравнительно съ ними, какъ народный русскій поэтъ-геній* (изъ „Христ. Чтенія“ за 1899 г. VI). Ср. наконецъ, Пл. Краснова *Одинъ изъ образцовъ Пушкина*, Кн. Недѣли № 9 (Пушкинъ и Парни).

Наиболѣе близкіе и родные намъ изъ западныхъ народовъ, славяне также интересовали нашего поэта. О славянскихъ мотивахъ въ творчествѣ Пушкина говорилъ въ Варшавѣ П. Кулаковскій, см. *Р. Филол. Вѣстникъ* 1899 г. № 3—4; того же вопроса касался г. Степовичъ: *Пушкинъ и славянство* въ К. Унив. юб. сборникѣ.

Въ Казани г. Черняевъ далъ общій популярный очеркъ того, какъ отразился на Пушкинѣ античный міръ съ его миѳологіей, исторіей и литературой; напрасно только авторъ считаетъ главнымъ мотивомъ Пушкинской поэзіи—любовь и здѣсь какъ бы намѣчаетъ исходный пунктъ увлеченія античнымъ; см. *Пав. Черняевъ. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ.* Солиднѣе—*Античный міръ въ поэзіи Пушкина* С. И. Любомудрова, въ Календарѣ Лицея Ц. Николая.

Но ни Западъ, ни славянство не заслонили отъ Пушкина родины его. Пушкинъ—нашъ національный поэтъ и нашъ первый „народникъ реалистъ“: *Пушкинъ національный поэтъ. Спб. 1899 г.* акад. А. Н. Веселовскаго; ср. А. Бороздина *А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности,* въ *Истор. Вѣстникѣ* за май[1]). Это поэтъ, который, кромѣ эстетическаго насла-

[1]) См. его же *Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. Спб.* См. еще Козловскаго *О національномъ значеніи литературной дѣятельности Пушкина* въ Филол. ЗаписскахъIII—IV; Ляскоронскаго *Объ отношеніи Пушкина къ жизни.* Ровно.

жденія, доставляетъ вѣрныя историческія понятія о прошлой русской жизни—М. Н. Бережковъ, *Пушкинъ какъ историкъ русской жизни,* Нѣжинъ 1899 г. Къ изученію современной ему жизни онъ подходилъ, какъ серьезный этнографъ, и своимъ поэтическимъ геніемъ прозрѣлъ многое, что тогда не вошло еще въ сознаніе науки—*Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ, съ приложеніемъ неизданныхъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ А. С. Пушкинымъ.* Проф. Всеволода Миллера. Москва 1899 г. Украина также не осталась безъ слѣда вліянія на Пушкина, который не разъ имѣлъ пристанище на Украинѣ и получалъ отъ нея поэтическіе матеріалы для своихъ произведеній—Н. И. Петрова *Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ Украинской жизни и поэзіи,* въ сборникѣ Кіевскаго Пед. Общества.

Пушкинъ создалъ замѣчательный русскій языкъ. См. *Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка,* Н. Некрасова, „Жизнь", № 5. Данная статья представляетъ перепечатку изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1888 г. № 9, и посвящена вопросу, который мало привлекалъ изслѣдователей. Въ ряду старой статьи М. Н. Каткова въ „Р. Вѣстникѣ" 1856 г., 2 кн., и новѣйшихъ—ст. В. Истомина *Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній А. С. Пушкина* (Р. Фил. Вѣстникъ XXXII) рѣчи Е. Карскаго *О вліяніи поэтической дѣятельности А. С. Пушкина на развитіе русскаго литературнаго языка* (Р. Фил. Вѣстникъ 1899 г. № 3—4) и ст. г. Стефановскаго: *Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова,* въ Фил. Запискахъ 1899 г. III—IV, статья г. Некрасова должна быть признана лучшей, хотя все же не исчерпывающей всего связаннаго съ затронутымъ ею вопросомъ. Г. Некрасовъ отмѣчаетъ, что Пушкинъ, несмотря на свое французское воспитаніе, горячо любилъ русскій языкъ, хотя и сознавалъ его недочеты, обусловленные недостаточнымъ развитіемъ его и малымъ вниманіемъ къ нему у такъ назыв. интеллигенціи. Его собственныя произведенія—лучшая иллюстрація такого взгляда, и въ нихъ разнородныя стихіи русскаго языка слиты съ не-

обычайнымъ искусствомъ. Завершивъ выработку общихъ началъ нашего литературнаго языка, начатую Ломоносовымъ и продолженную Карамзинымъ, Пушкинъ для прозаической рѣчи главнѣйшимъ условіемъ поставилъ художественную простоту и точность выраженій, а для стихотворной—художественную смѣлость выраженій. Замѣтимъ, однако, что художественная смѣлость выраженій едва-ли исчерпываетъ все богатство поэтическаго языка Пушкина и не во всѣхъ періодахъ его творчества одинакова. Къ сожалѣнію, г. Некрасовъ не прослѣдилъ послѣдовательнаго развитія слога Пушкина, какъ того позднѣе коснулся въ своей рѣчи В. Ф. Миллеръ, отмѣтивъ постепенное освобожденіе поэта отъ галлицизмовъ и усвоеніе живой народной русской рѣчи.

Что до названной рѣчи г. Карскаго, то она занимаетъ нѣчто среднее между статьями В. Истомина и Н. Некрасова; новаго въ ней нѣтъ ничего.

Словомъ, широко и разнообразно содержаніе поэзіи Пушкина, разнородны источники ея, какъ великъ и художественный геній поэта. Ср. въ *Жизни* 1899 г. за май интересную статью: *А. С. Пушкинъ какъ художественный геній*, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, гдѣ авторъ „дѣлаетъ попытку подойти къ генію Пушкина“ съ точки зрѣнія психологіи его творчества, прилагая къ его поэзіи принципъ *экономіи умственнаго труда*. Авторъ исходитъ изъ того, что художественное творчество есть теоретическая (т. е. не прикладная) умственная дѣятельность, главнѣйшимъ признакомъ которой является то, что она преимущественно направляется отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго къ типичному, и даетъ, такимъ образомъ, рядъ обобщеній. Отъ большей или меньшей широты, глубины и, т. сказать, общечеловѣчности этихъ обобщеній и зависятъ права художника на признаніе его геніальнымъ. Уже письма Пушкина доказываютъ, что человѣкъ, писавшій ихъ, обладалъ головой геніальной. Мы находимъ здѣсь слѣды и результаты неустанной, можно сказать, кипучей работы мысли и видимъ, какъ эта мысль богатырски овладѣваетъ слож-

ными, темными и по тому времени новыми вопросами, какъ она ихъ беретъ съ бою, прокладываетъ новые пути, сразу находитъ правильную постановку задачи и даетъ поразительное по вѣрности, простотѣ и точности рѣшеніе ея. О томъ же свидѣтельствуютъ и произведенія Пушкина, что подтверждаетъ авторъ разборомъ нѣсколькихъ типовъ, національныхъ, какъ Онѣгинъ и Татьяна, и общечеловѣческихъ, какъ Скупой Рыцарь, Донъ-Жуанъ, Моцартъ и Сальери. Всеоблемлющій и глубокій, какъ творецъ художественныхъ типовъ, Пушкинъ геніаленъ и какъ лирикъ, ибо лирика его запечатлѣна той совершеннѣйшей гармоніей въ сферѣ чувствъ, каковы бы они ни были, любовныя или гражданскія, которая заставляетъ насъ, воспринимая ее, повторять слова Сальери:

Какая глубина,
Какая смѣлость и какая стройность!

Проф. Овсянико-Куликовскій мѣтко замѣчаетъ, что если бы до насъ не дошли сочиненія Пушкина, и мы знали бы только его *письма,* то и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы достаточно основаній предположить, что человѣкъ, писавшій эти письма, обладалъ головой геніальной. Это замѣчаніе вполнѣ подтверждается обзоромъ Пушкинскихъ писемъ, сдѣланнымъ г. Ляцкимъ въ Сборникѣ „Русскаго Богатства“: *А. С. Пушкинъ и его письма.* Въ своихъ письмахъ Пушкинъ, говоритъ г. Ляцкій, является „подвижникомъ мысли, неустанно искавшей путей къ свѣту и истинѣ, неустанно стремившейся освободиться отъ тисковъ неправды и рабства“. Тѣмъ же была проникнута и поэзія его, гдѣ Пушкинъ до конца жизни своей искалъ разрѣшенія проблемы поэзіи. См. статью Б. В. Никольскаго Спб. 1899 г. (отдѣльно и въ Истор. Вѣстникѣ). *Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Критическій очеркъ Б. В. Никольскаго.* Б. В. Никольскій ожидалъ отъ „всенароднаго чествованія Пушкина“ 26 мая истекшаго года „окончательной безповоротной побѣды великаго поэта надъ своими читателями“, побѣды, которая должна была завершить долгій разладъ между поэтомъ и читателемъ, тяготѣвшій

надъ памятью Пушкина и еще при жизни его сказывавшійся тревожными сомнѣньями и колебаньями въ его стихахъ. Поздними, но достойными чествованіями искупая вины предковъ передъ великимъ главою нашей поэзіи, мы въ правѣ подумать и о разъясненіи внутренней природы и внѣшней исторіи разлада этого, такъ какъ пониманіе Пушкина невозможно, пока не разрѣшена больная загадка его творчества. Разрѣшенію ея и посвящена настоящая статья. Авторъ послѣдней прежде всего пытается воспроизвести сложный послѣдовательный процессъ созданія образа *поэта* въ представленіи Пушкина.. Схема и заключенія автора таковы: первоначальное легкомысліе въ воззрѣніяхъ на поэзію привело юнаго поэта къ полному подчиненію страстямъ и лишь постепенно замѣнилось мудростью поэта-учителя; съ другой стороны, идеалы героической дѣятельности, занимавшіе воображеніе Пушкина, вначалѣ казались ему вовсе чуждыми его творчеству, потомъ впивались въ него, отражались и очищались въ немъ и перерождались, наконецъ, въ сознаніе, что его подвигъ—весь въ области духа и слова, въ области личнаго служенія призванію. На почвѣ этого развитія возникло два противоположныхъ образа: съ одной стороны, образъ художника, проникнутаго „буйствомъ“ духа, по слову ап. Павла, т. е. носителя перерожденныхъ страстей, *пророка;* а съ другой, образъ поэта *гражданина,* сливающаго свое творчество съ жизнью своего народа, роднящаго свое творчество съ уравновѣшенной и безстрастной общественной дѣятельностью зрѣлаго мужа. Высшаго примиренія всѣхъ этихъ въ сильной степени противорѣчивыхъ началъ Пушкину не суждено было достигнуть, а на почвѣ борьбы ихъ и не безъ вліянія личной судьбы поэта создался и самый разладъ между поэтомъ и читателемъ. Ср. въ В. Европы, XII, *Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина.* В. Соловьева. См. еще въ Р. Ф. Вѣстникѣ 1899 г. № 3—4, *Объясненіе стихотвореній А. С. Пушкина, въ которыхъ выраженъ взглядъ его на роль поэта и значеніе поэзіи,* К. Ельницкаго. (Общая характеристика литературныхъ и критическихъ воззрѣній поэта дана г.

Залдкинымъ въ Р. Старинѣ за май—іюнь: *Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина.*).

Такимъ образомъ, поэтическое profession de foi Пушкина на послѣднемъ юбилеѣ также еще останавливало на себѣ большое вниманіе, что и понятно, ибо юбилей—время подведенія итоговъ, обобщеній, а въ стихотвореніяхъ Пушкина, касающихся поэзіи, такъ много матеріала для обобщеній и какъ бы скрытъ ключъ ко всей его поэтической дѣятельности. Стремленіемъ же къ обобщеніямъ объясняется и то, что и другія произведенія поэта либо отдѣльные мотивы ихъ разбирались по преимуществу по стольку, по скольку они представлялись необходимыми для выясненія общей характеристики поэта. Такъ, г. Дашкевичъ удѣлилъ много мѣста разбору *Евгенія Онѣгина*, какъ наиболѣе характернаго и замѣчательнаго творенія Пушкина; такъ, г. Гриневичъ повтореніемъ давно пущенныхъ въ обращеніе сужденій о главныхъ произведеніяхъ Пушкина пытался разъяснить старую истину, что Пушкинъ былъ „пѣвецъ гуманной красоты“ (Сборникъ Р. Богатства). Ту же „высшую красоту“ отмѣчаетъ г. Изгоевъ въ чувствѣ органической связи со всей вселенной и съ міровой жизнью, обнимающемъ взгляды Пушкина на смерть (*„Смерть“ въ поэзіи А. С. Пушкина*, Жизнь № 5). Проф. Сумцовъ разборомъ упоминаній Пушкина о женской ножкѣ доказывалъ, что любовь у Пушкина носила чувственный характеръ: *Женская ножка въ стихотвореніяхъ поэта,* Р. Стар. № 5. Очевидно, подъ вліяніемъ „злобы дня“ и Гаагской конференціи, г. Ашевскій задался цѣлью собрать вмѣстѣ замѣчанія Пушкина о войнѣ: *Пушкинъ и война.* Міръ Божій, № 6. Педагогическій журналъ приводитъ на память типы и характеръ воспитанія, представляемые Пушкинскими произведеніями: *А. С. Пушкинъ о воспитаніи.* Н. Василькова. Р. Школа №№ 5—6.

О генезисѣ Пушкинскихъ произведеній мало было рѣчи: въ Р. Старинѣ № 2 и 5 см. *Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ*, Кирпичникова и Сумцова; ср. г. Лернера *О происхожденіи стихотворенія Пушкина „Земля*

и море". Р. Архивъ 11—12. Съ юбилейнымъ же годомъ совпало окончаніе изслѣдованія г. Корша по вопросу о принадлежности Пушкину найденнаго недавно окончанія *Русалки*. Извѣстія Отд. р. яз. и сл. III—3, IV—1. 2. Ср. ibid. IV—1 ч. Яцимирскаго о пѣснѣ Земфиры.

Чисто педагогическія цѣли преслѣдуютъ разборы г. Филонова (*Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина*. Опытъ разбора со стороны историч. и эстетической) или г. Радонежскаго (*Пушкинъ*. Разборъ главнѣйшихъ произведеній, литературное и воспитательное его значеніе. 3 изд.)

Конечною цѣлью многихъ юбилейныхъ статей было обрисовать нравственный обликъ чествуемаго поэта, и эта цѣль едва-ли не лучше всего выполнена въ рѣчи А. Ѳ. Кони, напечатанной въ октябрьской книгѣ *Вѣстника Европы: Нравственный обликъ Пушкина*. Почтенный авторъ ограничивается лишь самыми краткими и бѣглыми очертаніями этого образа, но захватываетъ очень много различныхъ чертъ его. Въ рѣчи г. Кони, какъ въ фокусѣ, сосредоточились почти всѣ тѣ вопросы, которые издавна волновали читателей Пушкина и затрогивались также въ истекшемъ году. Первымъ изъ такихъ вопросовъ—вопросъ о религіозности Пушкина, и г. Кони весьма умѣло и тепло освѣтилъ эту сторону, которая нерѣдко подавала поводъ обвинять Пушкина въ безбожіи [1]).

[1]) Ср. также спеціальныя статьи по этому поводу: *Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина*, І. Троицкаго, въ сборникѣ Кіев. пед. Общества; С. Г. Рункевича *Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина*, изъ Христ. Чтенія, вып. V, 1899 г.; А. Лобачевскаго *А. С. Пушкинъ какъ христіанинъ*, Нѣжинъ 1899 г.; С. Г. Рождественскаго *Пушкинъ. Черты внутренняго облика*, изъ жур. „Вѣра и Церковь", 5, 1899 г.; Воскресенскаго *Величіе Пушкина, какъ поэта и человѣка*. Б. Вѣстникъ 6; *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, какъ Русскій національный поэтъ* Татарскаго, Тамъ же. *Религіозные идеалы Пушкина*, Введенскаго. Прав. Соб. 7—8 Слово проф. Царевскаго въ II т. Сборника учено-литературнаго Общества при И. Юрьевскомъ Университетѣ за 1899 г. *О темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ поэзіи Пушкина*. Проф. св. П. Я. Свѣтлова, въ „Странникѣ" 1899 г. XII и „Унив. Извѣстіяхъ" 1900 г. I. Въ 1899 году вышло также 4-е изд. одной изъ самыхъ замѣчательныхъ статей о Пушкинѣ: *Идеалы Пушкина*, В. Ѣ. Никольскаго.

Полный сознательной внутренней религіозности, благородный альтруистъ, строгій литературный цѣнитель и судья, чуждый, однако, зависти, труженикъ и глубоко правдивый человѣкъ—таковъ у А. Ѳ. Кони Пушкинъ въ отношеніи къ другимъ и себѣ. Правдивый и откровенный, изобразитель всего, что было хорошаго и дурного въ русской современной ему жизни, презирающій низменную толпу, но служащій народу, утомленный пошлостью среды, среди которой ему пришлось жить, съ отравленными клеветою послѣдними годами, когда онъ думалъ найти успокоеніе въ семейной жизни—таковъ тотъ, кто, какъ „отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи“.

Рѣчь А. Ѳ. Кони является, между прочимъ, выраженіемъ нынѣшняго общаго настроенія по отношенію къ т. н. общественнымъ взглядамъ Пушкина. Вопросъ этотъ за послѣднее время сталъ предметомъ болѣе спокойнаго обсужденія и во многомъ принялъ благопріятный для поэта характеръ, какъ то мы отмѣчали въ книгѣ г. Якушкина[1]); г. Мякотинъ, касаясь отношеній Пушкина къ передовому общественному движенію первой четверти XIX столѣтія, еще стоитъ на старой почвѣ Бѣлинскаго и г. Пыпина; см. въ Сборникѣ „Русскаго Богатства“ его статью: *Изъ Пушкинской эпохи.* Также одностороннимъ, но только въ противоположную сторону, представляется намъ освѣщеніе личности поэта какъ общественнаго дѣятеля, сдѣланное проф. Смирновымъ: см. его рѣчь 1899 г. *Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина, въ Р. Филол. Вѣстникѣ* 1899 г. № 3—4 и отдѣльно въ брошюрѣ: *Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ*, гдѣ, кромѣ названной рѣчи, помѣщена рѣчь 1887 г. *Памяти А. С. Пушкина. Историческіе и общественные взгляды его.* (Третья статья—рѣчь 1880 г.

---

[1]) См. также *Общественные идеалы А. С. Пушкина*, А. Назимова, Одесса, и П. Казанскаго *Народно-освободительные взгляды Пушкина* въ К. Недѣли № 11.

О поэтическихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина). Отъ выводовъ г. Смирнова уже совсѣмъ не далеко до признанія Пушкина однимъ изъ создателей офиціальной народности и славянофиломъ чистѣйшей воды, что врядъ ли допустимо. Болѣе вѣрнымъ тономъ и постановкой вопроса отличается рѣчь М. Н. Сперанскаго *Друзья и враги Пушкина въ литературѣ* (Нѣжинъ, 1899 г.) по замыслу нѣсколько напоминающая соотвѣтствующую рѣчь на юбилеѣ Бѣлинскаго.

Рѣчь г. Сперанскаго вводитъ насъ также въ отношенія къ Пушкину его современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній. Вопросъ этотъ затрогивался и другими. См. *Судьбы поэзіи Пушкина*, г. Величко въ „Кавказской поминкѣ“ и Евг. Соловьева въ ж. *Жизнь*, № 5: *А. С. Пушкинъ въ потомствѣ*.

Цѣль г. Соловьева—указать мѣсто Пушкина въ исторіи русской жизни. Какъ начало прогрессивное и даже революціонное—не въ политическомъ смыслѣ конечно—Пушкинъ ближе всего къ своему времени, своимъ днямъ. Разладъ журналистики и публики съ Пушкинымъ, обусловившій такой холодный пріемъ даже „Полтавы“ и „Бориса Годунова“, начался съ того времени, какъ на сцену все больше стали выступать временные, практическіе интересы, а „Московскій Телеграфъ“ пріучилъ читателей смотрѣть на литературную дѣятельность, какъ на своего рода учительство. Для такой роли Пушкинъ совершенно не годился. При всемъ различіи натуръ и характеровъ, Пушкинъ все таки былъ болѣе похожъ на Гете, чѣмъ на Сократа, и отношеніе къ нему общественной русской среды было болѣе похоже на отношеніе Германіи къ веймарскому олимпійцу, нежели на отношенія аѳинской демократіи къ Сократу... Разныя эпохи смотрѣли на Пушкина различно. Но не было еще ни одной, которая совершенно обошлась бы безъ него. Я думаю, говоритъ г. Соловьевъ, что онъ не умретъ никогда; я думаю даже, что какъ я сказалъ выше, настанетъ день, и значеніе Пушкина станетъ еще большимъ, чѣмъ въ то далекое отъ насъ время. Но я сомнѣваюсь, чтобы наши дни могли быть сколько-нибудь соотвѣтствующей обстановкой для поэзіи Пушкина. Наши

дни все еще—дни скорби и печали, дни напряженныхъ поисковъ счастья и истины, дни ожесточенной борьбы человѣка съ человѣкомъ, и можетъ ли найти полные отзвуки своему господствующему настроенію Пушкинъ, этотъ поэтъ свѣтлой жизни, какъ превосходно назвалъ его Вл. С. Соловьевъ? Пусть наша тяжелая и грустная эпоха, требующая ежедневно столько и столько человѣческихъ жертвъ, придавившая насъ своей артиллеріей, крѣпостями, мониторами, безчисленными машинами,—пусть смѣнится она „свѣтлой жизнью“, пусть обида, таящаяся въ нашемъ сердцѣ, обида, ежедневно наносимая намъ господствующей неправдой, дастъ мѣсто лучшему, болѣе радостному настроенію и, думаю, Пушкинъ возродится во всемъ прежнемъ своемъ блескѣ величія.

А пока настанутъ такіе свѣтлые дни, жизненныя и литературныя судьбы Пушкина могутъ подчасъ производить тягостное впечатленіе, какъ писалъ г. Ивановъ въ ст. *Дни покаянія* (Міръ Божій № 5). Это одна изъ наиболѣе прочувствованныхъ статей о Пушкинѣ, не чуждая нѣкоторыхъ парадоксовъ, но и полная горькой правды. Вся статья является отвѣтомъ на вопросъ: „ради кого торжествуются юбилеи и годовщины, ради ли истинныхъ виновниковъ или самихъ устроителей и героевъ? Не является ли воспоминаніе о поэтѣ только предлогомъ для безмолвнаго, приниженнаго русскаго человѣка заявить о своей собственной особѣ, сказать публично, что и онъ изъ цивилизованныхъ европейцевъ, и если ничтоженъ въ настоящемъ, зато обѣщаетъ много въ отдаленномъ будущемъ?“ Отвѣтъ не утѣшителенъ, и авторъ думаетъ, что та среда, тѣ условія, которыя давили Пушкина, которыя такъ отразились и на послѣдующихъ писателяхъ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Салтыковѣ и др., существуютъ и понынѣ. „Воскресни Пушкинъ и онъ немедленно встрѣтилъ бы на своемъ пути и Булгариныхъ и Бенкендорфа, и неправду, и чванство, и гордость. Можетъ быть, ему не такъ пришлось бы страдать отъ „стыда бѣдности“; издатели ему платили бы больше и честнѣе, но все это не спасло бы его отъ

презрѣнія презрѣнныхъ душъ. Его, можетъ быть, похоронили бы еще пышнѣе, чѣмъ въ 1837 г., но никакая сила не помѣшала бы ему, съ его неуживчивой природой, страстнымъ сердцемъ, свободнымъ умомъ и врожденнымъ отвращеніемъ ко всякаго рода пресмыкающимся, умереть преждевременно и наканунѣ смерти повторить ту же негодующую жалобу на свое рожденіе или заранѣе, подобно Тургеневу, бѣжать подальше отъ родственныхъ объятій соотечественниковъ". Поэтому, торжества не могутъ быть для насъ днями безусловно свѣтлыми и радостными. Они должны были явиться для насъ скорѣе днями покаянія, чѣмъ торжества, днями углубленія въ свою человѣческую и гражданскую совѣсть, строгой нелицепріятной провѣрки своего настоящаго и накопленныхъ задатковъ на будущее.

Г. Каллашу принадлежитъ особая статья въ №№ 5 и 7 *Р. Мысли*, разсматривающая оцѣнку и характеристику Пушкина, сдѣланную его собратьями по искусству: *Поэтическая оцѣнка Пушкина (1815—1837 г.г.)* и лучшій изъ сборниковъ стихотвореній, посвященныхъ Пушкину: *Русскіе поэты о Пушкинѣ* М. 1899 г., гдѣ собрано около 250 стихотвореній. См. другіе, менѣе полные сборники: М. Н. Араловой: *Русскіе поэты о Пушкинѣ*, Спб. 1899 г., и г. Божерянова: *Поэты—поэту* Спб. 1899 г. В. Зелинскій выпустилъ VI—VII части своей *Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина* и переиздалъ вторую часть. Проф. Владимірову принадлежитъ цѣнный обзоръ *Отношенія къ Пушкину русской критики съ 1820 г. до столѣтняго юбилея 1899 г.*, въ сборникѣ К. Университета. См. еще г. Гриневича: *Пушкинъ въ сознаніи русской литературы*. Сборникъ Р. Богатства [1]). См. также то, что было выше на стр. 18—19. Въ „Кіевской Старинѣ" № 5 былъ перепечатанъ изъ „Атенея" 1829 г. отзывъ Максимовича о *Полтавѣ*; въ „Мірѣ Божьемъ" № 5 и „Жизни" № 5—отзывы Мицкевича о Пушкинѣ. О вліяніи Пушкина на послѣ-

[1]) Ср, *Цензоръ Фрейгангъ и Ст. О. Бурачекъ о сочиненіяхъ А. С. Пушкина.* Р. Старина № 5.

дующую русскую литературу говорилъ А. М. Лобода: *Отзвуки Пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ*, см. К. Унив. сборникъ. Ср. рѣчь Ф. А. Витберга: *А. С. Пушкинъ*. Сбп., гдѣ авторъ также останавливается на отношеніи къ Пушкину современныхъ ему и послѣдующихъ корифеевъ русской литературы. Вліяніе Пушкинской поэзіи Н. И. Петровъ усматриваетъ и въ украинской литературѣ, при чемъ, однако, нѣсколько преувеличиваетъ его, думая видѣть въ малорусской литературѣ „цѣлую школу“ Пушкина (см. цит. статью въ сборникѣ К. Пед. Общества). См. еще въ „Научномъ Обозрѣніи“ за іюнь 1899 г. *Шевченко и Пушкинъ*, С. Кулябки.

Пушкину мы обязаны глубокими идеями, ставшими лучшимъ достояніемъ нашего самосознанія, какъ это повторяетъ за Достоевскимъ и др. г. Мочульскій: *Вліяніе поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа*. Одесса [1]). Общее воспитательное значеніе поэзіи Пушкина отмѣчалось и подчеркивалось на юбилеѣ, какъ во многихъ изъ вышеприведенныхъ статей, такъ и въ статьяхъ спеціальнаго свойства: г.г. Быстрова, Р. Школа № 5—6; Дроздова, Смѣльницкаго и Ѳомина въ Фил. Запискахъ; Иванова въ Сборникѣ Учено-Литер. Общества при Юрьевскомъ Ун., т. II; Виноградова (Значеніе Пушкина для каждаго изъ насъ); В. Острогорскаго, Айхенвальда (В. Воспитанія 4 и 5), Тычинина (Гимназія 2—3) и мн. др.

Пушкинъ оставилъ слѣдъ и въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ. Пл. Кулаковскій составилъ весьма поучительный сборникъ переводовъ Пушкина на славянскіе языки: *А. С. Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ* Варшава 1899. Ср. *Пушкинъ у славянъ* (въ сборникѣ Кіевск. Педаг. Общества) и *Изъ Пушкинской юбилейной литературы* (въ сборникѣ Кіевскаго Унив.) А. І. Степовича.

Кстати, о переводахъ. П. Драгановъ далъ интересный обзоръ переводовъ Пушкина на иностранные языки; языковъ

---

[1]) Ср. Е. Ф. Шмурло. *Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія*. Уч. Записки Юрьев. Ун. № 5

и нарѣчій, на которыхъ теперь можно читать Пушкина, набралось уже свыше 50: см. *Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра.* Истор. Вѣстникъ май. См. въ С.-Петербургскомъ *Пушкинскомъ Сборникѣ* 1899 г. Юрія Веселовскаго: *Поэзія Пушкина въ преддверіи Азіи*, и затѣмъ два перевода изъ Пушкина на халдейскій языкъ. Тамъ же есть обзоръ изученія Пушкина въ Германіи: *Германская литература о Пушкинѣ.* Въ № 5 Уч. Записокъ Юрьев. Унив. А. М. Германа: *Пушкинъ въ эстонской литературѣ*, и Я. И. Лаутенбаха: *Пушкинъ въ латышской литературѣ.*

Пушкинъ оставилъ слѣдъ и въ другихъ отрасляхъ искусства,—въ музыкѣ, въ пластикѣ: см. Л. Турыгина, *Пушкинъ въ области музыки*, Спб.; *А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи*, А. І. Степовича (Сб. К. Пед. Общ.); *Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ русской музыкѣ*, Н. Кашкина (въ ж. Жизнь, № 5); *Пушкинъ въ музыкѣ*, М. М. Иванова, Спб., и *Пушкинъ въ музыкѣ*, Н. М. Ерошенка, Одесса,—лучшія статьи въ своемъ родѣ. Б. И. Срезневскій: *Пушкинъ въ музыкѣ.* Уч. Зап. Юр. Ун. № 5. О гимнахъ и кантатахъ, вызванныхъ юбилеями, см. библіографическую справку СП-аго *Пушкинскаго сборника.* Затѣмъ, въ ж. *Жизнь*, № 5 см. о вліяніи Пушкина на русское пластическое искусство: *Поэзія А. С. Пушкина и русское пластическое искусство*, П. Ге.

Такова въ общихъ, признаемся, далеко еще неполныхъ чертахъ Пушкинская юбилейная литература. Въ ней, пожалуй, нѣтъ тѣхъ вдохновенныхъ, полныхъ высокаго энтузіазма рѣчей, какими сопровождалось, напримѣръ, открытіе памятника Пушкина. Быть можетъ, найдутъ, что нѣтъ въ ней и такихъ работъ, которыя проливали бы совершенно новый свѣтъ на Пушкина; не богата юбилейная литература и новыми находками. Повидимому, все главное уже найдено, и на очереди—разработка матеріала, а эта послѣдняя работа на юбилеѣ была представлена далеко не худо, ибо среди юбилейныхъ трудовъ есть такіе, которые надолго сохранятъ свое значеніе и даже станутъ необходимыми пособіями въ даль-

нѣйшемъ. Правда, на ряду съ ними есть много и такихъ, гдѣ повторяется старое, гдѣ видно больше усердія и наивнаго преклоненія предъ памятью поэта, чѣмъ пониманія его; но вѣдь первая и главная цѣль юбилеевъ—освѣжить въ памяти общества вспоминаемое событіе, а эта цѣль во всякомъ случаѣ была достигнута и притомъ въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда ранѣе. Осуществлена была и другая цѣль юбилея: былъ вызванъ подъемъ духа и интереса къ чествуемому, родилось желаніе высказаться и внести хоть лепту въ общую сокровищницу, а это тоже не малое дѣло—и любопытно хотя бы въ статистическомъ отношеніи, такъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ обширенъ кругъ почитателей поэта, какъ обширны и разнородны тѣ вопросы, которые способна возбуждать его поэзія [1]).

А. Лобода.

[1]) Къ стр. 5 и 15 прибав. II т. *Сборника Учено-литературнаго Общества при Им. Юрьевскомъ Университетѣ,* со ст. г. Столярова *Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи Пушкина* и др., а также *Пушкинскій сборникъ*, изд. И. Юрьевскимъ Унив., въ У. Зап. № 5.

Замѣченныя опечатки:

Отдѣлъ	*Стран.*	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
I.	14	3 св.	Алепинскимъ	Алеппскимъ
	35	12 сн.	Verunika	Veronika
II.	17	12 св.	великопольскіе и малопольскіе	великопольскія и малопольскія
	19	19 св.	означенные	означенныя
	21	1 сн.	во Vol. leg.	въ Vol. leg.
	22	6 св.	на означенные суды	въ означенные суды
	23	14 сн.	разнообразныя	разнообразные
	24	14 св.	на 18-го мая	на 18-ое мая
	„	10 сн.	сеймика	сеймикъ
	26	2 и 1 сн.	Seuatorowie	Senatorowie
	27	12 св.	таковомъ	такомъ
	31	5 св.	первый судей	первыхъ судей
	57	9 св.	непосредственную	не непосредственную
	58	13 св.	нелишнимъ	не лишнимъ
	62	7 св.	оправованы	о(т)правованы
	63	6 св.	з них	з них (?)
	65	16 св.	описаных судови [2])	описаных [2]) судови
	67	15 св.	от суду, або от сойми-ку подъ виною	от суду або от сойми-ку, подъ виною
	„	7 сн.	duatuordecem marcaram	quatuordecem marcarum
	68	19 св.	а еслибы	А еслибы
	70	13 сн.	въ порядку, (на)	въ порядку (на)
III.	16	2 сн.	heroniczne w oczach	heroiczne cineres w oczach
	„	„	raczey	raczey
IV.	5	17 сн.	Записки III—IV	Записки I—VI

Отдѣлъ III.

Реляція о встрѣчѣ и въѣздѣ московскихъ пословъ въ Варшаву 8 декабря 1667 г.—Сообщила *Е. И. де-Витте* . . . . . 3—6

Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи (Панегирики и стихи Б. Хмельницкому, И. Подковѣ и арх. Лазарю Барановичу).—Сообщилъ *В. Н. Перетцъ* 7—25

Неизданное произведеніе Варлаама Ясинскаго. — Сообщилъ *А. И. Соболевскій* . . . . . 26—28

Отдѣлъ IV.

Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы.—*А. М. Лободы* . . . . . 3—34

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна II-й книги **„Чтеній въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца“** 3 р., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по	2 р. 50 к.		
„ VI-й „	3 р. 50 к.		
„ VII, IX, XIII „	„ 3 р.	}	съ пересылкой.
„ VIII, X, XI „	„ 2 р.		
„ XII „	4 р.		

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ. 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.). К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“. (Рѣчь и историческая записка). К. 1899 г. Цѣна 75 коп,

Съ письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества *И. М. Каманину* (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историческ. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.